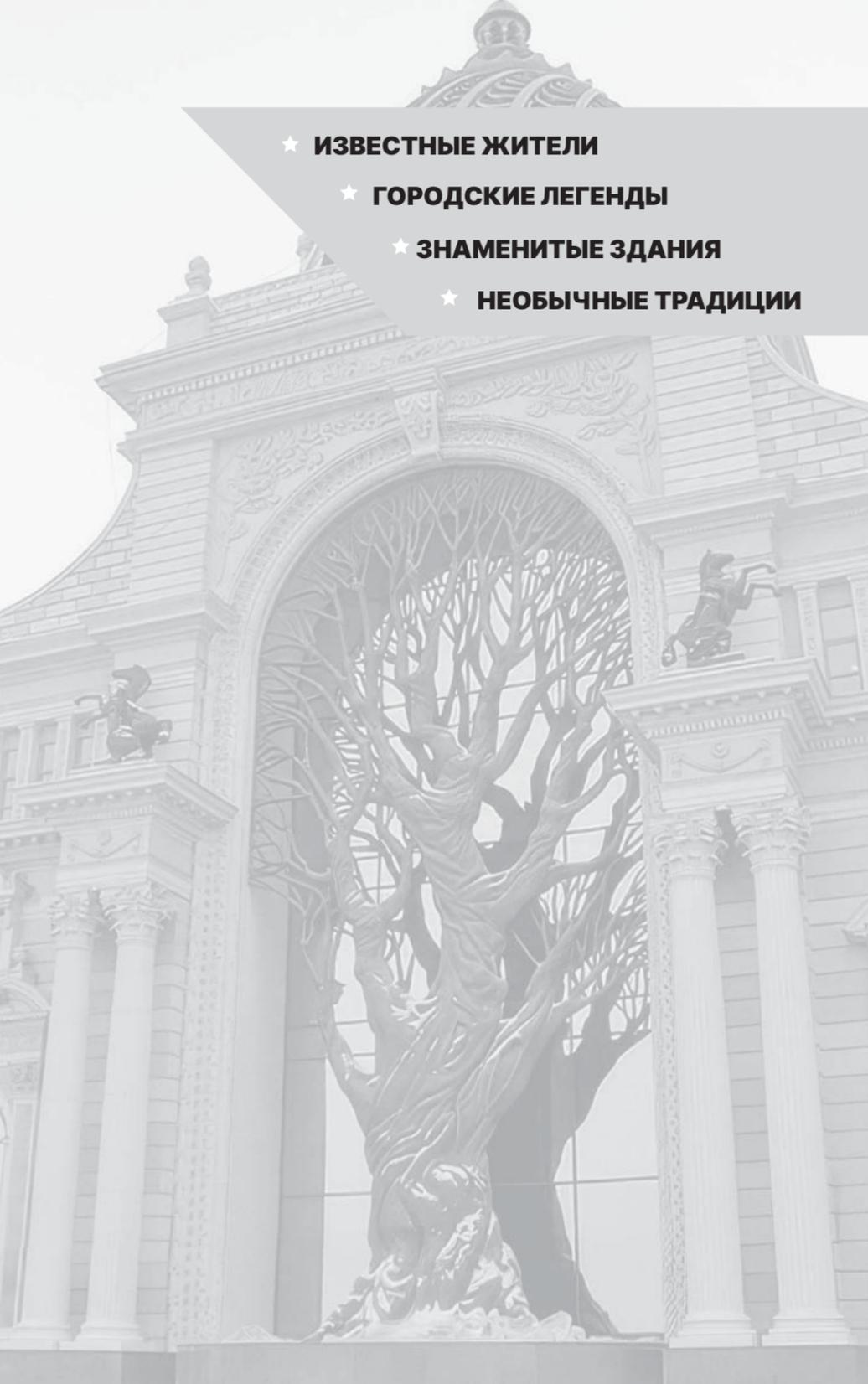

ИСТОРИЯ ГОРОДА
НА ПАЛЬЦАХ

★ **ИЗВЕСТНЫЕ ЖИТЕЛИ**

★ **ГОРОДСКИЕ ЛЕГЕНДЫ**

★ **ЗНАМЕНИТЫЕ ЗДАНИЯ**

★ **НЕОБЫЧНЫЕ ТРАДИЦИИ**

СЕРГЕЙ
НЕЧАЕВ

КАЗАНЬ

ПОЛНАЯ ИСТОРИЯ
ГОРОДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 908(470.41-25)
ББК 63.3(2-2Казань)
Н59

В настоящем издании в качестве иллюстрированных цитат к текстовому материалу используются фоторепродукции произведений искусства, находящихся в общественном достоянии

Дизайн обложки *Алексей Родюшкин*

Нечаев, Сергей
Н59 Казань. Полная история города /Сергей Нечаев, —
Москва: Издательство АСТ, 2025. —352 с. — (История
города на пальцах).

ISBN 978-5-17-167900-2

Казань — «третья столица России» — поражает путешественника своей многогранностью, уникальностью и красотой. Здесь переплелись традиции разных религий, обычаи народов, языки и наречия... Здесь история сквозит из кладки Кремля, мечетей и церквей, а на улицах современность переплетается с легендами и преданиями. Казань удивляет и заставляет влюбиться. Казанью невозможно не восхищаться!

Читатель, открой книгу и убедись в этом сам!

УДК 908(470.41-25)
ББК 63.3(2-2Казань)

ISBN 978-5-17-167900-2

© Сергей Нечаев, 2025
© ООО Издательство АСТ, 2025

Хронология истории Казани

1005 год

Официальная дата основания Казани.

1177 год

Первое упоминание Казани в летописи.

1236 год

Казанские земли завоеваны войсками хана Батыея, Волжская Булгария административно включена в систему Золотой Орды, и роль Казани как приграничной крепости утрачена.

1408 год

В Казани начала чеканиться собственная монета.

1438 год

Казань захвачена ханом Улу-Мухаммедом, и образовано новое государство — Казанское ханство.

1445 год

Нашествие на Русь казанского царя Улу-Мухаммеда и пленение Московского великого князя Василия Темного. Основание Новой Казани. Начало самостоятельного Казанского царства.

1469 год, 21 мая

Взятие Казани великим князем Московским Иваном III.

1487 год, 9 июля

Поход великого князя Ивана III на Казань и взятие Казани воеводой князем Даниилом Холмским.

1506 год, 2 мая

Поход на Казань и поражение русских у Арского поля.

1523 год

Убийство в Казани московского посла В. Ю. Поджогина и избиение русских купцов. Поход русских на Казань, во время которого была основана крепость Васильсурск.

1524 год

Изгнание русскими из Казани хана Сахиб Герая.

1530 год

Поход на Казань, бой под Казанью и возведение на ханский престол хана Джан-Али, известного как Еналей-хан.

1536 год

Первая война с Казанью Московского великого князя Ивана IV.

1541 год

Вторжение в московские владения казанского царя Сафа-Гирея.

1545 год

Второй поход на Казань великого князя Ивана IV. Московская рать выжгла окрестности Казани.

1550 год

Третий поход на Казань великого князя Ивана IV.

1551 год

Четвертый поход на Казань царя и великого князя Ивана IV Васильевича. Основание города Свияжска.

1552 год, 24 марта

Царь Иван IV Грозный решил начать пятый и последний поход на Казань под личным своим предводительством.

1552 год, 3 июля

Выступление московских войск в поход на Казань.

1552 год, 2 октября

Казань после семинедельной осады захвачена Иваном IV Грозным, началась новая история города — теперь в составе Московского царства.

1556 год

Основание Спасо-Преображенского монастыря.

1562 год, 15 августа

Освящение каменного Благовещенского кафедрального собора.

1564 год, 4 декабря

Кончина святителя Гурия, первого архиепископа Казанского.

1576 год, 11 мая

Кончина в Казани епископа Варсонофия.

1579 год, 23 июня

Пожар в Казани, огонь истребил часть города вблизи кремля, все посады, государев двор и Спасо-Преображенский монастырь.

1595 год, 23 июня

Пожар истребил северо-западную часть города Казани.

1596 год, 4 октября

Обретение нетленных мощей святителей Гурия и Варсонофия.

1611 год

Присяга казанцев Лжедмитрию II.

1654 год

Страшный мор в Казани, от которого погибло до 48 000 жителей.

1672 год

Второй большой пожар в Казани, сгорела лучшая часть города.

1684 год

Третий большой пожар в Казани.

1708 год, 18 декабря

Указом императора Петра I Казань стала столицей огромной Казанской губернии, включавшей в себя воеводства: Свияжское, Пензенское, Симбирское, Уфимское и Астраханское (всего 71 уезд).

1714 год

Основание в Казани, по повелению императора Петра I, суконной фабрики, переданной в 1724 году купцу Дряблову.

1718 год

Учреждение в Казани адмиралтейства для Каспийского флота.

1719 год, 29 мая

Изменение состава Казанской губернии при разделении России на 10 губерний. В состав губернии вошли 27 городов с уездами и до 26 крепостей и пригородов.

1719 год

Основание в Казани, по повелению императора Петра I, кожевенного завода.

1722 год, 27 мая

Прибытие в Казань императора Петра I.

1742 год, 3 августа

Четвертый большой пожар в Казани. Огонь истребил архиерейский дом, кафедральный собор, монастыри Иоанновский и Казанский, семинарию, Гостиный двор и несколько приходов.

1749 год

Пятый большой пожар в Казани. Он вспыхнул в Татарской слободе и истребил кафедральный собор, с колокольни которого попадали колокола, архиерейский дом,

монастыри Спасский и Троицкий, дома губернаторский и комендантский, губернскую канцелярию с архивом.

1757 год

Шестой большой пожар в Казани, в который выгорела часть города, прилегающая к кремлю и к Гостиному двору.

1758 год, 21 июля

По указу Сената в Казани открыта гимназия, которая явилась первой в провинции и долгое время оставалась единственной после Санкт-Петербурга и Москвы.

1767 год

Казань посетила императрица Екатерина II.

1774 год, 12 июля

Казань взяли штурмом и сожгли войска Емельяна Пугачева.

1775 год

В ходе губернской реформы расформирована Казанская губерния, образованная указом Петра I.

1781 год, 28 сентября

Образование Казанского наместничества, в которое вошли 13 уездов. Правителем наместничества стал генерал И. Б. Бибииков.

1786 год, 15 сентября

Открытие в Казани порохового завода.

1791 год

Постройка в Казани первого публичного театра.

1796 год, 12 декабря

Ликвидация Казанского наместничества. Вновь появилась Казанская губерния. Губернатором стал Д. С. Казинский.

1799 год

Посещение Казани императором Павлом I с великими князьями Александром Павловичем и Константином Павловичем.

1800 год, 15 декабря

Указом Сената была учреждена типография для печатания книг на татарском языке.

1805 год, 14 февраля

Торжественно открылся Казанский Императорский университет, и его первыми студентами стали выпускники Казанской гимназии.

1811 год, 19 апреля

Начала издаваться первая казанская газета — «Казанские известия».

1815 год, 3 сентября

Восьмой большой пожар в Казани, истребивший 166 улиц с переулками и в них 1179 домов. Выгорел кремль и погибли ценные в историческом отношении казанские архивы.

1830 год

Первая холерная эпидемия в Казани.

1838 год

Начала издаваться газета «Казанские губернские ведомости».

1842 год, 24 августа

Девятый большой пожар в Казани, превзошедший своими масштабами все предшествовавшие. Было истреблено 9 церквей и 1309 домов, выгорели лучшие части города.

1842 год, 5 декабря

Утверждение нового плана города, составленного после пожара 24 августа.

1849 год

Вторая холерная эпидемия в Казани.

1851 год

Открытие нового каменного театра в Казани и начало спектаклей итальянской оперы.

1853 год

Третья холерная эпидемия в Казани.

1854 год

В Казани появились одни из первых в России омнибусов.

1859 год

В Казани заработал телеграф.

1863 год, 6 июня

Учреждение в Казани временного генерал-губернаторства для Казанской, Вятской и Пермской губерний. Приезд временного генерал-губернатора А. Е. Тимашева.

1866 год

Открытие в Казани городской почты.

1870 год, 8 ноября

Открытие в Казани окружного суда и судебной палаты.

1873 год, 1 февраля

В Казани родился Федор Иванович Шаляпин.

1874 год

В Казани открыт городской водопровод и появилось газовое освещение.

1884 год, 16 января

Открытие Казанского губернского дворянского собрания. Губернским предводителем дворянства избран А. Г. Осокин.

1885 год, 1 октября

Открытие Казанского почтово-телеграфного округа.

1887 год, 11 февраля

Пожар в Казанском Богородицком женском монастыре.

1888 год, 15 ноября

Открытие в Казани городской телефонной сети.

1889 год, 3 января

Открытие Казанского городского ломбарда.

1896 год

Стало доступно сквозное железнодорожное сообщение между Казанью и Москвой.

1897 год

Появление в Казани электрического освещения.

1899 год, 18 ноября

Появление в Казани первого электрического трамвая.

1901 год

Открыта Казанская обсерватория.

1918 год

Казань на время стала эпицентром событий на Восточном фронте. Город переходил из рук чехословацких легионеров и белой армии в руки красных и обратно. Именно здесь Л. Д. Троцкий впервые применил «децимацию» — расстрел каждого десятого из состава частей, отступающих с позиций под натиском противника.

1920 год

Образована Татарская Автономная Советская Социалистическая Республика, столицей которой стала Казань.

1923 год

Открыто авиационное пассажирское сообщение по маршруту Москва — Нижний Новгород — Казань.

1926 год

В Казани появились первые маршруты автобусов.

1927 год

Основан Казанский авиационный завод, который освоил в 1950-1960х годах серийное строительство первого в мире реактивного пассажирского самолета Ту-104.

1933 год

Основан Казанский вертолетный завод, который выпустил более 10 тысяч вертолетов.

1948 год, 27 ноября

В Казани появился первый троллейбус и было открыто троллейбусное сообщение.

1959 год

Начало работы Казанского телецентра.

1979 год

В Казани родился миллионный житель.

1990 год, 30 августа

Принята и подписана Декларация о государственном суверенитете республики. Казань стала столицей Татарстана.

1992 год, 6 ноября

Принятие новой Конституции Республики Татарстан, установившей новый государственный статус республики.

1997 год, август

Начато строительство первой линии Казанского метрополитена.

2000 год

Казанский кремль внесен в список Всемирного культурного и природного наследия Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО).

2005 год, 30 августа

В Казани с огромным размахом отмечено 1000-летие города. К этому событию были построены такие объекты, как Казанский метрополитен, мечеть Кул-Шариф, мост Миллениум, новый ипподром и «Татнефть-Арена».

2013 год, 6–17 июля

В Казани прошла XXVII всемирная летняя Универсиада — главное всемирное студенческое соревнование, проводимое раз в четыре года среди молодежных сборных.

2015 год, 24 июля — 9 августа

В Казани прошел XVI чемпионат мира по водным видам спорта под эгидой Международной федерации плавания (FINA).

2018 год

Казань принимала матчи чемпионата мира по футболу.

2024 год, 22–24 октября

В Казани проходил XVI саммит БРИКС, в котором участвовали 36 делегаций из разных стран, в том числе из КНР, Индии, Бразилии и ЮАР. В работе саммита принимал участие Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш.

Именитые уроженцы Казани

Аксёнов Василий Павлович (1932–2009) Родился 20 августа 1932 года в Казани. Писатель, драматург и сценарист, переводчик, педагог. Известен по романам «Звездный билет», «Ожог», «Московская сага», «Остров Крым», «Москва Ква-Ква», по повестям «Коллеги», «Апельсины из Марокко», «Затоваренная бочкотара», «Мой дедушка — памятник» и др.

Асадуллин Альберт Нурулло-вич (1948 г.р.) Родился 1 сентября 1948 года в Казани. Эстрадный певец, тенор-альтино. Заслуженный артист РСФСР, народный артист Татарстана.

Бауман Николай Эрнестович (1873–1905) Родился 18 октября 1873 года в Казани. Революционер, деятель большевистского крыла РСДРП. Его именем назван Московский государственный технический университет (знаменитая «Бауманка»).

Бутлеров Александр Михайлович (1828–1886) Родился 3 сентября 1828 года в Чистополе (Казанская губерния). Химик, академик, заслуженный профессор, создатель теории химического строения органических веществ. Родоначальник «бутлеровской школы» русских химиков. Ректор Казанского университета в 1860–1863 гг.

Валиева Камила Валерьевна (2006 г.р.) Родилась 26 апреля 2006 года в Казани. Фигуристка-одиночница. Чемпионка мира среди юниоров 2020 года. Победительница финала юниорского Гран-при сезона 2019/2020. Победительница этапов Гран-при. Заслуженный мастер спорта России. Стала олимпийской чемпионкой в Пекине и чемпионкой Европы 2021/2022, но потом была дисквалифицирована за применение допинга.

Ведищева Аида Семеновна (урожденная Ида Соломоновна Вайс) (1941 г.р.) Родилась 10 июня 1941 года в Казани. Советская и американская певица, наиболее известна как исполнительница популярных песен из кинофильмов («Песенка о медведях», «Помоги мне», «Лесной олень») и мультфильмов («Колыбельная медведицы», «Чунга-Чанга»).

Гала (настоящее имя Елена Ивановна (Дмитриевна) Гомберг-Дьяконова) (1894–1982) Родилась 7 сентября 1894 года в Казани. Художница и модель. Жена знаменитого французского поэта Поля Элюара. Позднее жена, муза и модель Сальвадора Дали. Фигурирует на некоторых его полотнах.

Державин Гавриил (Гаврила) Романович (1743–1816) Родился 3 июля 1743 года в селе Сокуры (Казанская губерния). Поэт эпохи Просвещения. Государственный деятель Российской империи, сенатор. Первый министр юстиции Российской империи в 1802–1803 гг.

Заболоцкий Николай Алексеевич (1903–1958) Родился 24 апреля 1903 года на ферме Казанского губернского земства (Казанский уезд, Казанская губерния), где его отец работал агрономом. Поэт и переводчик. Член Союза писателей СССР. Был репрессирован в 1938 году, посмертно реабилитирован в 1963 году. Перу Заболоцкого, в частности, принадлежит перевод поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре».

Зайцев Александр Михайлович (1841–1910) Родился 20 июня 1841 года в Казани. Химик-органик. Профессор Казанского университета с 1871 года. Член-корреспондент Петербургской Академии наук. Создатель крупной школы химиков. Президент Русского физико-химического общества.

Рощин Михаил Михайлович (1933–2010) Родился 10 февраля 1933 года в Казани. Прозаик, драматург и сценарист. Наиболее известен по пьесам «Седьмой подвиг Геракла», «Старый Новый год», «Валентин и Валентина», «Спешите делать добро», «Шура и Просвирия» и др.

Тукай Габдулла (1886–1913) Родился 14 апреля 1886 года в деревне Кошлауч (Казанский уезд, Казанская губерния). Татарский народный поэт, литературный критик, публицист и переводчик.

Тушнова Вероника Михайлов-на (1911–1965) Родилась 14 марта 1911 года в Казани. Поэтесса и переводчица, писавшая в жанре любовной лирики. Член Союза писателей СССР. На ее стихи были написаны популярные песни: «Не отрекаются любя», «А знаешь, все еще будет!» и др.

Фешин Николай Иванович (1881–1955) Родился 26 ноября 1881 года в Казани. Русский и американский художник (живописец, график, скульптор), представитель импрессионизма и модерна.

Филатов Леонид Алексеевич (1946–2003) Родился 24 декабря 1946 года в Казани. Актер театра и кино, кинорежиссер, поэт, драматург. Народный артист Российской Федерации. Лауреат Государственной премии Российской Федерации. Известен по фильмам «Грачи», «Успех», Забытая мелодия для флейты», «Город Зеро», «Сукины дети» и др.

Хуснуллин Марат Шакирзянович (1966 г.р.) Родился 9 августа 1966 года в Казани. Государственный деятель. Заместитель Председателя правительства Российской Федерации с 21 января 2020 года.

Шляпин Федор Иванович (1873–1938) Родился 1 февраля 1873 года в Казани. Оперный и камерный певец (высокий бас). В разное время был солистом Большого и Мариин-

ского театров, а также театра Метрополитен-опера. Первый народный артист Республики (1918 г.).

Шварц Евгений Львович (1896–1958) Родился 9 октября 1896 года в Казани. Прозаик, сценарист, драматург, журналист и поэт. Наиболее известны его пьесы «Золушка», «Голый король», «Снежная королева», «Сказка о потерянном времени», «Дракон», «Обыкновенное чудо» и др. Автор сценариев фильмов «Доктор Айболит», «Первоклассница», «Каин XVIII» и др.

Шмаринов Дементий Алексеевич (1907–1999) Родился 29 апреля 1907 года в Казани. Художник-график, иллюстратор, педагог. Народный художник СССР. Лауреат Ленинской премии 1980 года и Сталинской премии 1943 года.

Яхина Гузель Шамилевна (1977 г.р.) Родилась 1 июня 1977 года в Казани. Писательница. Автор романов «Зулейха открывает глаза», «Дети мои» и «Эшелон на Самарканд». Лауреат премии Правительства Российской Федерации в области культуры и ряда других премий.

Глава первая
КАЗАНЬ:
ПРОИСХОЖДЕНИЕ
НАЗВАНИЯ

Относительно происхождения названия Казани существует несколько версий и легенд.

Чаще всего говорят, что якобы некий колдун посоветовал булгарам построить город там, где без всякого огня будет кипеть врытый в землю котел с водой. Такое место было найдено на берегу озера Кабан. Отсюда якобы и пошло имя города Казань, ибо «котел» на татарском языке — это «казан».

Это, так сказать, общепринятая версия. Но есть и другие: они связывают название города с ландшафтом, татарскими словами «каен» (береза) или «каз» (гусь), князем Хасаном и пр.

■ Центр семьи «Казан»

Казалось бы, причем тут ландшафт? Но изначально Казань основывалась как крепость для обороны границ Булгарского ханства, и ее местоположение выбиралось, в первую очередь, из военно-стратегических соображений. Вот и было подобрано место на высоком холме, окруженном с трех сторон болотами, а с четвертой — рекой. И якобы, сравнивая легко обороняемое расположение крепости с котлом, ее назвали Казан, что значит «котел для плова».

Башкирский лингвист-тюрколог Д. Г. Киекбаев считает, что слово Казань происходит от «каен» — береза. При этом ученый приводит в пример название деревни Казанлы в Башкирии, которая расположена среди березовых рощ. Якобы название деревни восходит к слову «каенлы» (березовый).

Писатель Юсуп Гарай утверждает, что в некоторых тюркских языках слово «казан» когда-то означало «водную траву» (например, мать-и-мачеху или душистую лебеду). Однако автор этой версии не приводит примеров использования слова «казан» в таком значении на территории современного Татарстана.

Филолог Г. Ф. Саттаров поддерживает гипотезу, согласно которой слово «Казань» связано с именем племени каз (гусь), которое в древности обитало в бассейне реки Казанка. Название реки состоит из составных «каз», «ан» и «ка». «Ан» — это «река», а «ка» — это суффикс русского языка, который прибавился к слову «казан» в XVI веке.

С другой стороны, в татарских легендах рассказывается, как одна женщина уронила свой котел (казан) в реку и закричала «казан». И якобы именно поэтому реку назвали Казанка.

Местные жители производят имя от татарского слова «казан», «котел». Придумали легенду, будто бы люди Батыя собирались готовить обед и нечаянно утопили в реке котел — по-татарски казан, отсюда и город, основанный на этом месте, называется Казань.

АЛЕКСАНДР ФЕДОРОВИЧ
ОРЛОВ
русский и советский
топонимист

Еще одну версию изложил доктор исторических наук В. Л. Егоров. Он полагает, что город был основан болгарским князем Хасаном и носит имя своего основателя. Его противники утверждают, что исторических сведений об основании Казани ханом Хасаном нет, а в Волго-Уральском регионе известно много легенд о мифическом Казан-батыре и Казан-хане. Но это тоже лишь легенды.

Первичным было реконструируемое аланско-буртаское название Хадзанг, связанное с расположением города при крутом изгибе русла Волги. На чувашской почве оно превратилось в Хузан, а в русском употреблении — в Казань.

ИГОРЬ ГЕОРГИЕВИЧ
ДОБРОДОМОВ
советский и российский
лингвист

Глава вторая

ОСНОВАНИЕ ГОРОДА

Казань была основана как форпост на северных границах Волжской Булгарии.

Согласно официальной версии, принятой в настоящее время, город был основан не менее 1000 лет назад. Во всяком случае, 1000-летие (миллениум) Казани отмечалось 24–30 августа 2005 года.

Основанием для такой датировки служит обнаруженная во время раскопок на территории Казанского кремля древнечешская монета, которая относится к правлению

- Святой Вацлав на вотивном образе Яна Очка из Влашима. 1370-е. Чеканная древнечешская монета. 929–930

князя Вацлава (предположительно, чеканка 929–930 гг.). Кроме того, были найдены остатки каменной кладки и деревянной городской ограды, а также предметы ремесел и утвари, такие как накладка венгерского типа и женские бусы, наряду с другими артефактами, датировка которых менее очевидна.

Относительно «сенсационной» монеты можно сказать следующее. Она была найдена 15 августа 1997 года Богданом Сауленко в присутствии известных археологов Ю. В. Григорьева и А. Г. Ситдикова, и сделано это было в домонгольском слое раскопа, расположенного к северо-востоку от Благовещенского собора Казанского кремля. Монета сделана из свинца с небольшими вкраплениями серебра, меди и железа. Судя по отверстию, можно предположить, что монета использовалась в качестве украшения. Сейчас она хранится в Музее истории государственности Татарстана.

Поэтому датой основания Казани считается 1005 год. И, согласно официальной версии, город был основан правителем Волжской Булгарии Абд ар-Рахман ибн Мумином.

Но и тут, как и в случае с названием города, имеется множество версий. Например, в 1762 году русский путешественник и краевед П. И. Рычков заявил, что Казань была основана ханом Саином и произошло это после смерти хана Батыея.

По смерти Батыевой царство его и Болгарское принял Ордынский царь Саин, который вместо разоренного Болгарского города Бряхимова построил для себя собственный город Казань, и, утвердись тут, он и последователи его Российским местам причиняли многие разорения.

ПЕТР ИВАНОВИЧ РЫЧКОВ
русский путешественник,
экономист и краевед

Хан Батый умер в 1256 году, а город волжских болгар Бряхимов впервые был упомянут в летописях под 1164 годом. И если версия П. И. Рычкова верна, то Казань никак не могла быть основана в 1005 году.

- Красноглиняная гончарная посуда. Находки из Казанского кремля. X-XIII века

На самом деле, к изучению находок, имеющих отношение к возрасту Казани, были привлечены специалисты из многих городов России и зарубежных стран. Соответственно, и предположений — множество.

Например, историк, этнограф и краевед М. Н. Пинегин считает, что «Казань основана в 1290 году, а новая — в 1394 году».

Также часто пишут, что старая Казань была основана в 1298 году, а новая — в 1402 году.

Советский археолог и исследователь истории и культуры народов Поволжья М. Г. Худяков относил основание Казани к 1401–1402 гг.

Основание Казани относят ко второй половине XII века; в наших летописях город упоминается в первый раз в конце XIV столетия. Старый город находился ранее близ того места, где ныне деревня Князь-Камаева; сохранившееся здесь городище носит до сих пор название Старой Казани; на нынешнем своем месте город существует с XV века. В начале Казань не имела ни политического, ни торгового значения; и то и другое усилилось только с падением города Булгар.

ЛЕОНИД БОРИСОВИЧ
ВЕЙНБЕРГ
российский историк
и краевед

До 1977 года считалось, что Казань была основана в конце XIV века, и в 1894 году городской голова Сергей Викторович Дьяченко предлагал отметить 500-летие города.

Одним из главных оппонентов сторонников 1000-летнего юбилея Казани является доктор исторических наук Вадим Леонидович Егоров. Еще в 1975 году он выступил с возражениями на заседании отделения истории Академии наук СССР, и в том же году он высказал свое мнение на страницах журнала «Советская археология».

По мнению ученого, раскопки, проводившиеся в Казани, были недостаточны для освещения этого вопроса, а обломки глиняных сосудов вообще не позволяют точно датировать слой, в котором они залегали.

В. Л. Егоров заявил (и это теперь подтверждают многие другие исследователи), что Казань возникла не раньше второй половины XIV века.

Казанский историк и археолог А. Х. Халиков предположил, что Казань существует уже 800 лет. В то же время В. Л. Егоров, опираясь как на археологические находки, так и на письменные источники, пришел к выводу, что возраст Казани составляет 600 лет.

Тогда научный спор дошел до Академии наук СССР.

Московские исследователи на заседании в Академии наук СССР доказали, что 800-летие Казани невозможно. Стали всплывать факты того, что студентов казанских вузов... на археологических раскопках заставляли подбрасывать кусочки керамики XII века. Из-за этого разразился большой скандал, и один из участников заседания сказал, что 800-летие Казани не имеет никакого отношения к науке и об этом лучше всего не говорить.

АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ
ОВЧИННИКОВ
российский историк

Вадим Леонидович Егоров в одном из интервью потом рассказал: «Когда я влез еще и в археологию, то окончательно понял, что никаким 800-летием не пахнет. Казани

■ На праздновании 1000-летия Казани. 2005

ровно 600 лет. Это совершенно железная и исторически обоснованная дата. Я подготовил статью “О времени возникновения Казани”, и когда она вышла в журнале “Советская археология”, то в Татарии это произвело эффект разорвавшейся бомбы. Дошло до того, что в Москву приехал секретарь обкома КПСС Татарии. Он пришел к самому Михаилу Андреевичу Суслову [члену Политбюро ЦК КПСС. — *Авт*]. Оказывается, к юбилею уже все было готово — выпустили конфеты “800 лет Казани”, книжку написали, значки отчеканили — и тут вдруг такая статья. Суслов поинтересовался: “В каком журнале?” — “В Советской археологии”. А редактором журнала был членкор Академии наук Арциховский, огромный авторитет в археологии, человек, впервые нашедший знаменитые новгородские грамоты. И Суслов сказал: “Арциховский никогда не пропустит ничего непроверенного. Я не сомневаюсь, что автор статьи прав”. В конце концов, юбилей не состоялся. А я 20 лет после этого не мог появляться в Казани. Мне просто не советовали».

Итак, в 1977 году 800-летний юбилей Казани не состоялся. Зато в 2005 году, то есть через 28 лет, состоялся 1000-летний. И решение о праздновании было принято

после археологических раскопок на территории Казанского кремля.

В. Л. Егоров прокомментировал это так: «Вопрос о 800-летию был закрыт абсолютно. И больше не возникал. И вдруг при раскопках в Казанском кремле нашли чешскую монету. И все началось снова. Сегодня на этой чешской монетке все и строится. Остатков самого города, еще раз повторяю, нет. Культурных слоев X, XI, XII и XIII веков нет. Зато есть монета».

Вывод ученого был сформулирован так: «Остаюсь при своей точке зрения, что Казань возникла в 1370 году. И доказательств того, что это не так, никаких нет».

Если в двух словах, то суть происшедшего выглядела так: казанский историк и археолог А. Х. Халиков доказывал версию о 800-летнем возрасте Казани, и в центральных научных изданиях его за это критиковали. В частности, В. Л. Егоров в 1975 году убедительно опроверг версию А. Х. Халикова. А в Казани все тут же начали осуждать «московского» и поддерживать «своего».

С Альфредом Халиковым после этого скандала в Институте археологии Академии наук СССР даже за руку никто не здоровался. В 1986 году Халиков вновь ставил вопрос о возобновлении исследований, которые бы подтвердили 800-летие города, но эта точка зрения тогда была непопулярна. В 1993–1995 годах, когда ситуация в России была далека от стабильности, а в Татарстане «расцвел» суверенитет, снова был поставлен вопрос о возрасте Казани. Многие из татарских историков стали говорить о том, что можно было бы в 2002 году отметить 825-летие города.

АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ
ОВЧИННИКОВ,
российский историк

После смерти А. Х. Халикова в 1994 году раскопки в Казанском кремле были возобновлены, и появились новые находки. Однако возникает вопрос о том, насколько можно

доверять этим «новым» материалам? Кроме того, стоит рассмотреть еще один важный аспект: даже если «сенсационная» монета действительно была обнаружена, что с того? Если бы были найдены артефакты, например, эпохи мезолита, никто же не стал бы утверждать, что городу десять тысяч лет...

Легенда
о
основании
Златия
да Казани

Глава третья
ЛЕГЕНДЫ
ОБ ОСНОВАНИИ
КАЗАНИ

Одно из сказаний об основании Казани было записано известным медиком, натуралистом и путешественником конца XVIII века Иоганном Готтлибом Георги в его «Заметках путешественника по Русскому государству в 1772–1774 гг.», опубликованных в Санкт-Петербурге в 1775 году.

Он писал, что храбрый хан Золотой Орды Темир-Лан (Тамерлан) завоевал Булгарское царство от Яика до Волги (что должно было происходить в конце XIV века, когда Тамерлан господствовал над татарскими ордами). После семилетней осады Темир завоевал столичный город Бряхимов, пленил и умертвил хана Абдуллу. Но сыновья убитого хана Алтын-Бек и Алын-Бек успели бежать и укрывались в безопасном месте до самого ухода Темир-Лана из булгарских земель. Затем они снова явились во владения своего отца. А так как Бряхимов был большой город и восстанавливать его было трудно, братья решили построить Иски-Казань (в 43 километрах от

■ Франсуа Дени Не. Вид Казани в 1767 году. 1780-е

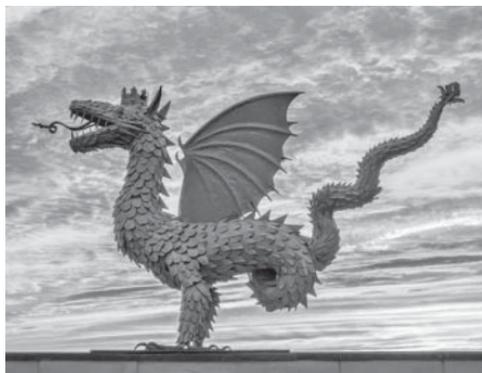

■ Иоганн Готтлиб Георги — немецкий химик, исследователь, натуралист и географ. Гравюра. XIX век

современной Казани). Это было незначительное местечко на берегу реки Казанки. И якобы однажды слуга князя Алтын-Бека, когда носил воду для бани своего хозяина, уронил котел (по-татарски «казан») в воду. В результате князь решил назвать город и реку Казан. Так Булгарское царство стало Казанским, и вместо разрушенного Бряхимова возникла Казань.

Но, согласно Иоганну Готтлибу Георги, Иски-Казань (Древняя Казань) была только 104 года столицей возобновленного царства. А нынешняя Казань была обязана своим происхождением следующему случаю.

«Один богатый казанец часто посещал пчельник, находящийся в лесу, где ныне стоит Казань и монастырь на Джилантау (Змеиной горе); при этом всегда брал с собой свою красавицу дочь; когда она уже была замужем, то однажды носила воду с реки Казанки, при этом громко порицала ос-

■ Змей с Зилантовой горы — символ Казани

нователя города. Это дошло до тогдашнего хана Али-Бея, и он потребовал ее к себе.

На вопрос хана она отвечала, что основатель города, заставляя носить для себя воду своих рабов, не может знать, как тяжело бедным беременным женщинам носить воду постоянно на высокую, крутую гору. При этом она похвалила ему окрестности близ устья Казанки, где раньше стояли ульи ее отца. Хан возразил, что в тех местах нельзя строиться, потому что там много змей, особенно на Джилантау, а на мысу между Казанкой и Булаком водятся в большом количестве дикие свиньи.

Но женщина заявила, что это не может служить препятствием, так как колдуны могут изгнать этих поганых тварей.

Хану самому не нравился его город; он послал своего сына с двумя вельможами и с сотней ратников к устью Казанки, чтобы отыскать там лучшее место для построения города; вместе с тем вручил им запечатанное письмо, приказав распечатать его после общего соглашения о выборе места. Посланные выбрали место нынешней Казани; распечатав письмо, вельможи прочитали в нем приказ закопать живого в землю одного из своей среды по жребию. Жребий пал на ханского посланника, но послы скрыли царевича, а вместо него закопали собаку. Хан Али-Бей прибыл на место нового города и осмотрел его окрестности. Сильное горе мучило хана, когда он узнал, что жребий пал на царевича. Наконец, послы решились открыть ему истину. Хан очень обрадовался, услышав о спасении сына, но при этом

с грустью заметил: “Наш новый город и наше царство достанутся в руки врагов нашей правоверной мухамметанской веры, которых мы называем собаками”.

Один колдун собрал осенью всех змей в одно место, велел зимой навозить туда дров и соломы, а весной их сжег. Однако один крылатый змей или дракон улетел на Зилантову гору, откуда долгое время еще наводил ужас на окрестных жителей; наконец и он был умерщвлен посредством заклинаний волшебника. Хан в память о таком событии избрал дракона в государственный герб; вот отчего и поныне дракон остается казанским гербом».

Такова легенда, приведенная Иоганном Готтлибом Георги.

Едва ли существовал у татар письменный памятник, из которого могло быть заимствовано это предание; вернее допустить, что оно взято прямо из устного рассказа. Легенда имеет чисто татарский характер. Что воду носят жены даже богатых татар, переходивших к оседлости, но еще не забывших привычек кочевого образа жизни, это такая характерная черта легенды, которая одна придает некоторое правдоподобие рассказу. Свиньи названы погаными животными: это показывает, что легенда слагалась у мусульман. Рассказ о змеях и драконе носит все черты среднеазиатских сказаний, которые перешли даже и в наши сказки. Наконец, легенда удовлетворительно объясняет название: Зилантова (змеиная) гора, озеро Кабан (свиное), Казан — река.

МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ

ПИНЕГИН

российский историк, этнограф
и краевед

Приведенная выше легенда имеет много вариантов, но в большинстве из них присутствует поход за водой и уроненный в воду котел (казан).

Есть также упомянутая выше версия о том, что Казань была основана ханом Саином (Сеином). Якобы преемник Батые Саин (Сеин) долго искал удобное место для построения

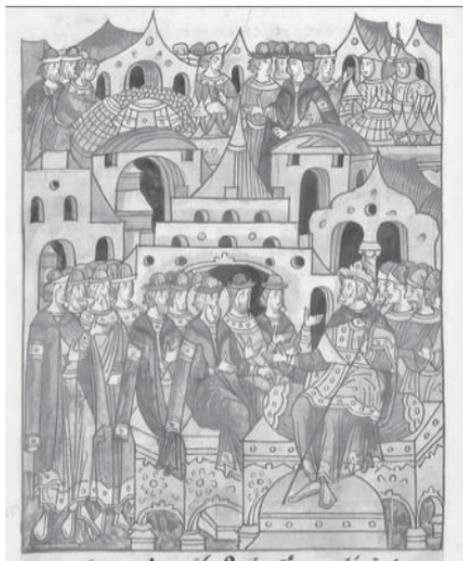
города и нашел его на Волге, на самой окраине Русской земли. Он «весьма возлюбил это место», но там издавна было змеиное гнездо, от которого «много терпели все окрестные жители». В гнезде жил Великий Змей, страшный, о двух головах: одна была змеиная, а другая воловья, одной он пожирал людей и зверей, а другой ел траву.

И вот Саин (Сеин) отыскал волхва, который взялся уничтожить всех змей. И тот выполнил задание. И получилось так, что появилось место, где стал жить новый «лютый змей». Воцарился в городе «скверный царь», который стал сеять вокруг себя несчастья, «устрашая и поглощая смиренных, как овцы, русских людей».

Из первой легенды мы видим, что основание Казани связывается с нашествием на Булгарию Тамерлана. Но профессор С. М. Шпилевский доказывает, что это сказание представляет собой хронологический скачок, и имя Тамерлана (Аксак-Тимура) должно быть заменено именем Менгу-Тимура, нападавшего на Булгарию в конце XIII века.

■ Тамерлан на пиру в Самарканде. Миниатюра. 1628

■ Лицевой летописный свод. Менгу-Тимур и русские князья. XVI век

В то время Казань, как город более новый и удаленный от центра Булгарской земли, не мог иметь особенного значения. Я имею при этом в виду, что Казань основана в конце XIII столетия, после похода Менгу-Тимура, и, может быть, в то время существовала на месте Старой Казани, в 50 верстах от нынешней Казани, так как татарские рукописи относят основание Новой Казани к 1394 или 1402 гг. Если же признать под походом Тимура, после которого была основана Старая Казань, поход Аксак-Тимура, то придется, может быть, совсем отказаться от признания существования Казани в 1399 году, так как поход Тимура в Булгарию не мог быть ранее 1391 года, а основание Казани последовало не тотчас после этого похода.

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
ШПИЛЕВСКИЙ
русский юрист, краевед
и археолог

Историк, этнограф и краевед М. Н. Пинегин в свое время отмечал: «Есть предположения, что Менгу-Тимур совершал поход на Булгарию в 1278 году, или вообще в конце XIII столетия; так что указания об основании Казани в 1290 или в 1298 гг. подходят ко времени предшествовавшего ее основанию похода Менгу-Тимура. Мы, со своей стороны, не будем утверждать, что Казань основана в один из приведенных выше годов; для окончательного решения вопроса о времени основания этого города нет положительных данных».

Я больше склоняюсь к точке зрения Вадима Егорова: современная Казань (Новая Казань) была основана в 1374 году <...> Хотя эта дата мне кажется очень априорной, но век возникновения поселения в районе Казанского кремля — 14-й — и является периодом появления здесь постоянного поселения. Иске-Казан (Старая Казань) появилась в 13-м веке. Новая Казань никак не могла появиться раньше — только позже.

АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ
ОВЧИННИКОВ
российский историк

Глава четвертая
БУЛГАРСКОЕ
ЦАРСТВО

Примерно в середине XV века на восточных границах Русской земли, по рекам Волге и Каме, возникло значительное Казанское царство (или ханство), названное в честь своего главного города. Создание этого государства не было случайным, поскольку его внутреннее устройство формировалось на протяжении долгого времени судьбами племен, которые ранее входили в состав Волжской Булгарии. По сути, Волжская Булгария изменила лишь свою внешнюю форму, продолжив существовать под татарским правлением в Казанском царстве.

Фактически еще до возникновения Руси по упомянутым рекам активно велась торговля между севером и югом, что способствовало развитию гражданской и культурной жизни в малоизвестной ныне Биармии (Бьярмии).

■ Воины Казанского ханства

Биармия располагалась в районе Северной Двины и впервые была упомянута в рассказе о путешествии Оттара из Холугаланда, которое произошло между 870 и 890 гг. К XIII веку поездки скандинавов в Биармию прекратились, и само понятие Биармии исчезло из исторических записей. В Западной Европе о ее существовании стало известно лишь в начале XVI века — благодаря труду Саксона Грамматика*, впервые изданному в 1514 году.

Торговля постепенно начала отходить к устью Камы, так что в IX веке Волга «одолела» север, оттянув на себя начавшуюся там экономическую жизнь. На высоком берегу Волги у слияния ее с Камой появилось укрепленное поселение, и его удобное расположение позволило контролировать значительную территорию.

Возникший здесь город Булгар мало-помалу разрастался, становясь не только средоточием торговли, но и исходным пунктом политической власти над областью по нижней Каме и по Волге. Столица Булгарского царства с X века служила уже складочным местом товаров, как привозимых из Азии, так и отправляемых туда. Славяне по Волге привозили в Булгар хлеб, мед, воск, меха, моржовые клыки, янтарь с берегов Балтийского моря и золотистые ткани из Константинополя; эти товары они обменивали здесь у арабов и хазар, в руках которых была почти вся азиатская торговля X века, на драгоценные камни, бисер (преимущественно зеленый), на золотые и серебряные изделия: цепочки, запястья, кольца, булавки, рукоятки и проч., на булатные клинки, гарпуны

* Саксон Грамматик (Saxo Grammaticus) — это датский хронист, автор написанных на латыни «Деяний данов» (Gesta Danorum) в 16 томах. Известно, что с 1178 по 1201 год Саксон был секретарем епископа Абсалона, и, будучи его доверенным лицом, он участвовал во многих его походах и мероприятиях. «Деяния данов» наполнены легендами и мифами, и хронологически этот труд не всегда корректен. В течение долгого времени труд Саксона оставался неизвестным в самой Дании, и лишь в 1514 году он был впервые опубликован в Париже.

и багры для рыбной ловли, на шелковые материи и на пряности.

МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ
ПИНЕГИН
российский историк, этнограф
и краевед

Крупнейший арабский географ XII века Мухаммад ибн Мухаммад аль-Идриси писал: «Ал-Болгар — это название города. Среди его жителей есть христиане и мусульмане. В нем имеется соборная мечеть. Близ него расположен город Сувар. Его постройки деревянные, в них укрываются его жители зимой, а летом они укрываются в шатрах».

Понятно, что из-за активной торговли население города Булгар (иногда его называют Болгар, и происходит путаница*) отличалось высоким уровнем благосостояния, а постоянный приток людей из различных стран и народов способствовал его культурному развитию.

На всем протяжении восточной торговли с конца VIII до начала XI века единственными воротами, через которые шла торговля Руси с Востоком, фактически был Булгар.

ВАЛЕНТИН ЛАВРЕНТЬЕВИЧ
ЯНИН
советский и российский
историк, археолог

Кто же такие были эти волжские болгары? Считается, что это был народ смешанной славянской, тюркской и финской

* До сих пор возникает спор, как правильно произносить и писать название этого древнего города. На самом деле, правильны оба варианта, но жители Татарстана предпочитают говорить Булгар. Это историческое название, и в старину оно писалось как Българ, а буква «ъ» при произношении дает и «о», и «ы». На наш взгляд, предпочтительнее говорить Булгар, когда речь идет об истории города.

народностей. И каждая из них принимала участие в формировании характера этого народа, внося свои отличительные черты.

Булгары представляли из себя физиологическую и политическую смесь племен и народов; возник особый болгарско-магометанский элемент, в котором немаловажную роль играли славяне; если они и не составляли преобладающего численного элемента в болгарской народности, то все-таки имели очень влиятельное значение. <...> Известно, что славяне, занимавшиеся торговлей по Волге, назывались у своих сородичей волгарями; такое название воспреобладало над другими и перешло со славянских выходцев на те поволжские племена, с которыми они вели совместную торговлю и жизнь; у туземцев название волгарь подверглось естественному изменению в болгар. <...> Таким образом имя Волгарь-Булгар сообщилось городу и населению.

МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ
ПИНЕГИН
российский историк, этнограф
и краевед

Булгарскому царю подчинялись мелкие князьки и старейшины; они платили ему чисто символическую дань — по шкурке с каждого дома и кибитки. При этом князья могли действовать самостоятельно. Кроме того, и сами булгары различались между собой, судя по названиям: были волжские булгары, камские, вятские, черемшанские и др.

И, кстати, подобное отсутствие сплоченности разноплеменного населения и послужило потом причиной неудач этого государства в борьбе с русичами, а также быстрого падения при столкновении с татарами.

До XIV века Булгария играла первостепенную роль на Волге, но ход истории привел ее в упадок, и этому способствовали как внутренние, так и внешние враги. Внутренний враг, самый опасный, — это прямое следствие богатства го-

■ Владимир Святой. Праздничная миная. 1619

родского населения. Как это обычно бывает, изнеженность и моральное падение элиты, от которой зависело руководство страной, ослабили государство.

Что же касается внешних врагов, то первыми среди них были русичи. Они начали походы на болгар еще при князе Владимире Святом. Булгары также не оставались в долгу: грабили русские города, опустошали целые области, уводили жителей в плен. То же самое творили и русичи при своих нападениях на болгар, и лишь большими выкупам последние спасались от полного уничтожения.

К началу XIII века Булгария была доведена Русью до полного истощения и упадка, оставалось только нанести решающий удар, чтобы завершить покорение этой земли, но тут появился второй внешний враг Булгарии — монголо-татары.

В первый раз они напали на болгар в 1223 году, но полное покорение было произведено лишь два десятка лет спустя. Когда полководец Батый, опустошив Польшу и Венгрию, возвращался оттуда, он по пути послал на Булгарию один отряд под начальством Субэдэй-Бахаура. Два видных болгарских бека Баян и Джикю явились к монголам с заявлением о покорности и возвратились в свои владения, но вскоре подняли восстание, и Субэдэй-Бахаур овладел их землей.

Монгольское завоевание не нанесло городу Болгару, в отличие от ряда других болгарских городов, катастрофического ущерба. Выгодное географическое положение Болгара в центре богатой земледельческой округи, близ слияния рек Волги и Камы, способствовало его быстрому восстановлению, но уже в качестве места пребывания хана и его администрации. О том, что Болгар уже к середине XIII века имел особый столичный статус, свидетельствует Марко Поло: «Берке владел татарами и жил в Болгаре и Сарае». В 40-х годах XIII века именно в Болгаре начинается чеканка золотоордынских монет, на 30 лет раньше, чем начал чеканить деньги Сарай.

ИСКАНДЕР ЛЕРУНОВИЧ
ИЗМАЙЛОВ
советский и российский
археолог и историк

Получается, что Булгария, несмотря на завоевание ее татарами, продолжала существовать. А татары главной своей массой ушли, хотя хан Батый во время летних кочевок приходил в эту страну и даже, как думают некоторые историки, сделал Булгар своей столицей. А в Булгарии остались свои князья, которые прибывали за ярлыками на княжение в Золотую Орду. Торговля, скотоводство и земледелие развивались своим чередом. А непосредственно в городе Булгар число жителей увеличилось до 50 тыс. человек.

А потом русские начали восстанавливаться после ущерба, причиненного татарским нашествием, и ощутили в себе достаточную силу, чтобы вновь атаковать Булгарию.

В 1361 году боярин Анфал Никитин с отрядом «удальцов» пошел по Волге и Каме и разграбил несколько болгарских городов. Он даже основал Анфаловский городок на Каме, но потом был убит одним из своих таких же вольных людей. При этом нападения новгородцев и других русских не прекратились.

Во второй половине XIV века Золотая Орда быстро шла к упадку: ее раздирали непрерывные внутренние смуты и раздоры из-за престола. А потом она распалась на четы-

ре части, и повелители новых орд избрали своим местопребыванием Азов, Наручать (Нуриджан), Астрахань и Булгар.

Предположим, что современная Казань (Новая Казань) действительно была основана в 1374 году. И тут, как обычно, имеется несколько версий. По одной из версий, город Булгар в 1361 году был разрушен золотоордынским князем Булат-Тимуром. Затем он был восстановлен, но в 1431 году вновь разрушен по приказу великого князя московского Василия II воеводой Федором Пёстрым, после чего был покинут жителями и более не восстанавливался. Его развалины сейчас расположены около современного города Болгар примерно в 143 километрах от Казани.

Город Казан (Казань) после гибели города Булгара (или Болгара, или Великих Булгар), в связи с переносом туда столицы Булгарии, какое-то время носил еще старое название Булгар, а иногда его называли Булгар ал-Джадид (новый Булгар). Во всяком случае, то, что под названием «Булгар ал-Джадид» скрывалась Казань, — это предположение известного историка, археолога и нумизмата А. Г. Мухамадиева.

- Лицевой летописный свод. Дмитрий Константинович Суздальский. XVI век

Но в 1376 году князь Дмитрий Константинович Суздальский снова пошел на Булгарию вместе с московским князем Дмитрием Ивановичем. За время этого похода в землях волжских болгар было сожжено много сел и перебито огромное количество людей.

Потом русское войско подошло к Булгару. Хасан-хан вывел свое войско навстречу. Булгары использовали боевых верблюдов, пугавших русских коней, а также стреляли из самострелов (арбалетов), а с городских стен по русским впервые был открыт огонь из пушек, «страшаще русское воинство».

Однако под стенами города болгарское войско потерпело поражение в рукопашной схватке. Оставшиеся солдаты в панике укрылись за крепостными стенами. Но штурм города не последовало, так как Хасан-хан запросил мира и выплатил огромный выкуп.

Кроме того, Дмитрий Московский выторговал для себя право иметь в Булгаре своего чиновника или таможенника, то есть болгары обязались быть данниками России. В глазах Золотой Орды такой поступок московского князя показался излишне дерзким, и Мамай решил напомнить русским о могуществе татар времен Батыея. Он дважды пытался проникнуть в Русскую землю, но оба раза потерпел поражение — последнее на Куликовом поле (после этого Дмитрий получил прозвище «Донской»).

Поражение Мамаея в Куликовской битве (1380) предопределило его окончательное поражение и облегчило восхождение к власти хана Токтамыша. Укрепив свою власть, хан, хотя и получил от московского князя признание формальных верховных прав хана на Русские земли, но не добился обязательств полностью выплатить долги за «ордынский выход» и обеспечивать его регулярное поступление в Сарай. В этих условиях Токтамыш начал готовить большой поход на Москву. Первым его действием в этом направлении стало демонстративное укрепление его власти в Болгарском улусе. <...> Сам же он скрытно перешел Волгу и внезапно вторгся на Русь, осадил и взял Москву. Тем самым хан

Токтамыш окончательно вернул под свою власть Болгарский улус.

ИСКАНДЕР ЛЕРУНОВИЧ
ИЗМАЙЛОВ
советский и российский
археолог и историк

Разорение Московской земли могучим и грозным Тохтамышем заставило князя снова отложить помыслы о приобретении Прикамского Поволжья. Тохтамыш в 1382 году послал своих татар в Булгар перебить там русских торговцев и разграбить суда с товарами. Из летописного свидетельства видно, что город Булгар продолжал быть важнейшим пунктом Болгарии и что русские вели с ним активную торговлю.

А что же Казань?

В XIII–XIV веках Казань переживала рост, становясь важным торговым и политическим центром в составе Золотой Орды. Это было возможно благодаря выгодному географическому положению города на пересечении ключевых торговых маршрутов, связывавших Восток и Запад. В летописях Казань впервые была упомянута под 1391 годом.

В конце XIV века впервые наряду с Болгаром начинает фиксироваться Казань, как один из важных региональных центров. По данным русских летописей, в 1391 году «Новгородци Новагорода Великого да и Устюжане граждане выехаша в насадех и в юшкуях рекою Вяткою на низ и взяша Жукотин, и пограбиша весь, и Казань, и паки внидоша на Волгу и пограбиша гости всех, и поидоша прочь». В следующий раз Казань упомянута на страницах летописей во время большого похода на Булгарию князя Юрия Дмитриевича в 1399 году и явно названа центром одного из эмиратов наряду с Болгаром, Джукетау и Керменчуком.

ИСКАНДЕР ЛЕРУНОВИЧ
ИЗМАЙЛОВ
советский и российский
археолог и историк

Глава пятая
КАЗАНСКОЕ ХАНСТВО

В 1399 году третий сын Дмитрия Донского князь Юрий Дмитриевич провел удачный поход на Среднее Поволжье, в котором также участвовали войска его брата Василия I. Это был первый случай, когда русские нанесли значительный урон татарским землям, разорив 14 городов (включая Булгар и Казань) и взяв огромную добычу.

От бывшего укрепленного болгарского города оставались лишь развалины; жителей было мало, да и те не могли считаться безопасными. Все-таки у них был свой князь-вотчич Либей <...> управлявший населением по родовому праву. Но вот мирная жизнь казанских болгар была снова нарушена. Явились татары, теперь уже не с Востока, а с верха Волги, из Нижнего Новгорода. Произошло это так. В 1437 году в Золотой Орде случилось важное, хотя и не редкое там, событие. Хан Улу-Махмет был низложен братом и изгнан из своих владений.

МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ
ПИНЕГИН
российский историк, этнограф
и краевед

В 1438 году Булгарская крепость была захвачена золотоордынским ханом Улу-Мухаммадом (в некоторых

источниках его имя воспроизводится как Улуг-Мухамед или Улу-Махмет), и город стал столицей Казанского ханства.

Известно, что в середине XV века на месте Булгарского улуса Золотой Орды сформировалось Казанское ханство. Казань стала самостоятельным политическим центром Среднего Поволжья — ханством.

АНВАР ВАСИЛЬЕВИЧ
АКСАНОВ
российский историк

Вот только вопрос: а когда точно и при каких обстоятельствах было основано Казанское ханство?

В летописях по этому поводу имеются разночтения, и историки не дают однозначных ответов на эти вопросы. По одним версиям, Казанское ханство было основано ордынским ханом Улу-Мухаммадом. По другим версиям, оно было основано Махмудом, сыном Улу-Мухаммада, и произошло это в 1445 году — после того, как он подчинил себе Казань.

Около 1469 года город посетил тверской купец Афанасий Никитин, упомянувший его в своих путевых записках «Хождение за три моря». Там было сказано: «Казань прошли без препятствий, не видали никого, и Орду, и Услан, и Сарай, и Берекезан проплыли и вошли в Бузан».

По одной из версий, осенью 1437 года ордынский хан Улу-Мухаммад был свергнут и, спасаясь от погони, пришел в город Белёв. Он засел там и принялся кормиться грабежами. Василий II, великий князь Московский, отправил к Белёву «многочислены полки», при виде которых Улу-Мухаммад «убоявся» и пообещал после возвращения на престол «земли русские стеричь». А в июле 1439 года он якобы неожиданно напал на Москву, город не взял, но «зла много учени земли русской». Он выжег московские посады, разорил Коломну, а затем устремился вниз по Оке. А весной 1445 года сыновья Улу-Мухаммада, Махмуд (Махмутек) и Якуб, под Суздалем разбили русское

войско, пленили Василия II, дошли до Владимира и, не взяв город, через Муром вернулись к Нижнему Новгороду.

До этого события дислокация ханской орды связывалась с Белёвым, Нижним Новгородом, Муромом и другими населенными пунктами, но никак не с Казанью. Похожие известия сохранились в Ермолинской, Никоноровской и Симеоновской летописях, Летописном своде 1497 года и, в сокращенном виде, в Тверской и Типографской летописях. Примерно в том же ключе об этих событиях повествуют летописные своды XVI века. Следовательно, современники и ближайшие потомки не считали Улу-Мухаммада казанским ханом, то есть походы хана на Русские земли в сознании летописцев не ассоциировались с действиями казанцев.

АНВАР ВАСИЛЬЕВИЧ
АКСАНОВ
российский историк

По мнению одного из летописцев, Улу-Мухаммад с 1437 по 1445 год жил в Нижнем Новгороде, откуда организовывал набеги на другие русские земли. Автор Никоновской летописи писал о возникновении Казанского ханства так: в 1445 году после освобождения Василия II «царь Мамутяк*, пришед ис Курмыша, Казань взял, а Казаньского князя Азыа убил и сам на Казани въцарился».

Еще одна интересная информация по данному вопросу сохранилась в Воскресенской летописи, согласно которой осенью 1445 года Махмуд, убив местного князя Либея, захватил Казань и «сам сел царствовать».

В любом случае, текстуально близкие летописи по-разному описывают воцарение Махмуда (Махмутека) в Казани. А это говорит о том, что на Руси не существовало ясных и однозначных представлений о возникновении Казанского ханства.

* Мамутяк или Мамотяк (в разных источниках пишут по-разному) — это, судя по всему, царевич Махмуд (Махмутек).

- Лицевой летописный свод. Хан Улу-Махмет приходил с войском к Мурому из Старого Нижнего Новгорода. XVI век

При этом считается, что хан Улу-Мухаммад в декабре 1437 года, разгромив 40-тысячную рать Василия II у Белёва, отправился к запустевшей от набегов Казани, где возвел новые крепостные стены и начал царствовать.

С именем нового хана связывалось обаяние верховного могущества, надежда на возрождение и на отмщение русским за все их походы. Таким образом <...> стала формироваться новая политическая жизнь, и на развалинах старой Булгарии возникло другое государство с казанским ханом во главе. Можно допустить, что Махмутек понимал невыгоды положения Старой Ка-

зани, удаленной за 50 верст от Волги, и потому решил перенести свою резиденцию к великому водному пути. Выбрав холм при впадении Булака в Казанку, Махмутек окружил его крепкой деревянной оградой и со всеми своими людьми поселился навсегда во вновь построенном городе. Население Новой Казани увеличилось быстро. Толпы болгар, черемис и монголов-татар, живших пред тем в непрерывном страхе пред русскими, стекались под защиту нового хана и в короткое время наполнили основанный им город. Быстро начала возвышаться Казань, сравнялась обширностью с упавшим Сараем и даже превзошла его. Слух о новом Казанском царстве отовсюду привлекал в него обитателей: шли сюда из Сарая, из Азова, Астрахани, из Крыма, Сибири и Бухары.

МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ
ПИНЕГИН
российский историк, этнограф
и краевед

Нет возможности точно указать время, за которое болгары сменились татарами: те и другие постепенно сливались, ассимилировались и в конечном итоге образовали один народ, который следовало бы называть болгаро-татарами.

Что же касается Улу-Мухаммада, то он умер в Казани «со юнейшим своим сыном съ Ягупом: оба ножом зарезаны от болшаго сына своего Мамотяка».

Известны следующие сыновья хана Улу-Мухаммада: Махмуд (Махмутек), Якуб, Юсуф, Мустафа и Касим. То есть утверждается, что Улу-Мухаммад и его сын Якуб погибли от рук их сына и брата Махмуда (Махмутека). Еще по одной версии, хан был убит в 1445 году сыном Махмудом вместе с младшим братом Юсуфом, а еще один его сын смог уйти к московскому князю Василию II, получив от него город Мещерский, названный по его имени Касимовом. Но при этом есть и историки, которые не принимают на веру рассказ об убийстве Махмудом (Махмутеком) отца и считают это «нелепым вымыслом».

По сути, не подлежат сомнению лишь известия о разгроме великокняжеских войск под Белёвом и о походах Улу-Мухаммада на Русь. Таким образом, мнение о том, что Казанское ханство было основано Улу-Мухаммадом в 1438 году, составлено историками на основе соединения весьма противоречивых сведений. При этом, похоже, все строилось в русле следующей версии: Казань подчинялась ордынским ханам, те нападали на Москву, и это объясняло правомерность походов русских на восток. В русских летописях много говорится о походах Улу-Мухаммада на восточные и юго-восточные окраины Московского государства, а раз так, то и отношения между Москвой и Казанью не могли не обостриться.

И они в 60-е годы XV века серьезно обострились дважды.

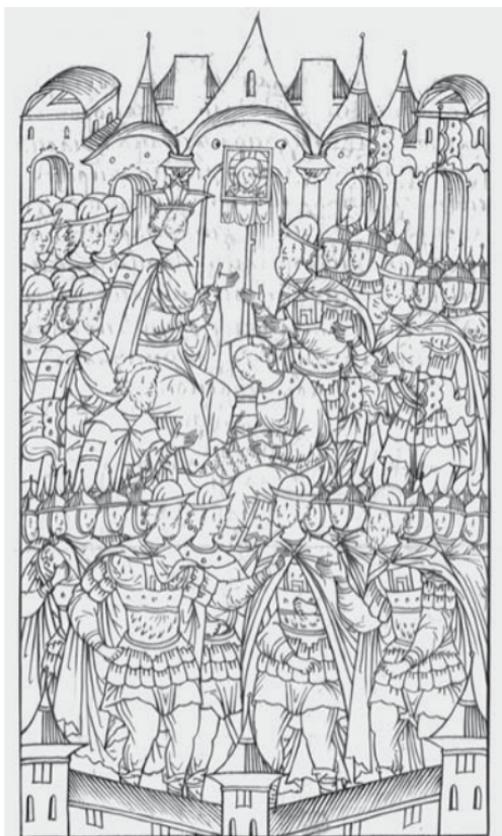
В первый раз это произошло на закате правления Василия II, во второй раз — в начале княжения его сына Ивана III.

В 1461 году великий князь Василий возглавил поход на Казань, однако тогда войне не суждено было начаться, так как во Владимир «придоша послы ис Казани, и взяша мир».

В марте 1462 года Василий II скончался, и крупнейшим событием первых лет правления Ивана III стала московско-казанская война 1467–1469 гг.

О ней много писал Н. М. Карамзин, считавший, что Иван III хотел «присвоить себе власть над опасною Казанью, чтобы успокоить наши восточные границы». В результате Н. М. Карамзин создал образ мудрого правителя, который наступательными действиями воинов, славящих «победу и государя», обезопасил границы Руси.

Историк С. М. Соловьев пересмотрел «Историю» Карамзина и сделал противоположные выводы относительно результатов войны 1467–1469 гг.: «В четыре описанные похода ничего не было сделано: весь успех ограничивался опустошением неприятельских областей, за что казанцы также не оставались в долгу <...> мало того — выгода была явно на стороне казанцев, потому что им удалось подчинить себе Вятку».

- Иван Грозный собирает войска на Казань и утверждает свой поход. 1568

По мнению С. М. Соловьева, мир, предложенный казанцами, был охотно принят русскими воеводами, так как Москве нужно было решать другие, более важные проблемы с Новгородом и Ордой.

Преемником Ивана III стал его сын Василий III, а того в 1533 году сменил его сын Иван IV, известный как Иван Грозный.

В первой половине XVI века Казанское ханство постоянно воевало с Москвой. Казанские ханы осуществили около сорока походов на русские территории, преимущественно в регионы Нижнего Новгорода, Вятки, Владимира, Галича, Муром, Костромы и Вологды.

Историю же московских казанских походов часто начинают с «военной демонстрации», проведенной в 1545 году, которая укрепила позиции противников хана Сафа-Гирея.

Чтобы было понятно: Сафа-Гирей в 1531 году был изгнан казанской знатью, и ханом был посажен московский ставленник Джан-Али, брат касимовского правителя Шах-Али, который, став казанским ханом, одобрил проект союза с Москвой. Но в 1546 году сам Шах-Али был изгнан той же казанской знатью, которая возвела на трон Сафа-Гирея из враждебно настроенной по отношению к Руси династии. После этого было решено перейти к активным действиям и устранить угрозу, исходившую от Казани.

Иван IV руководил тремя походами на Казань.

В ходе первого похода, который проходил зимой 1547–1548 гг., из-за раннего потепления осадная артиллерия на расстоянии 15 километров от Нижнего Новгорода провалилась под лед на Волге. В результате войска, добравшиеся до Казани, провели под ее стенами всего семь дней, а потом отступили.

Второй поход (осень 1549 — весна 1550) последовал за известием о смерти Сафа-Гирея, но он также не привел к взятию Казани. Зато на реке Свияга была построена крепость Свияжск, послужившая опорным пунктом для русского войска во время следующего похода.

Ради защиты христианства царь со многими тысячами воинов осадил Казань и три месяца штурмовал город. Но, по Божьей воле <...> погода была крайне неблагоприятной: сначала стояла сильная стужа, от которой погибло множество людей и скота, а затем началась ранняя дождливая весна, в результате чего всю землю залило водой. <...> Бог не дал город в руки Ивана IV, потому что в Казани не было хана, а покорение обезглавленного царства не принесло бы чести. Тем не менее, поход был не напрасен: воеводы, мстя за жестоку смерть своих людей, разорили казанские

земли и захватили много пленных, а на обратном пути к царю пришла благая мысль: построить близ Казани русский город.

АНВАР ВАСИЛЬЕВИЧ
АКСАНОВ
российский историк

Лишь третий поход (июнь — октябрь 1552 года) завершился захватом Казани.

Глава шестая
ЛЕГЕНДА
О НЕПОКОРНОЙ
ЦАРИЦЕ СЮЮМБИКЕ

Подробно о взятии Казани будет рассказано ниже, а пока же изложим легенду о Сююмбике — о романтической любви Ивана Грозного к татарской царице.

Сююмбике, дочь ногайского бия Юсуфа и прапраправнучка основателя династии Ногайской орды Едигея, с июня 1533 года была женой хана Джан-Али, о котором говори-

■ Неизвестный художник. Сююмбике с сыном Утямыш-Гиреем. XVI век

лось выше. Ей в то время было всего 12 лет, и этот брак был согласован с Москвой. Причем Москва согласилась на это очень быстро, так как надеялась через этот брак приблизить ногайского бия Юсуфа и создать определенный противовес Сафа-Гирею. Но брак оказался неудачным: хан пренебрегал своей женой, и у них не было детей.

С другой стороны, Джан-Али не устраивал не только жену, но и казанскую знать, которую, по всей видимости, также не удовлетворяло давление со стороны Москвы и вмешательство во внутренние дела ханства. В итоге в 1535 году произошел переворот, Джан-Али был убит, а на трон снова пригласили Сафа-Гирея. А Сююмбике стала его пятой женой.

После смерти Сафа-Гирея (38-летний хан погиб при невыясненных обстоятельствах) она правила Казанским ханством в 1549–1551 гг. в качестве регентши ввиду несовершеннолетия своего сына.

В марте 1549 года в Москву пришла весть о смерти Сафа-Гирея и о возведении на казанский престол его двухлетнего сына Утямыш-Гирея. Теперь Казань и Москва как бы переменились своим положением: долгое время Казанское царство отстаивало свою независимость, благодаря малолетству русского государя; теперь, когда Иоанн возмужал и проявил намерение энергично действовать против Казани, там явился царем младенец. Казанцы понимали невыгоду своего положения и потому обратились в Крым, прося помощи.

МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ
ПИНЕГИН
российский историк, этнограф
и краевед

В 1551 году Сююмбике по желанию царя Ивана IV Грозного была выдана беглому казанскому оппозиционному хану и касимовскому правителю Шах-Али — вместе со своим оставшимся в живых сыном Утямыш-Гиреем и казанской казной.

Через полтора года она против своей воли вышла замуж за Шах-Али, а ее сын Утямыш-Гирей был взят на воспитание при царе Иване IV Грозном. Последние годы Сююмбике якобы жила в Касимове, где и умерла. Вот только неизвестно когда, и могила ее тоже неизвестна.

Что же касается легенды, то она гласит, что русский царь якобы захотел взять Сююмбике в жены и сделать царицей в Москве. Но гордая Сююмбике якобы ответила отказом. Потом, когда Казань была взята, Сююмбике была вынуждена согласиться на предложение царя, но, будучи гордой, она поставила ему условие: за неделю построить башню, причем такую же «стройную и высокую», как она сама. Мастера трудились без устали, возводя по одному ярусу каждый день. Когда башня была завершена, Сююмбике взошла на ее вершину, в последний раз посмотрела на родные земли и бросилась вниз на острые камни, лежавшие у подножия. С тех пор башня, расположенная в кремле и давно ставшая архитектурным символом Казани, носит имя этой царицы. А люди так печалились о своей царице, что башня не выдержала

- Василий Худяков. Плененная царица Сююмбике, покидающая Казань. 1870

их плача и наклонилась. И до сих пор она стоит наклоненной, как символ скорби.

Красивая легенда! Вот только она не имеет ничего общего с реальной действительностью.

К тому же уже в наши дни ученые пришли к выводу (на основании археологических данных), что башня была построена в конце XVII века, то есть через много-много лет после взятия Казани.

Казанская царица Сююмбике занимает важное место в коллективной памяти татарского народа. Национальная литература и искусство конца XX — начала XXI века служат ярким доказательством этого феномена. Кроме того, башня Сююмбике является основным элементом архитектурного облика Казанского кремля и продолжа-

ет выступать источником туристического мифотворчества, делая образ татарской царицы легендарным.

ЛИЛИЯ РАМИЛЕВНА
ГАБДРАФИКОВА
российский историк

Башня Сююмбике в XVII веке использовалась в качестве дозорной. Тем не менее этот архитектурный памятник всегда привлекал мусульманское население. В настоящее время захоронения казанских ханов, находящиеся у подножия башни, служат дополнительным свидетельством верности слов казанского губернатора М. В. Стрижевского, который в 1907 году отметил, что для мусульман этот памятник представляет собой как историческую, так и религиозную ценность.

По сути, башня Сююмбике стала неофициальным мусульманским символом Казани, и после февраля 1917 года двуглавый орел, символизировавший российскую монархию, выглядел на ней как элемент, не соответствующий новому времени. В сентябре 1917 года, в условиях революционного беспорядка, Казанский мусульманский военный комитет принял решение снять символ старой власти с башни Сююмбике и заменить его мусульманским символом — полумесяцем. Однако сразу же установить новый символ на шпиль башни не удалось. Разразился скандал, и православная общественность выступила резко против. В итоге полумесяц был установлен лишь в марте 1918 года.

Сююмбике стала символом красоты и самобытности татарской культуры, свободы татарской женщины. А возросший интерес к исторической фигуре Сююмбике в начале XX века свидетельствовал о росте национального самосознания, о развитии идей государственности, женской эмансипации и в целом модернизации татарской культуры этого периода.

ЛИЛИЯ РАМИЛЕВНА
ГАБДРАФИКОВА
российский историк

Глава седьмая
ВЗЯТИЕ КАЗАНИ ВОЙСКАМИ
ИВАНА ГРОЗНОГО

Казанский трон в августе 1551 года занял московский ставленник хан Шах-Али. Вместе с ним в татарскую столицу явились боярин Иван Хабаров и дьяк Иван Выродков со стрельцами.

Но власть Шах-Али над Казанью была непрочной. К нему дважды ездил приближенный царя Алексей Федорович Адашев с секретной миссией. А еще для безопасности Шах-Али в Казань пришел отряд стрельцов в 500 человек, и казанская аристократия оказалась в весьма затруднительном положении: с одной стороны, хан Шах-Али был всем ненавистен, а с другой — невозможно было избавиться от него, потому что открытая борьба с Москвой вряд ли была под силу. Надо было найти какой-то выход, и князья и мурзы решили предложить Ивану Грозному полное подданство, лишь бы только он освободил их от такого человека, как Шах-Али. И в марте 1552 года по требованию Ивана Грозного Шах-Али оставил казанский престол и выехал в Свияжск.

По договоренности, в Казани должен был править воевода князь Семен Микулинский, назначенный наместником, но в городе произошел мятеж. Что же случилось? Почему произошла столь резкая перемена в казанцах? Объясняют это тем, что пошли нелепые слухи, что русские, утвердившись в городе, перебьют всех татар, и народ, подогреваемый религиозным фанатизмом, взялся за оружие, чтобы защищать свою жизнь от неправоверных москвитян. Было перебито много русских, и царского

■ Алексей Кившенко. Взятие Казани. XIX век

воеводу не пустили в город. Так новым и последним казанским ханом стал Ядыгар-Мухаммед.

Иван Грозный узнал о событиях в Казани в конце марта и сразу же отправил в Свияжск на помощь воеводам своего шурина Данила Романовича Захарьина-Юрьева, а Шах-Али получил указание направиться в город Касимов. Созвав совет, царь решительно заявил о своем намерении лично возглавить поход на Казань.

С весны 1552 года войско начало готовиться к походу. Боярская дума настаивала на том, чтобы Иван Грозный доверил командование опытным воеводам и остался дома, но царь отклонил это предложение и сам возглавил армию.

Передовые части русского войска заранее сосредоточились в Свияжске под командованием князя Александра Борисовича Горбатого-Шуйского, который был талантливым и опытным воеводой.

Русским необходимо было действовать быстро и решительно, однако проблема заключалась в том, что следовало опасаться нападения со стороны Крымской орды. Когда царь уже выехал из Москвы, ему сообщили о движении «несметной силы» крымцев, уверенных, что русское войско уже находится под Казанью. Однако, осадив Тулу, крымский хан узнал о приближающемся сильном русском войске и решил вернуться обратно в Крым.

Поход начался 3 июля 1552 года. На этот раз татары не ограничились укреплением своего главного города. В 15 верстах к северо-востоку от Казани, на Высокой горе в верховьях реки Казанки, был сооружен острог, подступы к которому надежно прикрывали топкие болота и засеки. Острог служил оперативной базой 20-тысячной конной рати царевича Япанчи, Шунак-мурзы и арского (удмуртского) князя Евуша. Это войско готовилось совершать внезапные нападения на тылы и фланги русской армии в слу-

■ Пётр Шамшин. Вступление Иоанна IV в Казань. 1894

чае начала осады Казани. Однако достаточно продуманные меры борьбы с русскими оказались на этот раз малоэффективными, прежде всего из-за неравенства сил. 150-тысячной армии московского царя противостояло 60-тысячное татарское войско, разделенное на два отряда: 20-тысячный отряд Япанчи и 40-тысячный казанский гарнизон, в состав которого вошло не только все мужское население Казани, но и 5 тысяч мобилизованных восточных купцов.

ВЛАДИМИР АЛЕКСЕЕВИЧ
ВОЛКОВ
российский историк

23 августа 1552 года московские войска начали осаду Казани.

Город, находившийся на высоком обрывистом холме у реки Казанки, был защищен крепкими дубовыми стенами и глубоким рвом. Крепость служила резиденцией хана и его знати, но не могла вместить большой гарнизон. В результате к моменту осады Ногайская Орда продолжала кочевать с кибитками и табунами в окрестностях татарской столицы. Передовые отряды русского войска следили за перемещениями Орды и старались предотвратить ее нападение на осадный лагерь.

Умелые действия воеводы Горбатого-Шуйского обеспечили успех осадных работ. Укрепленный лагерь был благополучно построен, но при этом казанцы постоянно производили вылазки. Они дрались отчаянно, однако несли немалые потери. А тем временем наступала осень, и всем хотелось скорее кончить дело.

Начав осаду Казани, русские окружили крепость траншеями, окопами («закопами») и турами, а в некоторых местах и тыном — плетеными щитами высотой 2,7 м.

ВЛАДИМИР АЛЕКСЕЕВИЧ
ВОЛКОВ
российский историк

В конце августа русские подвергли бомбардировке укрепления Казани. Пушки вели по городу убийственный огонь.

Минных дел мастера подвели под крепостные стены глубокие подкопы. Руководил подкопными работами находившийся на русской службе «немчин» Розмысел и его русские ученики, обученные «градскому разорению». Именно они начали вести подкопы под крепостные стены для установки пороховых мин. По одной из версий, этим «розмыслом» был английский инженер Бутлер, и за отличную работу царь пожаловал ему имение в сотне километров от Казани, где позднее появилась Бутлеровка — семейное имение выдающегося ученого-химика Александра Михайловича Бутлерова, о котором будет рассказано ниже.

В один из дней взрыв порохового заряда разрушил колодцы, снабжавшие Казань водой.

30 сентября взлетели на воздух стены и укрепления около Арских ворот. После этого русские быстро заняли Арскую башню и подкатили туры (осадные башни) к Аталыковым и Тюменским воротам. Казанцы совершили вылазку и схватились с отрядами, прикрывавшими туры. Иван Грозный подъехал к войскам, воодушевил их, и они отчаянно бросились на татар. Битва закипела во рвах, на мостах, у стен и в воротах. Дым от пушечной стрельбы был такой густой, что ничего не было видно. Русские ворвались в город, и на улицах началась резня. Князь Воротынский требовал от государя подкреплений, резервных полков, но резервы стояли слишком далеко. С другой стороны, и Орда не смогла подкрепить казанцев ударом с тыла.

2 октября последовал общий штурм крепости. Русские войска с криками «С нами Бог!» массой хлынули к городу. В ответ со стен в них летели пули, стрелы и камни. Татары обливали атакующих кипящей смолой. А потом произошла всеобщая свалка — неустрашимая со стороны атакующих и отчаянная со стороны защищавшихся. Основная битва разгорелась на кривых улочках татарской столицы.

Казань пала, хотя противники были достойны друг друга.

Город был взят и пылал в разных местах; сеча прекратилась, но кровь еще лилась: раздраженные победители

резали всех мужчин, коих находили в мечетях, в домах, в ямах; брали в плен только женщин и детей. Получив от князя Воротынского радостную весть о взятии Казани, Иоанн немедленно отслужил молебен; затем сам водрузил крест на том месте, где стояло царское знамя во время последнего боя. В этот же день на этом месте построена была деревянная церковь во имя Нерукотворенного образа Спасителя.

МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ
ПИНЕГИН
российский историк, этнограф
и краевед

В тот же день Иван Грозный объявил князя А. Б. Горбатого-Шуйского казанским наместником, а князя В. С. Серебряного-Оболенского — его заместителем, дав им письменное наставление, 1500 человек боярских детей, 3000 стрельцов и много казаков.

11 октября 1552 года Иван Грозный выступил в обратный путь: сам царь поехал Волгой на судах, а конная рать пошла берегом во главе с князем Воротынским. 29 октября Иван Васильевич, которому, кстати, было в тот момент всего 22 года, торжественно вступил в Москву.

Так пала гордая столица грозного татарского царства. «Надо перенестись в XVI век, чтобы понять то впечатление, какое производили на современников эти слова: завоевано татарское царство!!!...» — говорит С. М. Соловьев; совершивший подвиг считался необходимым и священным в глазах каждого русского человека. Каждому была понятна цель похода и его значение: теперь успокоятся русские области, постоянно разоряемые татарами; теперь не будут христианские пленники томиться в плену у неверных; теперь на месте басурманского грозного царства будет жить православный русский народ. С падением Казани Поволжье перестало быть неистощимым источником добычи невольников. <...> Русские казанский поход считали не только спаси-

тельным делом, но и религиозной заслугой, крестовым походом против ислама. Так понимали его и московское духовенство, и ратные люди.

МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ
ПИНЕГИН
российский историк, этнограф
и краевед

Даже недоброжелатели тогда признали, что Иван Грозный, будучи одним из ревностных сторонников казанской войны, победил врагов, не щадя своего здоровья. Но в целом 22-летний царь довольствовался почетной, однако второстепенной ролью. На самом деле, в первые дни осады он участвовал в расстановке полков, ездил «во все дни и в ночи» вокруг татарской крепости. А в момент решающего штурма — 2 октября — он вдруг принялся усердно молиться в походной церкви. Дважды воеводы присылали к Ивану Грозному с напоминанием, что настало время выступить, но монарх не пожелал прерывать молитву. А когда государев полк наконец появился под стенами крепости, все уже было кончено. И, безусловно, это промедление дало пищу для всевозможных толков. По словам участника штурма князя Андрея Михайловича Курбского, в критический момент воеводы приказали развернуть государеву хоругвь у главных ворот «и самого царя, хотяща и не хотяща, за бразды коня взяв, близ хоругви поставиша».

По сути, во время всех трех казанских кампаний молодой Иван Грозный вынужден был повиноваться распоряжениям бояр, к которым он не питал особого доверия.

Одаренный от природы умом и наблюдательностью, Иван Васильевич отдавал себе отчет в двусмысленности своего положения, в сильной зависимости от собственной аристократии. Со своей стороны, боярский совет советовал ему не покидать Казань, дабы «доверить победу» и окончательно «замирить край». Но царь не послушал «стратегов» и поспешил в Москву.

Глава восьмая
КАЗАНЬ В СОСТАВЕ
РУССКОГО
ГОСУДАРСТВА

После завоевания Казани Иваном Грозным началось строительство нового белокаменного кремля.

В 1556 году, по указу царя, для строительства нового кремля в Казань прибыли 200 псковских каменщиков во главе с Иваном Ширяем, а также зодчий Постник Яковлев (тот самый, что создал совместно с зодчим Бармой храм Василия Блаженного на Красной площади в Москве).

За шесть лет псковскими мастерами было построено так много, что Кремль изменился до неузнаваемости. В 1556–1562 гг. были возведены Тайницкая и Воскресенская проездные башни, стены между ними и главный кафедральный Благовещенский собор, который заложили еще в 1552 году — в тот день, когда Иван Грозный вступил в завоеванную Казань. Царь тогда сам выбрал место, где быть храму, и уже через три дня в поспешно возведенном деревянном соборе отслужили благодарственный молебен.

В это же самое время территория Кремля расширилась к югу, где также поднялась каменная стена с двумя круглыми угловыми башнями (Юго-Восточной и Юго-Западной) и Спасской посередине. А еще были построены Преображенская проездная башня (со стороны современной улицы Баумана), трапезная палата с церковью Николая Ратного, Лазные ворота (посередине восточного прясла за Юго-Восточной башней) и др.

Понятно, что постройки первого русского строительного периода дошли до нашего времени в искаженном виде, однако их легко отличить от более поздних кирпичных пе-

■ Эдвард Турнерелли. Башня Сююмбике. Из альбома: Виды Казани. 1839

рестроек — по характерной белокаменной кладке и специфичным признакам псковской архитектуры.

К 1630 году Казанский кремль превратился в мощную крепость, полностью обнесенную каменно-кирпичными стенами и имеющую 13 башен. К настоящему времени не сохранились Пятигранная, Преображенская и три безымянные круглые башни.

В посаде стали жить ремесленники, торговцы, которых переводили по указанию царя иногда целыми слободами из различных русских городов. Там же жил простой люд и неугодные Ивану Грозному бояре. При этом лояльные казанцы были переселены за посадскую стену в район за каналом-протоком Булак, у озера Нижний Кабан, где к XVII—XVIII векам сформировался уникальный ансамбль национальной татарской архитектуры — Старотатарская слобода.

В 1553 году в бывшем Казанском царстве вспыхнул мятеж, который, хотя вскоре был усмирён, но заставил московское правительство принять меры к скорейшему об-

русению края. С этой целью в 1555 году была учреждена Казанская епархия, и Московским собором поставлен во епископа Казанского и Свияжского святитель Гурий.

ЛЕОНИД БОРИСОВИЧ ВЕЙНБЕРГ
российский историк и краевед

Гурий (в миру Григорий Григорьевич Руготин) родился в 1500 году в Радонеже, и происходил он из семьи бедных и малоизвестных бояр. После покорения Казани и учреждения там архиерейской кафедры он был избран на нее архиепископом. Вместе с Гурием в Казань отправился его ученик и будущий преемник Герман.

Гурий, возглавив новую епархию, активно занялся миссионерской работой. За восемь лет его руководства Казанской епархией были основаны четыре монастыря, построен Благовещенский кафедральный собор и более десяти городских церквей.

В 1561 году архиепископ сильно заболел, и на большие праздники его приносили в собор на литургию, где он участвовал в службе сидя или лежа. Святитель Гурий скончался 5 декабря 1563 года и был похоронен в Спасо-Преображенском монастыре в Казанском кремле. 20 июня 1630 года его мощи были перенесены из этого монастыря в Благовещенский кафедральный собор.

После взятия Казани разрушенный при осаде город заново отстроился и стал важным опорно-стратегическим пунктом на востоке Русского государства.

В XVII веке в городе наблюдался экономический подъём: были основаны ремесленные слободы и возникли первые мануфактуры. По данным переписи 1646 года, в Казани проживало 5432 человека мужского пола и насчитывалось 1652 двора (для сравнения: в 1800 году в городе уже проживало 40 000 человек, а в 1897 году — 130 000 человек).

В 1708 году Казань была назначена столицей обширной Казанской губернии. Во время правления Петра I город превратился в один из ключевых промышленных и административных центров страны: там были возведены кожевенный завод и Казанская суконная мануфактура, а в 1718 году было основано Казанское адмиралтейство, занимающееся строительством различных судов.

В 1722 году в городе побывал сам Петр I.

Глава девятая
ПОСЕЩЕНИЕ КАЗАНИ
ИМПЕРАТОРОМ
ПЕТРОМ ВЕЛИКИМ

Когда Ништадтский мир, подписанный 30 августа (10 сентября) 1721 года и завершивший Северную войну, обеспечил России выход в Балтийское море, Петр I приступил к исполнению своей заветной мечты — сделать страну посредницей в торговле между Европой и Азией. Он искал пути в богатую Индию. Один из таких путей проходил через Персию, но она в то время «раздиралась междоусобиями», и турки намеревались захватить ее в свои руки.

Петр решил начать войну для защиты русской торговли и Каспийского моря. Он подготовил все необходимое для похода против Персии, отправив суда с гвардией, артиллерией и продовольствием. Руководство Сенатом он доверил генерал-прокурору П. И. Ягужинскому, которого называл «своим оком».

15 мая 1722 года император выехал из Коломны на струге «Москворецком» вместе с супругой. В его свите находились генерал-майор И. М. Головин, бывший молдавский господарь князь Дмитрий Кантемир, генерал-адмирал граф Ф. М. Апраксин, кабинет-секретарь Макаров, полковник Шипов и другие.

В Казань император прибыл 27 мая.

Высокого гостя встретили в Казани пальбой из 13 пушек и колокольным звоном. Петр прямо поехал в Благовещенский кафедральный собор, приложился к нетленным мощам святителя Гурия и «принес благодарственное молебствие». Из собора государь отправился к митрополиту Тихону, а потом посетил губернатора Алексея Петровича Салтыкова.

■ Готфрид Кнеллер. Портрет Петра I. 1698

В тогдашней Казани с трудом нашлось приличное жилое помещение для императора. Для квартиры ему был избран небольшой каменный дом, примыкавший к нынешнему Петропавловскому собору.

Петр ценил время и в тот же день начал осматривать город. В губернаторской канцелярии он ознакомился со всеми текущими делами и запросил книгу, в которую записывались указы, отправляемые из канцелярии. Однако эта книга оказалась пропавшей, что вызвало у Петра подозрения в злоупотреблениях и сильный гнев. Он отдал приказ немедленно ее найти, но книга так и не была обнаружена. Петр не забыл об этом инциденте и, находясь уже

далеко от Казани, издал строгий указ на имя А. П. Салтыкова. «Послан к тебе,— писал он,— в Казань подьячий казанский Иван Андреев и велено тебе разыскать о записной книге отпускаемым из Казани всяким указам, которая из казанской канцелярии утерялась, и чтоб тое книгу конечно сыскать, и кто оную или украл, или для какого коварства укрыв, о всем подлинно исследовать как можно скорейше, и тот розыск послать в Астрахань немедленно, по последней мере, кончая к октябрю месяцу настоящего 1722 года, а кто в том виноватым явится, тех держать в Казани под крепким арестом».

28 мая Петр I осматривал казанские монастыри и церкви. В этот же день посетил Татарскую слободу и милостиво разговаривал с известными представителями татар. Обозревая город и проверяя казанские учреждения, Петр не забывал и про общегосударственные дела: из Казани он посылал указы и распоряжения разным лицам и по разным вопросам.

Его неутомимая энергия, казалось, не нуждалась в отдыхе. Даже 30-го мая, день своего рождения и 50-летней годовщины, Петр провел среди непрерывных забот о предстоящем походе и о разных государственных делах. Так, в этот день он писал к архиепископам Новгородскому и Псковскому о том, чтобы они избрали достойного пастыря в новую Иркутскую епархию. Тогда же он послал указ полковнику Пестрикову о выдаче 286 червонцев фабриканту Иттесу за разные работы. Затем собственноручно составил записку об определении молодых офицеров к разным должностям, сообразно их способностям. В Казани день 30-го мая 1722 года ознаменовался решением известного фабриканта Михляева соорудить на свой счет храм во имя святых апостолов Петра и Павла, в память пребывания Петра Великого в Казани.

МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ
ПИНЕГИН
российский историк, этнограф
и краевед

Забываясь о развитии российской промышленности, Петр Великий еще в 1714 году основал в Казани суконную фабрику. И вот теперь ему представился случай осмотреть это казенное заведение. Фабрика, основанная Петром заочно, работала весьма вяло и была убыточна для казны: шерсть покупалась (по крайней мере — по отчетам) слишком дорого, а сукно (солдатское) выходило низкокачественным. Причина этого заключалась частью в нерадивости первого управляющего фабрикой подполковника А. П. Грузинцева, частью — в конкуренции частной суконной фабрики, принадлежавшей купцу Ивану Афанасьевичу Михляеву.

Последний был человеком неординарным, и не было в те времена в Казани другой персоны, вокруг которой ходило бы столько мифов и легенд.

Начнем с того, что Иван Афанасьевич был не Михляевым, а Микляевым, а написание его фамилии через «х» появилось якобы в результате неправильного перевода надписи «MICHLAOFF», обнаруженной на причащальной ложке из Петропавловского храма, построенного купцом за свой счет. Но это, как говорится, не факт, ибо есть тому и другие объяснения.

Иван Афанасьевич происходил из села Русские Алаты, что в современном Высокогорском районе Татарстана.

Кем были предки Ивана Михляева, сегодня мы едва ли узнаем: возможно, что «служилыми людьми», но, вероятнее всего, крестьянами. На рубеже XVII–XVIII столетий в России появилась особая группа торгующих крестьян, многие из которых разбогатели и стали миллионерами. Они откупались от своих помещиков, переходили в другие сословия и часто давали стране целые династии предпринимателей и меценатов.

АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ
КЛОЧКОВ
российский краевед

Ну а Петр I славился своим умением находить одаренных людей в самых разных социальных слоях, Михляев же

■ Неизвестный художник. Петр I на пути в Казань.
XIX век

к тому времени уже успел разбогатеть на торговле с татарами, башкирами и народами Западной Сибири пушной, которую он потом перепродавал в Нижнем Новгороде, Брянске и Москве. Плюс он начал сочетать свои торговые операции с промышленной деятельностью (организовывал кожевенные заводы и завел свои винокурни).

Открытие суконной фабрики Михляева произошло за несколько лет до организации в Казани казенного «шерстяного завода», и оборотистый Иван Афанасьевич стал в этом деле местным «вершителем судеб», эдаким «полубогом», конкурировать с которым было практически невозможно.

Впрочем, ни о какой конкуренции и речи не было. Михляевское сукно без задержки принималось казной для казанских полков, а сукно казенной мануфактуры часто браковалось. Однако Иван Афанасьевич воспринял появление казенного завода как прямое посягательство на свои кровные интересы. А тут еще выяснилось, что Петр I, пекшийся в первую очередь о налаживании работы казенного завода, собрался если не полностью запретить фабрику Михляева, то во всяком случае отнять у купца его лучших мастеров, которые тогда были «на вес золота». И вот на этом основании и возникла версия о том, что И. А. Михляеву «удалось откупиться только значительным денежным подношением

в виде множества золотых и серебряных денег и жемчуга на двух блюдах».

Утверждается, что И. А. Михляев «тесно спелся» с Никитой Алферовичем Кудрявцевым, казанским вице-губернатором, управлявшим губернией в отсутствие губернатора Салтыкова. И, как следствие, на А. П. Грузинцева посыпались обвинения в разного рода злоупотреблениях, приписках и даже в умышленном производстве сукна ненадлежащего качества. В результате многочисленных доносов на имя Петра I положение А. П. Грузинцева стало настолько шатким, что он был практически отстранен от управления предприятием.

Такого удара честный служака пережить не смог и скоропостижно скончался в первые дни 1719 года — при этом нет сомнения, что его смерть ускорили интриги двух старых прохиндеев — Н. А. Кудрявцева и И. А. Михляева. Своим Указом от 19 марта 1719 года Петр задним числом отстранил А. П. Грузинцева от заведывания шерстяным предприятием, поручив вице-губернатору Н. А. Кудрявцеву взять «в свое ведение мастеров со всем заводом».

АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ
КЛОЧКОВ
российский краевед

Однако историк, этнограф и краевед М. Н. Пинегин описывает происходившее несколько иначе. По его версии, когда государь осмотрел фабрику Михляева и сравнил ее отличное устройство с казенным, его поразила громадная разница в организации производства на двух фабриках.

Разгневанный царь, по своему обыкновению, круто обошелся с виновными в упущениях — досталось и подполковнику Грузинцеву. <...> Михляева же Петр Великий удостоил личного своего посещения, долго беседовал с ним о подробностях фабричного производства и, за-

метив в Михляеве большую опытность, впоследствии пожаловал ему и казенную фабрику.

МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ
ПИНЕГИН
российский историк, этнограф
и краевед

Петр I не только осмотрел завод купца Михляева, но и посетил его дом, и вот там-то, как говорят, хозяин вынес ему груды золотых и серебряных монет, а хозяйка вручила большую чашу жемчуга с драгоценными камнями. И император, конечно же, «остался весьма доволен таким патриотическим поступком Михляева».

А потом вице-губернатор Н. А. Кудрявцев «склонил дело» в сторону передачи завода И. А. Михляеву. После смерти Михляева (она случилась между 1728 и 1731 гг.) его вдова Евдокия Ивановна вместе со своим племянником Афанасием Дрябловым получила от Анны Иоанновны привилегию на потомственное владение суконной фабрикой и слободой.

А теперь — несколько слов об упомянутом выше храме во имя святых апостолов Петра и Павла, построенном в городе И. А. Михляевым «в память пребывания Петра Великого в Казани».

В 1720 году купец заключил два договора о поставке извести и камня «к строению церкви Петра и Павла». Считается, что церковь строилась дважды, потому что в первый раз «по неискусству каменщиков» она развалилась. Как бы

■ Казань, Гравюра. XVIII век

то ни было, в 1726 году (по другой версии, в 1728 году) она была построена и освящена.

То есть получается, что храм был задуман еще до приезда Петра I в Казань. Впрочем, хитроумный Иван Афанасьевич имел прекрасную возможность обыграть это совершенно случайное совпадение. Он сказал императору: «Вот, Ваше Величество, храм обновляю в честь святых апостолов Петра и Павла, будто нарочно подгадал к вашему приезду». И в июне 1722 года Петр I (если он туда действительно решил заглянуть) мог увидеть лишь большую стройплощадку возводимого собора.

Петропавловский собор вкупе с колокольной, домом И. А. Михляева, остатками древнего храма Козьмы и Демьяна и хозяйственными постройками являют собой единый архитектурный комплекс, все составляющие которого так или иначе взаимосвязаны и даже взаимозависимы.

АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ
КЛОЧКОВ
российский краевед

По сути, получается, что купцу Михляеву удалось устроить себе в Казани самый настоящий «парадиз» (рай земной), да и храм у него вышел на славу — он и поныне считается одним из ярчайших образцов стиля барокко Петровской эпохи, а для казанского провинциального зодчества его архитектура и вовсе уникальна.

Еще следует отметить, что Петр I, лично осматривая промышленные предприятия в Казани, не оставил без внимания и казанское адмиралтейство. Известно, что идея создания русского флота всецело принадлежит Петру, а корабли в то время строились из дерева, поэтому император обратил особое внимание на сохранение лесов. Крепкие породы деревьев объявили заповедными (дуб, вяз, клен, ясень, лиственница и мачтовая сосна), а владельцы лесов, под страхом смертной казни, не должны были рубить заповедные деревья на свои личные нужды. Все подобного рода деревья были описаны и сохранялись исключительно для нужд флота.

Конечно же основное внимание было обращено на сохранение лесов в соседних с Санкт-Петербургом провинциях, но из-за того, что Казанская губерния обладала лесными богатствами и могла сообщаться с Петербургом водным путем, все правила о сохранении лесов имели равную силу и в ней. Лес заготавливался по распоряжению казанского коменданта «рабочими людьми по найму», под надзором специальных чиновников. Согласно указам Петра, следовало строжайше охранять леса Казанской губернии, производить опись заповедных лесов и разводить дубовые рощи в удобных местах. И все же, несмотря на такие строгие предупредительные меры, леса уничтожались весьма быстро.

Уехал Петр I из Казани 8 июня 1722 года, и в день отъезда он все еще занимался делами по адмиралтейству.

После личного осмотра и распоряжений Петра Великого на казанской верфи стали усиленно строить для каспийской флотилии бомбардирские корабли, фрегаты, бриги, транспорты и галиоты, с принадлежавшими к ним легкими гребными судами. Кроме мореходных судов строились также так называемые эмбенские боты или канонирские лодки для Астраханского порта, для разъездов стражи по Эмбе из опасения нападений киргиз-кайсаков и прочих народов; боты годились и для разъездов по Волге. <...> С 1722 года на верфи Казанского адмиралтейства всего построено было около 400 различных судов. Обыкновенно спускали их в мае месяце во время полноводья; дни спуска судов праздновались в Казани с особенным торжеством и пышной церемонией.

МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ
ПИНЕГИН
российский историк, этнограф
и краевед

Глава десятая
ИМПЕРАТРИЦА
ЕКАТЕРИНА II В КАЗАНИ

Екатерина II (она же Екатерина Великая), урожденная София-Августа-Фредерика Ангальт-Цербстская, племянница шведского короля Адольфа-Фридриха и двоюродная племянница прусского короля Фридриха Великого, взошла на престол в 1762 году в результате дворцового переворота, направленного против ее мужа Петра III (внука Петра I). В 1767 году она, желая познакомиться с отдаленными губерниями своего государства, приезжала в Казань.

■ Иоганн Баптист Лампи-ст. Портрет Екатерины II. 1780-е

Государыня решила совершить путешествие по Волге, и к нему она готовилась тщательно, со свойственной ей широтой и расточительностью. Путешествие началось из Твери, где для Екатерины и ее свиты были подготовлены четыре красивые галеры («Тверь», «Волга», «Ярославль» и «Казань»), вооруженные пушками. Екатерина облюбовала для себя галеру «Тверь», где было сделано все, чтобы на ее борту она чувствовала себя не менее комфортно, чем в столичном дворце.

В Тверь Екатерина прибыла из Москвы и через три дня (2 мая) отправилась на галерах по Волге с огромной свитой и еще большим штатом прислуги (всего при ней находилось до 2000 человек). Флотилией командовал Иван Григорьевич Чернышев, будущий генерал-фельдмаршал по флоту и фактический глава Адмиралтейств-коллегии.

Путешествие сопровождалось непрерывным рядом торжеств и ликований: по берегам Волги повсюду стояли толпы народа, которые громкими восклицаниями приветствовали государыню; ночью река освещалась зажженными по берегам кострами дров и смоляными бочками. Во всех значительных городах флотилия останавливалась, и царице устраивались торжественные встречи и празднества. Несмотря на такие задержки и развлечения, императрица успевала входить в подробные объяснения с представителями местной администрации, писать письма, как о своих дорожных впечатлениях, так и о государственных делах; даже находила время заниматься литературой: она перевела «Велизария», сочинение Мармонтеля.

МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ
ПИНЕГИН
российский историк, этнограф
и краевед

Кстати, из писем Екатерины II можно извлечь некоторые подробности ее пребывания в Казани и впечатления, произведенного на нее городом.

■ Эдвард Турнерелли. Благовещенский собор.
Литография. 1837

Так как вода после весеннего разлива еще не совсем спала, царская галера прошла по Казанке почти к самому Кремлю. Это произошло 26 мая 1767 года вечером. Встреча была устроена торжественная. Императрица, прежде всего, посетила Благовещенский собор. От пристани через Тайницкие ворота в крепость вся дорога была устлана красным сукном. В толпившемся народе благоговение к особе государыни доходило до обожания: некоторые даже пытались поставить перед ней свечи...

Когда кончился молебен, государыня направилась к Спасским воротам. По обе стороны стояли гарнизонные батальоны и отдавали Екатерине II честь «уклонением знамен с музыкою и барабанным боем».

Затем Екатерина II отправилась в назначенный для нее дом купца Ивана Федоровича Дряблова, содержателя суконной фабрики и тогдашнего первого городского головы в Казани. Это был тот самый дом около Петропавловской церкви, который принадлежал прежде И. А. Михляеву. Государыня обратила внимание на роскошную отделку помещения и писала графу Н. И. Панину: «Я живу здесь в купече-

ском каменном доме, девять покоев анфиладою, все шелком обитые, креслы и канапеи [диваны. — *Авт.*] вызолоченныя, везде трюмо и мраморные столы под ними».

Рядом с домом купечество возвело большие Триумфальные ворота, состоявшие из трех арок — одной главной и двух боковых. От них шла галерея из колонн и пилястр, между которыми были поставлены статуи в рост человека. Галерею венчал позолоченный купол. Другие Триумфальные ворота устроил директор Юлий Иванович фон Каниц близ подведомственных ему гимназических зданий. Над главной аркой там возвышался громадный щит с гербом Российской империи, а по сторонам ворот были расставлены «прозрачные картины».

По вечерам город великолепно освещался иллюминацией. Средств на это не жалели. И к этому надо прибавить, что дом И. Ф. Дряблова стоял на одном из самых высоких холмов Казани, а потому позволял из окон видеть все украшения и эффектные картины ликующего города, застроенного тогда низкими деревянными домиками.

Вот что писала Екатерина II о своих впечатлениях графу Н. И. Панину: «Мы вчера вечеру сюда приехали и нашли город, который всячески может слыть столицею большого царства; прием мне отменный; четвертую неделю видим везде одинаковую радость, а здесь еще отличнее; если бы дозволить, то горожане себя вместо ковра постлали, а в одном месте по дороге мужики свечи давали, чтоб предо мною поставить, с чем их прогнали. Кутухтою* быть здесь недолго, однако исключая этот случай, везде весьма чинно все происходит; здесь триумфальные ворота такие, лучше которых я еще не видала».

В письме к А. В. Олсуфьеву от 30 мая 1767 года Екатерина писала: «Я в субботу думаю отселе далее отправиться в путь, то есть до Синбирска водою, а оттоле уже сухим путем к Москве, где надеюсь быть между 15 и 20 июня. Ничего покойнее и веселее быть не может, как такова рода водяной поход, ибо целым домом едишь и ни в чем ни остановки, ни недостатка нету, для вас ленивых ничего лучше выдумать не

* Кутухта (или Кутухту) — так тогда называли второе духовное лицо после далай-ламы в Монголии, духовного властителя монголов.

можно. Сей город, бесспорно, после Москвы в России первой, а Тверь после Петербурх лутчей; во всем видно же, что Казань — столица большого царства. Прием по всей дороге мне был весьма ласковой и одинаковой, только здесь, кажется, еще градусом выше по причине редкости для них видеть. Однако же с Ярославом, Нижним Новгородом и с Казанью да сбудется французская пословица, что от господского взгляду лошади разжируют. Вы уже по Сенату сведуете, что я для сих городов распоряжения делала.

При разборе «Описания путешествия по России» аббата Жана Шаппа д'Отроша Екатерина писала: «В Казани мы могли бы, если бы хотели, танцевать в течение месяца на девятнадцати балах: когда мы увидели это, то потеряли желание возвратиться в столицу и не будь к тому необходимости, не знаем, чем бы кончилось дело».

Вообще в Казани Екатерина чувствовала себя «весьма хорошо, истинно как дома». Так выражаться она могла, без сомнения, по своей необыкновенной способности обращаться с людьми, привлекать к себе всех, кому приводилось иметь с ней дело. 28-го мая государыня посетила девичий Богородицкий монастырь; отстояв обедню, она приложила к чудотворной иконе Богоматери небольшую бриллиантовую корону, а другую такую же пожертвовала на местный образ Спасителя.

МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ
ПИНЕГИН
российский историк, этнограф
и краевед

В казанской гимназии императрица, скорее всего, не была, но некоторые приближенные ее с графом В. Г. Орловым во главе осмотрели это учебное заведение. Директор фон Каниц ясно продемонстрировал этим высокопоставленным лицам потребности гимназии, и, судя по всему, увеличение финансирования для учеников, к которому так долго и безуспешно стремились все директора, стало результатом именно этого визита.

Сама императрица заинтересовалась драматическими представлениями в гимназии. Из расспросов директора она узнала, что фон Каниц с самого приезда своего убедил учеников ставить пьесы, упросил также почтеннейших жителей бывать на них и через некоторое время с удовольствием заметил, что не нужно уже и упрашивать.

Накануне отъезда Екатерины II из Казани, 31 мая, в загородном губернаторском доме было устроено особенное празднество. Туда собрали всех инородцев Казанской и соседних с нею губерний, и такая «этнографическая выставка» очень понравилась государыне, и она весьма милостиво обошлась с инородцами.

Прием императрице казанцы оказали фантастический. Местная знать старалась перещеголять друг друга в щедрости и гостеприимстве. <...> Особые симпатиинискала Екатерина II у мусульман.

РЕНАТ ХАЙРУЛЛОВИЧ
БИКБУЛАТОВ
российский историк, краевед
и писатель

Екатерина была весьма удовлетворена приемом, оказанным ей казанцами, и в знак особого благоволения вручила золотую шпагу президенту местного магистрата купцу А. В. Аникееву.

Из письма, которое Екатерина II отправила Вольтеру из Казани, можно понять, что императрица воспринимала Казань как азиатский город и считала театральные представления, организованные казанцами в гимназиях, одним из способов объединения и формирования единого общества из разноплеменного населения.

«Я угрожала вам письмом, — писала Екатерина, — из какого-нибудь азиатского селения, теперь исполняю свое слово, теперь я в Азии. В здешнем городе находится двадцать различных народов, которые совершенно несходны между собою. Надобно, однакож, дать им такое платье, которое бы годилось для всех. Можно очень найти общие начала, но

- Екатерина II — императрица российская. Гравюра. XVIII век

подробности... и какие подробности! Это почти то же, что сотворить, устроить, сохранить целый мир!»

Под общим платьем Екатерина II подразумевала плоды развития, «приятное обращение и необходимую в свете людкость», которых недоставало даже у казанского дворянства. Поэтому Екатерина II, узнав, что представления прекратились по случаю недопонимания между губернатором и директором, выразила по этому поводу крайнее сожаление и вместе с тем заметила губернатору Андрею Никитичу Квашнину-Самарину, чтобы он позаботился не только о возобновлении их, но и о привлечении к этому роду удовольствий дворянства. Желание императрицы было исполнено, и представления в гимназии продолжались до разорения города Емельяном Пугачевым.

Было получено высочайшее позволение Екатерины II на строительство в Старотатарской слободе двух каменных мечетей. Екатериной II был принят указ о веротерпимости (1773), открыто в Уфе мусульманское Духовное собрание (1789). Это было мудрое решение, ибо до того

императрица Елизавета Петровна вела явную антиму-сульманскую политику. Ее варварский указ от 19 ноября 1742 года предписывал разрушение всех мечетей в Казанской губернии и недопущение возведения новых.

РЕНАТ ХАЙРУЛЛОВИЧ
БИКБУЛАТОВ
российский историк, краевед
и писатель

Еще стоит отметить, что 2 июня Екатерина осматривала развалины древней болгарской столицы, и вот что она написала об этом графу Н. И. Панину: «Мы ездили на берег смотреть развалины Тамерланом построенного города Болгары и нашли, действительно, остатки больших, но не весьма хороших строений; два турецкие минарета весьма высокие и все, что тут ни осталось, построено из плиты очень хорошей. Татары же великое почтение имеют к сему месту и ездят Богу молиться в эти развалины. Сему один гонитель, казанский архиерей Лука, при покойной императрице Елизавете Петровне позавидовал и много разломал, а из развалин построил церковь, погребца и занял под монастырь, хотя Петра I указ есть, чтобы не ломать и не вредить сию древность».

Не ускользнуло от внимательной Екатерины II и малое количество каменных домов в городе, и она указом от 4 июня 1767 года издала правила «для споспешествования к устройению каменных домов в Казани».

■ Древнейшее изображение минаретов Болгара

Утром, 1 июня 1767 года, императрица опять перешла на свою галеру «Тверь», и вся блестящая флотилия отправилась далее вниз по Волге, в Симбирскую провинцию.

Так закончилось пребывание императрицы в Казани.

Кстати, галера «Тверь» после окончания путешествия Екатерины II была доставлена в Казань. Ее было велено хранить на память потомству, «не перемня того вида, какой она имела во время высочайшего путешествия, и сделать для нее удобное хранилище». Уже в советское время хозяином галеры стал Центральный музей ТАССР и на «Твери» открыли филиал музея. Но в 1956 году из-за банальной ребячьей шалости с огнем историческое судно, пережившее две революции и Великую Отечественную войну, сгорело. К 1000-летию города, благодаря культурным связям Казани и Санкт-Петербурга, в городе появилась пешеходная улица, названная в честь Северной столицы, и ее начало украшает миниатюрная копия галеры «Тверь».

Казань помнит, что, когда в 1774 году город был разгромлен пугачевцами, Екатерина II пожертвовала большие средства для его восстановления. При непосредственном участии Екатерины II в Казани был основан пороховой завод. К его сооружению приступили в 1786 году, и уже через два года здесь стали «приготавливать порох». Екатерину II в Казани ласково и уважительно называли «Эби-патша», что значит «бабушка-царица».

РЕНАТ ХАЙРУЛЛОВИЧ
БИКБУЛАТОВ
российский историк, краевед
и писатель

Глава одиннадцатая
РАЗГРОМ КАЗАНИ
ЕМЕЛЬЯНОМ
ПУГАЧЕВЫМ

Летом 1774 года во время восстания Емельяна Пугачева Казань оказалась в осадном положении. Повстанческое войско Пугачева численностью в 20 000 человек при 12 пушках 11 июля подошло к городу.

Пугачев выдавал себя за низложенного государя Петра Федоровича (Петра III), обстоятельства смерти которого до сих пор окончательно не выяснены.

В Казани стали ходить слухи, что самозванец — это некий Пугач, который месяца три тому назад был в Казани

■ Неизвестный художник. Портрет Емельяна Пугачева. 1774

арестантом. И слухи оказались верными. В конце 1772 года Пугачев был арестован в селе Малькове (ныне это город Вольск) за то, что подговаривал недовольных яицких казаков переселиться в турецкие владения. Затем его начали пересылать по разным инстанциям для допросов и повторных допросов. 4 января 1773 года он предстал перед казанским губернатором генерал-поручиком Яковом Ларионовичем фон Брандтом. Губернатор приказал содержать Пугачева под охраной и еще раз допросить его. Но при очередном допросе тот вдруг отрекся от всего, и губернаторский секретарь «только плюнул и приказал сбить с рук железа». А потом Пугачева поместили вместе с другими арестантами в «черных тюрьмах», находившихся под губернской канцелярией.

Получается, что тогда на этого донского казака не обратили должного внимания. Во всяком случае, фон Брандт, донося в Сенат 21 марта о допросе Пугачева, назвал его просто «вралем». Но Сенат отнесся к делу более серьезно, и 6 мая было приказано наказать Пугачева плетьюми «за его враки», а потом отправить в город Пелым, «где употреблять его в казенную работу, давая за то ему в пропитание по три копейки в день». И при этом было приказано смотреть за ним строго, чтобы он не совершил побег. Эта резолюция была получена в Казани 1 июня, но Пугачева в тот момент уже в городе не было — за три дня до этого он бежал...

Побег Пугачева не возбудил на первых порах опасений в Казани. Губернская канцелярия узнала о побеге лишь 3-го июня; донесение о бегстве Пугачева написано было 21-го числа да семь дней еще пролежало неотправленным; кроме того, распоряжение о поимке бежавших арестантов разослали по таким местам, где Пугачев не мог скрываться. Все это раскрылось впоследствии, да и то не вполне, за смертью Брандта.

МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ
ПИНЕГИН
российский историк, этнограф
и краевед

Это выглядит совершенно невероятным, но именно этот арестант-бродяга через три месяца после побега из Казани уже поднял все яицкое казачье войско, стал одну за другой брать крепости и станицы, осадил сам Оренбург. Чувашаи, мордва, черемисы начали присоединяться к бунтовщикам. Башкиры стали грабить и разорять русские селения. Господские и горнозаводские крестьяне также оказались на стороне Пугачева, ибо он пообещал им полную свободу.

Мятеж охватил весь Заволжский регион. В разных местах собирались группы, которые называли своих лидеров полковниками «государя-батюшки Петра Федоровича». Эти шайки бунтовщиков распространяли манифесты Пугачева, захватывали государственное имущество, грабили горожан и помещиков, а также убивали тех, кто отказывался признавать самозванца своим правителем.

Положение страны и правительства стало весьма трудным: войны с Турцией и Польшей истощили казну и оттянули главные военные силы, и внутренние губернии остались почти без защиты. Например, из трех гарнизонных батальонов, стоявших в Казани, большая часть была откомандирована для набора рекрутов и для конвоирования арестантов, отправляемых огромными партиями в Сибирь. Оставшихся в городе солдат было так мало, что, по словам фон Брандта, «не только поиску и истребления сильной злодейской шайки, но и обороны против их воровского нападения делать некем».

Всю надежду генерал фон Брандт возлагал на поселения отставных солдат, которые, «забыв военные обряды, совсем сделались мужиками». Эти профессионально подготовленные люди могли стать защитниками Казанской губернии, и таких «солдат-земледельцев» удалось собрать 730 человек. Что касается запасов оружия, то по всей Казани нашли всего 143 исправных ружья и 100 пар пистолетов. Тогда губернатор приказал собрать все негодное оружие и отдать его в ремонт слесарям. При таком практически безвыходном положении фон Брандт просил московского главнокомандующего князя Волконского прислать ему оружие и войска, но тот нашел возможность отрядить в Казань не более 300 человек с одной-единственной пушкой.

Между тем в Санкт-Петербурге информация о происходящем дошла до императрицы Екатерины II и вызвала у нее

тревогу. Наскоро были собраны несколько рот и эскадронов, и их отправили против бунтовщиков под начальством генерал-майора Василия Алексеевича Кара. Оренбургскому и казанскому губернаторам было предписано оказывать ему «всякое вспоможение». Плюс Екатерина II пообещала за поимку Пугачева награду в 10 000 рублей, и был обнародован манифест о появлении самозванца и о том, что против мятежа приняты самые решительные меры.

Между тем генерал Кар, отправившийся против мятежников, мечтал о лаврах Цезаря и боялся только того, чтобы разбойники не разбежались до его появления. Но мечты разрушились: при первой же стычке с пугачевцами он был разбит (в 100 верстах от Оренбурга).

МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ

ПИНЕГИН

российский историк, этнограф
и краевед

Что же произошло? Авангард генерала Кара был атакован мятежными казаками под командованием атаманов Андрея Овчинникова и Чики Зарубина у деревни Юзеевой. В ходе боя башкирские отряды перешли на сторону восставших, которые, ко всему прочему, еще и имели преимущество в артиллерии. В. А. Кар докладывал потом в Военную коллегию: «Во время сего следования со всех сторон, а особливо из деревни Юзеевой от Оренбурга наскало сих злодеев на меня верхами более двутысячи человек, и подвезя артиллерии 9 орудий начали стрелять ядрами и гранатами, но как по неимению при мне легких войск не можно мне было ничего с ними зделать, кроме что отстреливатца по их батареем, из имевшихся со мною одного 8-фунтового единорога, под которым напоследок подбили лафет, и четырех 3-фунтовых пушек из коих три весьма безнадешныя <...> И так я, по множеству случившихся дефилеев маршируя 17 верст, отстреливался восемь часов <...> Артиллериею своею чрезвычайно вредят; отбивать же ее атакою пехоты также трудно, да почти и нельзя; потому, что они всегда стреляют

из нее, имея для отвозу готовых лошадей, и как скоро приближатца пехота станет, то они отвозя ее лошадьми далее на другую гору и опять стрелять начинают, что весьма проворно делают и стреляют не так, как от мужиков ожидать должно было».

В ходе трехдневного боя правительственные войска потерпели поражение, и 9 ноября В. А. Кар был вынужден отступить к Бугульме. Получив известия о пленении под Оренбургом еще одного крупного правительственного отряда под командованием полковника П. М. Чернышева, генерал Кар, по словам А. С. Пушкина, «совершенно упал духом и думал уже не о победе над презренным бунтовщиком, но о собственной безопасности». Сдав командование генерал-майору Федору Юрьевичу фон Фрейману, В. А. Кар под предлогом обострившейся болезни уехал в Москву. Императрица Екатерина II была страшно разгневана таким поведением генерала и повелела «исключить его из службы».

В Казани, конечно же, немедленно узнали о неудачах правительственных отрядов, и тогда толкам и всевозможным слухам не было конца. Даже гимназисты принимали участие в распространении всевозможных слухов, так что начальство сочло необходимым запретить им передавать друг другу «такие речи, которые подлый народ на площади говорил».

■ Николай Каразин. Бой с пугачевцами. Из альбома художника. 1891

Естественно, городские власти приняли определенные меры для укрепления города. Казань тогда состояла преимущественно из маленьких деревянных домиков. Улицы города были узкими и кривыми, за исключением Арской, выведившей на Арское поле. Эта улица была не только шире других, но еще и вымощена бревнами. На выезде к Арскому полю стояла большая караульная изба, где жили выбранные из обывателей на полугодичное время сотники и десятники, в обязанности которых входило несение караульной службы. Но что у них было за оружие? Точеные окрашенные дубины...

В ночное время Арская улица около караульной избы перекрывалась рогатиной на колесе, конец которой прикреплялся к столбу железным болтом. На всех остальных улицах стояли ворота, которые по ночам запирали на замок, так что проезд по улицам ночью прекращался.

Посчитав эти обычные меры охраны недостаточными, городские власти поспешили подремонтировать казанскую крепость, или, точнее, ее развалины. Комендант города Баннер распорядился конных служивых татар распределить по частям — для дневных и ночных разъездов. Из них же составили пикеты у рогатин в концах улиц. Отряды татар должны были передвигаться под начальством обер-офицеров и следить за тем, чтобы на улицах не было «скопищ подлых людей», ни шума, ни песен, ни других непристойностей, а ослушников было приказано приводить куда следует...

Короче говоря, Казань была поставлена на военное положение: после семи вечера позволено было ходить по улицам только по особым разрешающим документам. Предписано было также соблюдать «осторожность от огня», а больше всего «наблюдать, чтобы не последовало от каких-нибудь злодеев зажигательного пожара».

События, происходившие в Оренбургском крае, произвели на казанцев самое устрашающее впечатление. Беспокойство в городе усиливалось, и оно достигло предела после того, как из Казани выехали семейство губернатора фон Брандта и семьи некоторых других высокопоставленных чиновников. Вслед за повозками первых эмигрантов к Москве потянулись бесконечные обозы прочих казанских обывателей — тех, кто мог себе это позволить.

Губернатор 30 ноября 1773 года обратился к народу с воззванием, в котором уверял, что Казани ничего не угрожает, что нет никаких бунтовщиков и что по дорогам разъезжают лишь мелкие воровские шайки калмыков да уфимских башкирцев, которые не имеют никакой связи с объявившимся самозванцем, о котором уже шептались на всех углах.

Конечно же, народ не поверил губернатору, и бегство казанских обывателей продолжилось. «Казань погибает, — говорили все в один голос, — и нет ей никакого спасения, ибо злодеи уже в 30–40 верстах и даже ближе».

По словам очевидцев, в конце ноября в Казани происходило такое смятение, что, казалось, настало светопреставление. «Все свое имение с торопливостью забирают, укладывают в воза, без порядка мечутся во все стороны, яко бешеные, и спасаются, не зная притом, куда бегут и что делают».

МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ
ПИНЕГИН
российский историк, этнограф
и краевед

А тем временем восстание развивалось с удивительной быстротой и охватило уже Поволжье до Казани. Мелкие отряды из Москвы, Твери и с западной границы стали подходить к Казани не раньше января 1774 года. Примерно в то же время прибыл и назначенный главным начальником сборных команд генерал-аншеф Александр Ильич Бибииков, незадолго до этого командовавший русскими войсками в Польше.

Прибыв в конце декабря 1773 года в Казань, Бибииков нашел ее «в большом страхе, нежели Москву... великое число чиновников, дворян и знатнейших жителей с женами и детьми удалились из города». Губернатор фон Брандт счел за благо перебраться в Козмодемьянск. Би-

биков оказался в затруднительном положении: опираться ему было не на кого. Между тем успехи народной армии быстро росли, и Бибиков писал графу Чернышеву 24 января 1774 года: «Зло распространяется весьма далеко... Не неприятель опасен... но народное колебание, дух бунта и смятение».

СЕРГЕЙ ПАВЛОВИЧ ПЕТРОВ
советский педагог и краевед

А. И. Бибиков был человеком серьезным, и его появление несколько ободрило казанцев. Опустевший город стал оживать, начали съезжаться дворяне и другие начальствующие лица. Бибиков при первом же случае «объявил свое неудовольствие» администрации за то, что дали возможность Пугачеву так усилиться. Он сказал, что «следует истреблять злодея повсюду», а не ограничиваться только защитой какой-нибудь губернии, как это предлагал фон Брандт.

Энергичные слова Бибикова подбодрили казанцев, но они не могли сразу поправить общий беспорядок в крае. Если судить по письмам Александра Ильича, администрация была настолько в плохом состоянии, что в местах, где не было еще бунта, уже господствовал полнейший развал. Яков Ларионович фон Брандт был человеком честным, но по тем временам весьма пожилым (ему было 58 лет), и он не мог уследить за всеми злоупотреблениями и удержать своих подчиненных от произвола, нарушения законов и лихоимства.

Бибикову, прежде всего, приходилось вступить в борьбу с чиновниками — борьбу, едва ли не более трудную, нежели с мятежниками. Он поручил наиболее важные должности лицам, ему хорошо известным, — с тем, чтобы они заново создали распавшийся порядок. Пока шли из Польши полки, Бибиков принужден был прибегать к полумерам; за недостатком кавалерии, он не мог воспрепятствовать развитию бунта: волнения начались уже близко от Казани. Необходимость заставила Бибикова

поторопиться приглашением дворян вооружить своих поселян, но не иначе, как узнав сперва их настроение.

МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ

ПИНЕГИН

российский историк, этнограф
и краевед

1 января 1774 года казанское дворянство решило составить из своих людей и за свой счет вооруженный конный корпус, для чего постановили собрать с каждых двухсот душ по одному человеку и снабдить их всем необходимым. Для вооружения этого ополчения А. И. Бибиков приказал выдать из казанского комиссариата старые палаши и пистолеты. Командование корпусом было поручено родственнику Бибикова, генерал-майору Александру Леонтьевичу Ларионову.

Императрица Екатерина II, узнав об этом решении казанского дворянства, повелела Бибикову объявить дворянству монаршее благоволение за этот патриотический поступок. Кроме того, Александр Ильич получил от императрицы следующее собственноручно написанное ею письмо: «Подражая примеру верного и усердного дворянского корпуса казанского, повелела я, яко помещица той губернии, с дворцовых волостей, с каждых двухсот душ, всем отдать по одному рекруту, и, обмундировав и снабдя лошадью, велела присовокупить их

■ Николай Каразин. Поражение скопищ самозванца под Троицком. 1891

к тому казанского дворянства военному корпусу, о чем чрез сие уведомляю, дабы вы о сем и тамошнему дворянству сказать могли, впрочем остаюсь к вам доброжелательна. Екатерина».

Содержание письма было оглашено перед дворянством в максимально торжественной обстановке. Предводитель дворянства и шеф нового корпуса произнесли благодарственные речи перед портретом императрицы и с подобными же речами обратились и к Бибикову, прося «подать дворянству случай пролить кровь свою за благополучие отечества и монархини». А императрица отозвалась об этих речах, что они «прямо благородными мыслями наполнены».

Кстати, считается, что речь дворянства к императрице была сочинена Г. Р. Державиным, который в то время состоял при генерал-аншефе Бибикове (более подробно о нем будет рассказано ниже).

Примеру казанцев последовали дворяне свияжские, симбирские и пензенские: они также объявили о создании ополчения. Со своей стороны, императрица приказала выбрать казанских помещиков из унтер-офицеров гвардии, произвести их в обер-офицеры и, снабдив всем необходимым, немедленно отправить в Казань.

Особый манифест от 22 февраля 1774 года объявил по всей империи о доказательствах верноподданничества казанцев. Манифест было велено прочитать во всех церквях и на память потомству положить в архив каждого города по несколько экземпляров.

К сожалению, дворянский корпус не оправдал общих надежд: Ларионов, отправленный на освобождение Уфы, почти целый месяц простоял без дела и нужды в селе Бакалах, а затем, за болезнь, отказался от командования. Прочие отряды, разосланные Бибиковым, действовали везде с успехом; все начали надеяться на скорое окончание дела. Бибиков в начале марта перенес свой штаб из Казани в Кичуевскую крепость.

МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ
ПИНЕГИН
российский историк, этнограф
и краевед

В то время в Казань была привезена, по приказу императрицы, из Зимовейской станицы на Дону жена Пугачева с сыном и двумя дочерьми, а потом и родной брат его, находившийся в армии. А. И. Бибилов писал по этому случаю начальнику секретной комиссии в Казани А. М. Лунину: «Привезенную к вам прямую жену Пугачева извольте приказать содержать на пристойной квартире под присмотром, однако без всякого огорчения, и давайте ей пропитание порядочное. <...> А между тем, не худо пускать ее ходить по городу, чтобы она в народе, а паче черни могла рассказывать, кто такой Пугачев, и что она его жена. Однако ж сие надлежит сделать с манерою, чтоб не могло показаться с нашей стороны ложным уверением; паче ж, думаю, в базарные дни, чтоб она, ходя, будто сама с собой, рассказывала о нем, кому можно или кстати будет».

Все распоряжения А. И. Бибилова исполнялись. Его донесения императрице были «утешительны», и Екатерина II пожаловала его сенатором и кавалером Андреевского ордена. Но все эти почести не застали в живых Александра Ильича: он скончался 9 апреля 1774 года в Бугульме. Официальная причина смерти — от холеры, а по неофициальной версии он был отравлен агентом польских конфедератов.

Смерть Бибилова дала делу совершенно иной оборот. Г. Р. Державин приписывал потом наступившие неудачи несогласиям и пререканиям, возникшим между князем Федором Федоровичем Щербатовым, которому Бибилов перед смертью сдал начальство, губернатором фон Брандтом и освободившим Оренбург князем Петром Михайловичем Голицыным, прикомандированным вместе с генерал-майором П. Д. Мансуровым к генерал-аншефу Бибилову. Якобы они не хотели подчиняться один другому, дали возможность скопиться мятежным шайкам и таким образом «расстроили начало побед».

А тем временем Пугачев, потерпевший в марте ряд неудач, опять усилился, разоряя уральские заводы. Наиболее энергично продолжали преследование генерал Иван (Иоганн) Александрович Деколлонг и полковник Иван Иванович Михельсон, но и те не могли действовать согласованно и соединив свои силы. Деколлонг ушел в Челябинск, как счи-

тается, из зависти к успехам Михельсона, который в свою очередь вынужден был вернуться в Уфу, так как у него не осталось патронов.

И получилось так, что путь к Казани через Каму оказался открытым. Фон Брандт просил у князя Ф. Ф. Щербатова помощи, а часть казанского гарнизона послал под начальством майора Ф. В. Скрипицына в пригород Осу. Пугачев, отбитый у Кунгура и Красноуфимска, бросился к Осе и разбил Скрипицына. Город сдался. Скрипицын якобы перешел на сторону Пугачева, но тайно рассылал письма в Кунгур, в Казань и исправнику Воткинского завода, убеждая всех вооружаться против самозванца. Старавшийся заслужить доверие у Пугачева подпоручик Федор Минеев донес ему про переписку Скрипицына: письма были перехвачены, составитель их повешен, а доносчик получил от самозванца чин полковника.

Зная о творившемся в Казани и надеясь в ней найти единомышленников, Емельян Пугачев направился прямо к городу, распространяя слухи, что там соединится с ним сын (государь-цесаревич) с большим войском и что из Казани они вместе пойдут уже на Москву.

Главный атаман и походный полковник народной армии И. Н. Белобородов свидетельствует, что, когда Пугачев 9 июля 1774 года подошел к Казани, он говорил: «По взятии Казани намерен пройти в Москву и тамо воцариться и овладеть всем Российским государством».

СЕРГЕЙ ПАВЛОВИЧ ПЕТРОВ
советский педагог и краевед

Положение Казани стало критическим. Князь Ф. Ф. Щербатов, узнав о сдаче Осы, ушел в Бугульму. Несчастный фон Брандт вынужден был защищаться один — как мог и как умел. А что он мог? Численность войска в Казани доходила лишь до 700 человек, дальнейшая защита города зависела от числа вооруженных жителей, а между тем пугачевцев, шедших к городу, по слухам, было до 20 000 человек, то есть почти в 30 раз больше.

Чем ближе Пугачев подходил к Казани, тем быстрее росла его повстанческая армия. Отовсюду спешили к нему или его посланцам-полковникам приписные к заводам, помещицы и государственные крестьяне, русские и нерусские.

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ
МАВРОДИН
советский историк

Губернатор разослал гонцов в отряды И. И. Михельсона, князя П. М. Голицына и др. с просьбой поспешить на спасение Казанской губернии.

Затем фон Брандт, комендант Баннер и граф П. С. Потемкин вместе с офицерами решили отправить навстречу Пугачеву полковника в отставке Н. В. Толстого (Толстова) с двумя сотнями человек пехоты и одним орудием. Вместе с тем было решено построить вокруг города несколько укрепленных батарей, причем полковник Свечин предложил выкопать ров вокруг слобод и брался выполнить это за три дня. Но это предложение было отвергнуто, а решили построить батареи только вокруг города, а слободы обнести лишь рогатками.

Подобную небрежность можно объяснить тем, что большинство начальников не видело серьезной опасности для города. Скорее всего, они надеялись, что самозванец будет разбит преследовавшими его отрядами, ведь по следам Пугачева со стороны Екатеринбурга шел Д. О. Гагрин, из Башкирии спешил И. И. Михельсон, а возле Камы с отрядом стоял полковник Якубович.

Но все же 2 июля губернатор фон Брандт объявил всем жителям, чтобы они приготовились к защите города. При этом было сказано, что о приближении к городу мятежников будет дан сигнал пушечным выстрелом и колокольным звоном и что по этим сигналам все лица, назначенные к защите города, должны спешить с оружием к своим постам и не должны отлучаться от своих мест, «хотя бы горели их собственные дома».

От присутственных мест и от жителей потребовали ведомости, сколько может быть выставлено людей и с каким

оружием. Директор Юлий Иванович фон Каниц доложил, что казанские гимназии могут выставить следующий «корпус»: 13 учителей, 2 дежурных офицера, 2 приказных, 39 учеников, «кои имеют не менее 16 лет», 6 человек дворовых людей самого Каница и затем всех гимназических служителей из отставных солдат. При этом 50 человек учителей и учеников имели карабины, а все прочие были вооружены пиками, купленными на гимназические средства. Каниц требовал у губернатора порох и пули и в заключение добавлял, что «гимназическому корпусу» из 74 человек, близких к наукам, непристойно смешиваться с прочими гражданами и ему должно быть назначено «особое место, где гимназическая команда могла бы стоять одна, под предводительством своего командира».

Полная растерянность царила в Казани. Прибывший 8 июля в Казань начальник секретной комиссии генерал-майор П. С. Потемкин в этот же день отправил императрице донесение, в котором писал: «В приезд мой в Казань нашел я город в столь сильном унынии и ужасе, что весьма трудно было мне удостоверить о безопасности города. Ложные по большей части известия о приближении к самой Казани Пугачева привели в неописанную робость, начиная от начальника, почти всех жителей, так что почти все уже вывозили свои имения, а фамилиям дворян приказано было спасаться». Одним из первых убежал из Казани в Нижний Новгород шеф казанского дворянского корпуса генерал-майор Ларионов. «По всей Казанской губернии великая опасность, — рапортовал капитан Будмирович, — всю казну отправляю в Москву, изо всех мест».

СЕРГЕЙ ПАВЛОВИЧ ПЕТРОВ
советский педагог и краевед

Нападения следовало ожидать с восточной стороны, и там были наиболее усилены укрепления. На пространстве от левого берега, через Арское поле до озера Кабан, в четырех местах были построены батареи.

■ Неизвестный художник. Яицкие казаки в походе.
XVIII век

Казанский купец И. А. Сухоруков потом вспоминал: «Наши казанские военачальники наскоро построили на Арском поле 4 батареи, между которыми поставлены были рогатки, вышиною по грудь человека. Первая батарея стояла, где ныне дом Удельной Конторы; вторая, где ныне оканчивается у Арского поля новая Горшечная улица; третья — на третьей горе Суконной слободы; а четвертая — на высоком берегу реки Казанки, недалеко от нынешней Красной улицы. На этих батареях находились одни только инвалиды и приданные им в помощь непривычные к военному искусству граждане».

На каждой батарее было по одному или по два орудия.

У Арского поля стоял П. С. Потемкин с отрядом в 400 солдат. Внутри города, по Арской улице, недалеко от Богородицкого монастыря, был поставлен гимназический «корпус» под командованием директора фон Каница, причем к гимназистам присоединились художники и ремесленники из немцев, вооруженные 50 карабинами.

10 июля 1774 года Пугачев разбил в 12 километрах от города высланный ему навстречу отряд полковника Н. В. Толстого, причем сам командир погиб, пытаясь отбить захваченную пушку, а его люди были разгромлены, и большая часть солдат сдалась в плен.

После этого Пугачев послал казанцам указ, чтобы они без сопротивления «покорились государю, приняли его с честью и сдали город». Покорившимся были обещаны всевозможные милости.

Как только в Казань пришло известие о том, что Толстой разбит и убит, а Пугачев уже у самого города, многие жители поспешили оставить город, а в числе первых, как уже говорилось, бежал шеф дворянского корпуса А. Л. Ларионов — «по крайней надобности», в Москву.

А тем временем самозванец остановился между Казанкой и селом Царицыным. Его армия состояла более чем из 20 000 человек, но вся эта масса людей была либо плохо вооружена, либо вообще безоружна.

Крестьяне, добровольно или принужденно приставшие к пугачевцам, имели одни дубины да колья; башкиры были вооружены луками, а яицкие казаки ружьями, но тех и других было сравнительно мало.

МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ
ПИНЕГИН
российский историк, этнограф
и краевед

Пугачев взял Трехсвятское (Елабугу), Мамадыш и 11 июня 1774 года остановился лагерем у Троицкой мельницы, а это уже примерно 7 километров от Казани.

Войско восставших насчитывало до 20 000 человек — никогда еще оно не собиралось в одном месте в таком количестве, но вооружены повстанцы были очень плохо: у большинства в руках были только самодельные копья, дубины и заостренные шесты.

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ
МАВРОДИН
советский историк

Пугачев принял решение штурмовать город.

Утром 12 июня он разделил свою армию на четыре части: одну повел сам, другую поручил Ивану Белобородову, а третью — Федору Минееву (кому вверил четвертую — неизвестно).

Точность действий его артиллерии приводила в восхищение даже специалистов. Пугачев применял навесной огонь, и для этого были переделаны лафеты, применял массированный артиллерийский огонь, маскировал артиллерию в бою. Например, под Казанью пушки были подвезены к городу под прикрытием обоза с сеном и соломой. По его приказанию строились укрепления из снега и льда, что было новостью и для Европы. Пугачев ставил пушки на полозья, передавал письма при помощи воздушных змеев. Смелость, предприимчивость, личная удача и отвага Пугачева удивляли даже заклятых врагов крестьянской войны.

СЕРГЕЙ ПАВЛОВИЧ ПЕТРОВ
советский педагог и краевед

Отряд П. С. Потемкина, защищавший дорогу, был отброшен. В это время отряд Минеева овладел Губернаторским домом и двинулся дальше. Ползком по оврагам он пробрался до гимназического поста и, как написал потом один историк, «смял его своей многочисленностью». Сам Юлий Иванович фон Каниц был ранен стрелой в ногу, и остатки его «корпуса», оттесненные до самого женского монастыря, укрылись в крепости.

Федор Минеев захватил монастырь и, поставив одну пушку на паперти, а другую в монастырских воротах, открыл пальбу по крепости.

Левое крыло, под личным начальством Емельяна Пугачева, бросилось к Кабану. Жители Суконной слободы встретили наступавших копиями и саблями, а вот пушку у них разорвало при первом же выстреле. Со своей стороны, Пугачев ударил картечью, башкиры, пустив тучу стрел, с криками бросились по улицам, убивая людей и поджигая дома.

Суконщики пустились бежать, за ними побежали и солдаты Потемкина, оставив мятежникам пушки и все снаряды. При этом многие из солдат и жителей перешли на сторону самозванца.

Город стал жертвой мятежников. Повсюду раздавались крики, плач и стоны. Всех, кто попадался в немецкой одежде, безжалостно убивали. Пугачевцы грабили дома, а затем поджигали их.

Улицы, по которым еще можно было пройти, представляли ужасное зрелище: по ним гнали пленных; злодеи то бродили взад и вперед с ношами награбленного добра, то разъезжали пьяные в самой пестрой одежде: в стихарях, подрясниках, в женском платье и проч. Разграбление города началось с 6 часов утра и продолжалось до глубокой ночи. Многие из мятежников, в том числе Пугачев и Белобородов, ездили в лагерь обедать, а потом снова возвращались для грабежа и разорения.

МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ
ПИНЕГИН
российский историк, этнограф
и краевед

Казань была подожжена со всех сторон и почти полностью сгорела. Как свидетельствовал очевидец, по самую Егорьевскую улицу «не осталось ни кола, уцелели лишь отчасти Суконная да Татарская слободы».

Когда Пугачев ворвался в город, он рассчитывал захватить крепость, но опоздал: крепостные ворота уже были заперты и завалены камнями и бревнами. Мятежников у ворот встретили огнем.

Предстояло еще взять Казанский кремль, где укрылись войска, чиновники, помещики, духовенство, купцы. Пугачев и Минеев били из пушек по крепости перекрестным огнем. Положение осажденных было безнадежным.

Казалось, вот-вот пугачевцы возьмут и этот последний опорный пункт правительства в Казанском крае.

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ
МАВРОДИН
советский историк

Тогда Пугачев занял Гостиный двор, поставил у находившегося там трактира две пушки и открыл пальбу по стенам кремля. Недалеко от Гостиного двора все еще стояли большие Триумфальные ворота, приготовленные ко встрече императрицы Екатерины II, и теперь они послужили защитой мятежникам — из-за них пугачевцы повели активную ружейную пальбу по крепости.

Собравшиеся в крепости жители и военные находились в ужасном положении: церкви, кельи и погреба были переполнены людьми, и даже в этих убежищах не было полной безопасности. Стрелы, пули и ядра проникали в эти укрепления, сея там ужас и смерть. Стоны раненых, крики женщин и плач детей довершали хаос и панику. Пожар, охвативший весь город, приближался уже к крепости, и ветер раздувал пламя, делая воздух удушливым от жара и дыма. Деревянные постройки в кремле часто загорались, а старые крепостные стены вот-вот могли обвалиться. Защитники крепости начали уже сомневаться в своей способности защитить ее, и некоторые даже открыто призывали сдаться, поскольку не видели никакой надежды на спасение.

Наступившая ночь не сулила ничего хорошего на следующий день. Кругом бушевал пожар, повсюду слышались крики разоренных людей, а вдали на биваках разбойники весело распевали песни и пили.

О первой атаке Казани П. С. Потемкин 13 июля писал князю Г. А. Потемкину: «Вчера поутру неприятель атаковал Казань... я в жизнь мою так несчастлив не бывал... имея губернатора ничего не понимающего и артиллерийского генерала дурака». 12 июля 1774 года Пугачев взял Казань. Штурмом Казани он руководил лично вместе с Белобородовым. Хотя Пугачев и взял Казань, но крепость,

в которой укрылись правительственные войска и казанские начальники во главе с П. С. Потемкиным, не сдавалась. По приказанию Пугачева Казань зажгли в 10–12 местах. К вечеру 12 июля к городу, объятому пожаром, подступил царский подполковник Михельсон.

СЕРГЕЙ ПАВЛОВИЧ ПЕТРОВ
советский педагог и краевед

Иван Иванович Михельсон действительно приближался к Казани. При начале ее разгрома он находился километрах в сорока. Он слышал орудийные выстрелы и видел вдалеке густой дым. Несмотря на усталость людей и лошадей, Михельсон торопился на помощь попавшему в беду городу.

Пугачев узнал о его приближении и решил дать бой на Арском поле, в своем становище. Но нападения он ожидал на следующее утро, а пока посчитал нужным отпраздновать взятие Казани. Из города привезли 15 бочек вина: самозванец любил угощать свою дружину после одержанной победы. Привели и пленных, которых набралось до 10 тысяч человек. Их всех Пугачев приказал поставить на колени перед пушками.

Казанский купец Л. Ф. Крупеников потом вспоминал: «Встретили мы Пугачева, ехавшего верхом в Казань, с пятьюдесятью казаками. Пугачев и его казаки были одеты в длинные синие кафтаны. Когда он с нами поравнялся, мы все упали на колени и кричали “ура”; я с многими другими, от испуга, зажимал крепко глаза. Пока мы там стояли, привезли к нему пленных солдат, которые защищали на канун батареи на Арском поле. Он тотчас приказал им отрезать косы и оставил их в Царицыне, а барабанщиков взял с собою».

А вот рассказ казанского купца И. А. Сухорукова: «Я больше десятка раз видел Пугачева довольно близко. Он был плечист, среднего роста, с черною прегустою бородою; одевался в шелковое полукафтаны и в бархатные шаровары; сверх полукафтаны носил шелковый халат. Он ездил очень скоро, окружаемый всегда десятью казаками. По виду он походил на простого казака».

Кстати сказать, в числе пленных была обнаружена жена Пугачева Софья Дмитриевна (урожденная Недюжева). Самозванец приблизил ее к себе, но всем сказал, что это жена его друга, у которого он жил и который за него пострадал,

а посему он ее не покинет и за заслуги мужа будет держать при себе.

Узнав, что татары прибыли с подарками, самозванец сел в кресло и стал с видимым удовольствием принимать дары. Радуюсь победе, он объявил прощение пленным и вызвал добровольцев к себе на службу. И, надо сказать, многие вызвались...

Затем он поехал по стану и благодарил людей. Попойка, песни, веселье не прекращались до полуночи. Лишь канониры не принимали участия в общем веселье: им было строго-настрого приказано быть трезвыми на случай тревоги.

И тревога последовала очень скоро. И. И. Михельсон с отрядом в 800 солдат врезался в середину лагеря. В первое время пугачевцы защищались весьма храбро, но, разрезанные на две части, после пятичасового непрерывного боя, они были совершенно разбиты и бросились бежать. Они потеряли до 800 человек убитыми и 737 человек взятыми в плен. В отряде Михельсона было убитых 23 и раненых 37 человек.

Переночевав на месте сражения, И. И. Михельсон на утро пошел к Казани, уничтожая попадавшиеся ему на пути шайки ночных грабителей.

Между тем Пугачев стал показываться со своим основным войском, намереваясь многочисленностью своих сил раздавить ничтожный отряд, прибывший на выручку города. Михельсон отправил в крепость гусара, уведомляя о своем прибытии и прося подкрепления.

Граф Павел Сергеевич Потемкин вывел до 150 человек гарнизона и успел вовремя подойти на выручку к Михельсону. Пугачев был в очередной раз разбит и бежал к селу Савинову, а оттуда, переправясь через Казанку, прибыл в село Сухая Река (ныне это микрорайон Казани).

Преследовать его не было никакой возможности: у И. И. Михельсона не оказалось и 30 годных лошадей, и он остался на Арском поле.

День 14 июля прошел без особых тревог. В Казань пришел еще небольшой отряд майора Карла-Густава Меллина.

Между тем при сильном сочувствии крестьянского населения у Пугачева формирование новых сил шло успешно и быстро, так что к 15 июля у самозванца опять было не менее 15 тысяч человек.

Утром он собрал воедино все свои «полки» и пленников и прочитал перед ними манифест, в котором возвещалось, что после торжественного въезда в Казань будет предпринят поход на Москву. Затем он двинулся на Арское поле, намереваясь уничтожить небольшой отряд Михельсона.

И. И. Михельсон смело и энергично атаковал нестройные полчища. Произошло невообразимое смятение, когда отбитые у мятежников пушки начали палить по ним же. Все бросились бежать. Башкиры окончательно бросили Пугачева и ускакали в свои земли. Пугачевцев положено было на месте до двух тысяч, много потонуло в Казанке, и в плен было взято до 5000 человек (в том числе и отставной канонир Иван Белобородов, один из самых близких к Пугачеву людей, носивший у него титул «старшего атамана и фельдмаршала»).

Кроме того, было освобождено до 10 000 казанских пленников обоого пола и всех возрастов. В их числе было до 700 солдат, изъявивших желание возвратиться к своим командирам. Отряд Михельсона тоже понес сравнительно большой урон: он лишился 35 человек убитыми и 121 ранеными.

Для преследования Пугачева послали графа Меллина, но он не смог окончательно добить самозванца.

Лишь уже в сентябре преследователи добрались до Яицкого городка, и туда 17 сентября 1774 года казаки-заговорщики

■ Казнь Емельки Пугачёва в Москве. Литография. 1865

доставили арестованного ими Емельяна Пугачева. И, кстати, генерал-поручик А. В. Суворов (тот самый Суворов!) назначил Меллина командиром конвойной команды, которая доставила Пугачева, его жену Софью и сына Трофима в Симбирск.

Позднее Пугачев, выданный сообщниками властям за 100 тысяч рублей, был доставлен в Москву в железной клетке, осужден и обезглавлен.

А что же Казань?

Положение города и казанцев после нашествия Пугачева было весьма затруднительно.

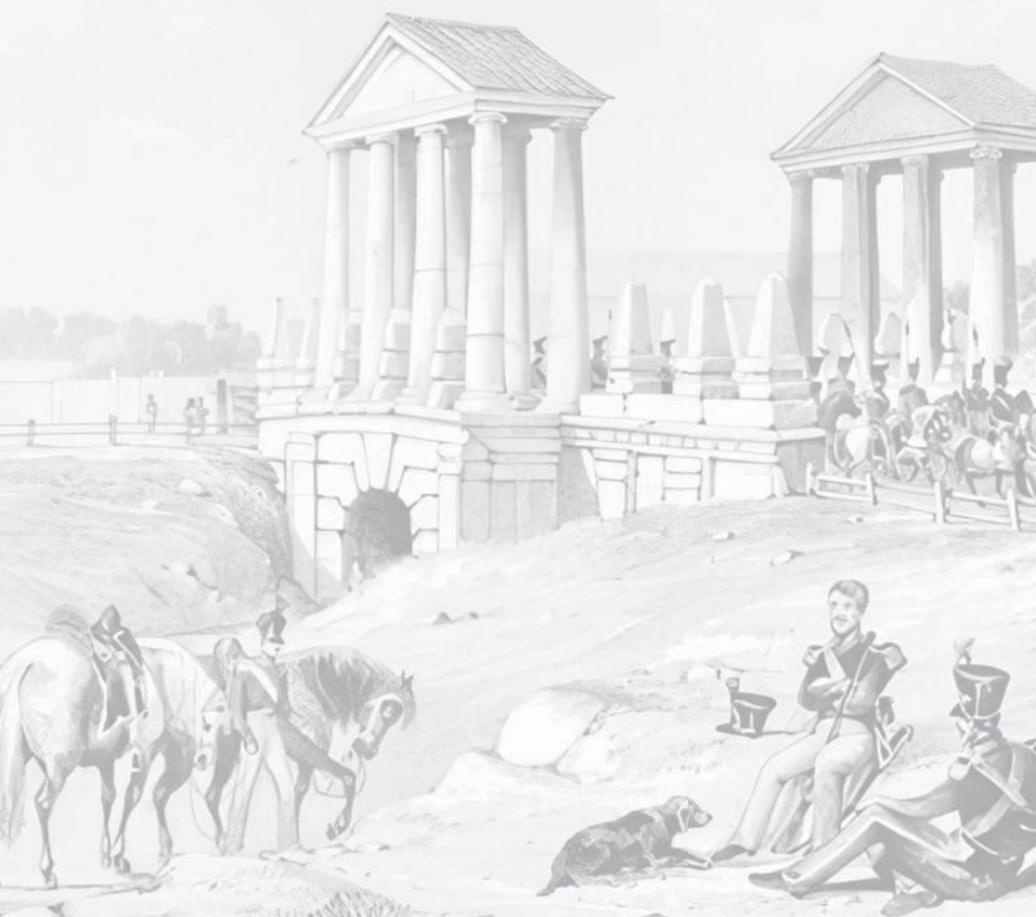
Сгорело до 2200 казенных и частных домов, 777 лавок и 28 церквей; уцелело домов до 800, но это были маленькие избенки в Суконной и Татарской слободах; конечно, не было никакой возможности разместить в них до 25 тысяч бесприютного люда. Начальство не знало, как помочь горю. Жители уже сами наставили на погорелых местах шалашей и клетушек; иные употребили в дело срубы из погребов и колодцев, другие покупали старые деревенские избы; обмазав их глиною, кое-как прожили зиму. Между тем губернатор фон Брандт, потрясенный печальными событиями, вскоре после освобождения Казани умер (3 августа 1774 года). Вместо него назначен был князь Мещерский, управлявший до этого времени Малороссией.

МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ
ПИНЕГИН
российский историк, этнограф
и краевед

Казанский купец И. А. Сухоруков потом вспоминал: «По изгнании Пугачева, граждане жили до осени в погребах, потому что дома их сгорели. Некоторые поместились в Суконной слободе, которой пожар не коснулся».

Это был один из самых мощных и катастрофических пожаров в истории Казани. Фактически выгорел весь город (кроме кремля, татарских слобод и Суконной слободы), и его потом долго восстанавливали.

Глава двенадцатая
ПУШКИН —
ЗНАМЕНИТЫЙ ГОСТЬ
КАЗАНИ

Как известно, Александр Сергеевич Пушкин написал исторический роман «Капитанская дочка», действие которого происходит во время восстания Емельяна Пугачева. Впервые без указания имени автора этот роман был опубликован в журнале «Современник», поступившем в продажу в конце 1836 года. И в этом романе есть такие строки: «Я приехал в Казань, опустошенную и погорелую. По улицам, вместо домов, лежали груды углей и торчали закоптелые стены без крыш и окон. Таков был след, оставленный Пугачевым! Меня привезли в крепость, уцелевшую посреди сгоревшего города».

■ Александр Сергеевич Пушкин. Принт на почтовой открытке. 1880

Отойдя от хронологического принципа написания книги и забегаая вперед, отметим, что, чтобы написать этот роман, Пушкин посетил Казань в сентябре 1833 года. А еще он писал «Историю Пугачева» и решил лично осмотреть места боев, побеседовать с очевидцами событий той крестьянской войны. В принципе, Пушкин был хорошо знаком с имевшимися документальными источниками, но ему необходимы были личные впечатления.

В Казань Александр Сергеевич приехал ночью 5 сентября. Он въезжал со стороны Ягодной слободы (сегодня это Кировский район города), проехал мимо Зилантова монастыря, затем выехал на Большую Проломную улицу (ныне это улица Баумана) и, наконец, поднявшись в гору, подкатил к почтовой станции (угол Театральной и Покровской улиц, ныне за зданием технического университета по улице Карла Маркса).

Приехав в Казань, поэт решил переночевать в гостинице Дворянского собрания, помещавшейся в правом корпусе 3-этажного дома купца И. Ф. Дряблова в Петропавловском переулке. Там Пушкин неожиданно повстречался со своим другом юности — поэтом Евгением Баратынским, который по пути в имение Каймары, находившееся в окрестностях Казани, тоже остановился в этой гостинице. Друзья проговорили практически всю ночь, а потом Пушкин перебрался к Е. А. Баратынскому, точнее, к его тестю — генерал-майору Л. Н. Энгельгардту, дом которого находился на Грузинской улице (ныне это улица Карла Маркса).

Баратынский поспешил известить о приезде Пушкина казанских литераторов, в том числе поэтессу Александру Андреевну Фукс (она большую часть жизни прожила в Казани и участвовала в жизни местного журнала «Заволжский муравей», где издавала свои сочинения), а также ее мужа, профессора медицинского факультета университета.

Со своей стороны, Пушкин, забыв о бессонной ночи, не чувствуя усталости, с неудержимой любознательностью пустился осматривать город. Он понимал, что правдивые сведения о Пугачеве можно получить только у простых людей. На окраине города, в Суконной слободе, тогда находился популярный среди казанских суконщиков «Горлов кабак». Это название закрепилось за питейным заведением потому, что по воскресеньям и праздничным дням там собиралось мно-

■ Николай Каразин. Виселица на Волге. Иллюстрация к «Капитанской дочке». 1899

го рабочих, которые, напившись, орали во все горло песни. Зная о роли суконщиков в пугачевском восстании, Пушкин зашел в этот кабаk, и там, из беседы со старым суконщиком Бабиным, получил много ценных сведений. Но Бабин не был «самоличным» свидетелем взятия пугачевцами Казани: он лишь передал рассказ своих родителей, которые были очевидцами интересовавших поэта событий. Бабин рассказал о взятии Пугачевым Казани в июле 1774 года, о плане пугачевского лагеря, о местах расстановки пушек. Он поведал о разгроме пугачевцев и об отступлении Пугачева в села Савиново, Караваево и Сухая Река, о жестокой расправе правительственных войск над пугачевцами после их поражения.

«Вешали за ребро, сажали на кол. Виселицы стояли лет десять после Пугачева, и петли болтались», — записал Александр Сергеевич слова Бабина. Потом сделанную на двух с половиной страницах, исписанных мелким почерком, запись рассказа Бабина Пушкин использовал в 7-й главе «Истории Пугачева» — при описании осады города пугачевцами 12–15 июля 1774 года.

В той же Суконной слободе поэт «заодно и кстати» осмотрел старое одноэтажное здание суконной фабрики на углу Георгиевской и Мостовой улиц (ныне улицы Миннуллина и Петербургская), а также Шарную Гору (ныне улица Калинина), откуда Емельян Пугачев начал наступление на Казань.

Остаток дня 6 сентября Александр Сергеевич посвятил обработке «по свежим следам» записи своей беседы с сукозником Бабиным, а потом условился проводить Баратынского на следующее утро в Каймары.

Утром 7 сентября провожать Баратынского приехал известный казанский ученый Карл Федорович Фукс, и они встретились с Пушкиным. Позже жена профессора вспоминала со слов мужа, что они «в полчаса успели так хорошо познакомиться, как бы уже долго жили вместе».

Проводив Баратынского и распрощавшись с К. Ф. Фуксом, на дрожках, запряженных тройкой лошадей, Пушкин поехал лично ознакомиться с местами боевых действий. Он проехал от центра города по Грузинской улице, Арскому полю, Сибирскому тракту, где 10 июля 1774 года Пугачев разбил высланный ему навстречу отряд полковника в отставке Н. В. Толстого (Толстова).

Далее дорога привела к Троицкой мельнице. Именно там, на обрыве, с которого была отлично видна вся Казань, находилась главная ставка Емельяна Пугачева. Приехав к деревне Троицкая Нокса, поэт объехал места сражения у селения Царицыно (ныне Советский район города), около которого 12, 13 и 15 июля 1774 года шли упорные бои пугачевцев с регулярными войсками под командованием И. И. Михельсона.

Возвращался Пушкин в город тем же Сибирским трактом. Александр Сергеевич знал, что здесь везли в ссылку и некоторых декабристов — его друзей. В двенадцатом часу дня Пушкин подъехал к кремлю, и на его осмотр ушло примерно полтора часа.

Остаток дня 7 сентября Пушкин провел в доме местного поэта, переводчика и драматурга Эраста Петровича Перцова (улица Профсоюзная, 23), с которым был знаком уже ранее.

Пушкин отобедал вместе с К. Ф. Фуксом и братьями гостеприимного хозяина. От Перцова поэт отправился (примерно в шесть вечера) по приглашению Фукса в его дом на углу бывшей Владимирской. И, кстати, при личном знакомстве с его женой Александрой Андреевной Пушкин сказал вместо приветствия: «Нам не нужно с вами рекомендоваться — музы нас познакомили заочно, а Баратынский — еще более».

Карл Федорович Фукс, будучи замечательным знатоком Казанского края, поведал Пушкину много интересного

о местной истории, о литературе, культуре и быте населения Поволжья. И, конечно же, по просьбе поэта он за чаепитием рассказал ему все, что знал (слышал от старожилы или читал) о взятии пугачевцами Казани. А еще он решил свозить своего любознательного собеседника к местному купцу «чайных дел», миллионеру, владельцу Троицкой мельницы и трех домов, 76-летнему Л. Ф. Крупеникову. Жил тот в просторном двухэтажном каменном особняке напротив университета, на Воскресенской улице (то здание сохранялось до 1976 года). Пушкин живо заинтересовался личностью этого старожилы, ведь тот юношей попал в плен к Пугачеву, правда, всего на одни сутки. Около семи часов вечера Фукс и Пушкин поехали к Крупеникову, однако из почти полуторачасовой беседы с ним поэт не почерпнул ничего сколько-нибудь ценного. Скорее всего, именно поэтому в архиве Пушкина не оказалось даже записи этой беседы. От Крупеникова Пушкин направился снова на квартиру К. Ф. Фукса.

В этот момент Карла Федоровича, известного в городе врача, вызвали к больному, и поэт остался наедине с его женой. Их беседа затянулась часа на два. В десять вечера приехал К. Ф. Фукс с Э. П. Перцовым. За вскоре последовавшим ужином вновь пошел разговор по интересовавшей Пушкина теме.

- Павел Соколов. Маша Миронова и Петр Гринев. Иллюстрация к «Капитанской дочке». XIX век

Только в час ночи Пушкин распрощался с хозяевами, поблагодарив их за радушную встречу и пригласив к себе в Санкт-Петербург.

Вернувшись в гостиницу, он не лег спать, а укладывал вещи, рукописи, книги. Под утро он написал торопливое письмо жене, Наталье Николаевне. В письме он с явным удовлетворением подвел итог своим казанским впечатлениям: «Мой ангел, здравствуй. Я в Казани с пятого, и до сих пор не имел время тебе написать слова. Сейчас еду в Симбирск, где надеюсь найти от тебя письмо. Здесь я возился со стариками современниками моего героя, объезжал окрестности города, осматривал места сражений, расспрашивал, записывал и очень доволен, что не напрасно посетил эту сторону».

Когда поэт перечитывал свое письмо к жене, к нему вдруг вошел Е. А. Баратынский, специально прискакавший из Каймар проститься с отъезжающим другом. При расставании Пушкин подарил ему свой портрет работы художника Жозефа Вивьена в небольшой рамке, сделанной самим поэтом. Этот портрет теперь хранится в Музее А. С. Пушкина.

Всего в Казани Александр Сергеевич пробыл 2 суток и 7 часов. 8 сентября, приблизительно в 06:30 утра, Пушкин выехал из Казани в Симбирск.

Считается, что посещение Казани помогло А. С. Пушкину во многом по-другому взглянуть на факты и события, переосмыслив их. В частности, он смог узнать историю благородного дворянина, подпоручика Михаила Александровича Шванвича, который после пленения восставшими принял присягу на верную службу самозваному «императору Петру Третьему», став атаманом солдатского полка и секретарем «Военной коллегии» пугачевцев. Биография этого человека послужила Пушкину отправной точкой для замысла его «Капитанской дочки». А «История Пугачева» стала необычайно смелым для своего времени произведением, которое заканчивалось следующими словами:

Так кончился мятеж, начатый горстию непослушных казаков, усилившийся по непростительному нерадению начальства и поколебавший государство от Сибири до Москвы и от Кубани до Муромских лесов. Совершенное спокойствие долго еще не водворялось. Панин и Суворов

целый год оставались в усмирённых губерниях, утверждая в них ослабленное правление, возобновляя города и крепости и искоряя последние отрасли пресечённого бунта. В конце 1775 года обнародовано было общее прощение и повелено все дело предать вечному забвению. Екатерина, желая истребить воспоминание об ужасной эпохе, уничтожила древнее название реки, коей берега были первыми свидетелями возмущения. Яицкие казаки переименованы были в уральские, а городок их назвался сим же именем. Но имя страшного бунтовщика гремит еще в краях, где он свирепствовал. Народ живо еще помнит кровавую пору, которую — так выразительно — прозвал он пугачевщиною.

После посещения города связь Пушкина с Казанью не прерывалась. Он вел дружескую переписку с А. А. Фукс. Ей же и казанскому историку М. С. Рыбушкину он прислал экземпляры своего «Пугачева». В личной библиотеке А. С. Пушкина сохранилось 19 книг казанских авторов и тех авторов, кто жил в Казани долгое время. Здесь были произведения Е. А. Баратынского, А. А. Фукс, К. Ф. Фукса, Э. П. Перцова, М. С. Рыбушкина и др.

И в Казани к А. С. Пушкину всегда относились с большим уважением и любовью. Его имя носит одна из центральных улиц города. На ней установлен памятник великому поэту работы скульптора Надежды Константиновны Вентцель.

Здесь ежегодно почитатели лирики Александра Сергеевича собираются 6 июня, в день его рождения, говорят о литературе, возлагают цветы. Здесь звучат стихи, открываются новые поэтические имена. Это ли не лучшая дань памяти потомков писателю, который вот уже более полутора века тому назад нашел в нашем городе и новые краски для своих произведений, и искреннее расположение людей, почитавших за счастье личное общение с ним.

РЕНАТ ХАЙРУЛЛОВИЧ
БИКБУЛАТОВ
российский историк, краевед
и писатель

Глава тринадцатая
КАЗАНСКИЕ
ИСТОРИИ ГАВРИИЛА
РОМАНОВИЧА
ДЕРЖАВИНА

Гавриил Романович Державин, известный русский поэт эпохи Просвещения, был выходцем из Казанской губернии. Родился он в 1743 году в родовом имении Сокуры под Казанью.

Согласно семейному преданию, Державины происходили от одного из татарских, по другим данным — чувашских родов. В своих мемуарах поэт вспоминал, что в 1757 году, в возрасте 12 лет, он был записан ездившей в Москву матерью, Феклой Андреевной, в родовое дворянство, и сделано это было после того, как, за неимением необходимых

- Неизвестный художник. Портрет Гавриила Державина. Гравюра. XIX век

документов, ее дальний родственник, подполковник Иван Иванович Дятлов (двоюродный брат Романа Николаевича Державина) лично засвидетельствовал в герольдии, что их предком был некий Багрим-мурза, выехавший в Москву из Большой Орды «при царе Иване Васильевиче Темном».

Этот самый Багрим-мурза в середине XV века поступил на службу к великому князю Василию Темному и получил при крещении имя Илья.

Окрестил его великий князь в православную веру христианскую да за честную службу земли пожаловал. А уж от Багрима-то произошли Акинфовы, Теглевы, Нарбековы. Один из Нарбековых (начинавший службу в Казани) получил прозвище «Держава». От него и пошел обычай из рода в род держаться казанских мест. Поместья у тех хозяев были недурные — между Волгой и Камой по берегам речки Мёша. Тут-то возьми и родись на свет самый знаменитый потомок Державы.

РЕНАТ ХАЙРУЛЛОВИЧ
БИКБУЛАТОВ
российский историк, краевед
и писатель

Гавриил Романович провел детство в Сокурах. Своего отца, секунд-майора Романа Николаевича, болевшего чахоткой, он лишился в раннем возрасте, после чего семья оказалась в долгах и сильно бедствовала. Систематического образования юноша не получил.

Чтобы обучить детей арифметике и геометрии, этим важнейшим «указным наукам», мать пригласила учителей, но они оказались людьми несведущими. У своих новых казанских наставников Державин научился перечерчивать геометрические фигуры без доказательства теорем, а в арифметике были пройдены только первые четыре действия. В 1757 году, когда

Державину исполнилось тринадцать лет, мать отправилась с ним в Москву.

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ
ЗАПАДОВ
советский и российский
литературовед, писатель

С образованием стало получше лишь после открытия 21 января 1759 года в Казани гимназии под управлением Михаила Ивановича Верёвкина.

Первой была открыта гимназия в Казани — наиболее крупном и значительном городе на юге и юго-востоке России. Новое учебное заведение состояло в ведении Московского университета. Оттуда же прибыл и директор гимназии — Михаил Иванович Верёвкин, человек бойкий и расторопный.

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ
ЗАПАДОВ
советский и российский
литературовед, писатель

Семью Державиных гимназия в Казани устраивала полностью. Гавриила и его младшего брата Андрея записали в ученики вместе с двенадцатью другими мальчиками, преимущественно детьми офицеров.

Первая Казанская мужская гимназия размещалась в двухэтажном каменном доме Кольцова (этот дом не сохранился), и там Державину предстояло постигать азы арифметики, геометрии, музыки, танцев и фехтования. Из языков он отдавал предпочтение латыни, французскому и немецкому. Однако специальных учебников не было, да и количество гимназистов к августу 1759 года дошло до 120 человек.

Несмотря на все возрастающую конкуренцию, Державин неизменно числился в ряду первых учеников. Имя

юного Державина красовалось в десятке лучших «за прилежность, успехи и доброе поведение» и было отмечено в газете «Московские ведомости» (1759).

РЕНАТ ХАЙРУЛЛОВИЧ
БИКБУЛАТОВ
российский историк, краевед
и писатель

Как известно, ежегодно 25 апреля отмечалось как день коронации императрицы Елизаветы Петровны. По этому случаю в 1760 году в Казани, в губернаторском доме, состоялись торжества. Гимназистам была поручена ответственная миссия — играть на высоком празднестве комедию Мольера «Школа мужей». Вот как описывал потом это событие М. И. Верёвкин: «Театр, ей-богу, такой, что желать лучше не можно: партер, обитый красною каразею*, в 12-ти лавках состоявший, поместил в себе четыреста человек; а в парадизе такая теснота...» После комедии были даны ужин и бал. В загородный дом губернатора на Арском поле были приглашены 270 гостей. В честь праздника устроили фейерверк, а почетная роль фейерверкера досталась на этот раз самому Державину.

Чем дальше, тем ярче выделялся из толпы соучеников Гавриил Державин. По просьбе Верёвкина он рисует план города Чебоксары, а позже составляет описание развалин столицы древней Булгарии. В это время Державин увлекается сочинениями Ломоносова и Сумарокова, зачитывается переводами «Телемака», «Аргениды» и «Маркиза Глаголя». По признаниям самого Державина, именно чтение пробуждает в нем желание «марать стихи».

РЕНАТ ХАЙРУЛЛОВИЧ
БИКБУЛАТОВ
российский историк, краевед
и писатель

* Каразея — грубая шерстяная ткань неплотной фактуры, известная с XIII века.

Это удивительно, но свои первые опыты стихосложения Державин предпочитал уничтожать, не желая выносить их на суд даже самых близких друзей. А еще за время учебы в гимназии Гавриил Державин открыл в себе способность к рисованию — его геометрические чертежи и карты Казанской губернии, нарисованные пером, обратили на себя внимание директора гимназии М. И. Верёвкина. Тот отвез державинские рисунки в Санкт-Петербург графу И. И. Шувалову (основателю Академии художеств). Иван Иванович был приятно удивлен работой талантливого гимназиста и поспешил зачислить Державина в Инженерный корпус.

Вступивший на престол Петр III потребовал возвращения в полки всех отпускных дворян: готовился поход в Данию, еще продолжалась Семилетняя война. В начале февраля Державин оформил свое отчисление из казанской гимназии, курс которой ему окончить так и не удалось. Впоследствии, оценивая годы своего учения, Державин писал: «Недостаток мой исповедую в том, что я был воспитан в то время и в тех пределах империи, когда и куда не проникало еще в полной мере просвещение наук не только на умы народа, но и на то состояние, к которому принадлежу. Нас научали тогда: вере — без катехизиса, языкам — без грамматики, числам и измерению — без доказательств, музыке — без нот и тому подобное. Книг, кроме духовных, почти не читали, откуда бы можно было почерпнуть глубокие обширные сведения».

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ
ЗАПАДОВ
советский и российский
литературовед, писатель

А в начале 1762 года Державин получил требование из Санкт-Петербурга вместо Инженерного корпуса немедленно явиться в Преображенский полк. Так в 19 лет он отправился в столицу и стал солдатом Преображенского полка. Впрочем, не просто солдатом, а гвардейцем знаменитого полка,

■ Жан-Луи Жакотте. Вид Казани. Гравюра. XIX век

в составе которого ему довелось принять участие в государственном перевороте 28 июня 1762 года, в результате которого на престол вступила Екатерина II.

Не имея достаточной протекции, он дослужился до чина подпоручика лишь в 1772 году. А потом лично участвовал в подавлении восстания Емельяна Пугачева.

Позднее он стал сенатором и министром юстиции Российской империи, но нас в контексте данной книги интересует период его жизни, связанный с Казанью.

Во время восстания Пугачева Державин вел делопроизводство при штабе командующего войсками, генерала А. И. Бибикова. Также он занимался организацией дворянского ополчения, руководил агентурными мероприятиями (например, посылкой лазутчиков), лично участвовал в составлении поименного списка мятежников. Вдобавок ко всему, он хорошо знал театр военных действий, поскольку родился и вырос в тех местах, и материалы (четыре толстые тетради), весьма точно составленные Державиным, потом были использованы А. С. Пушкиным при работе над «Историей Пугачева» и «Капитанской дочкой».

Рассмотрим деятельность Державина более подробно.

В самом конце ноября 1773 года генерал-аншефу А. И. Бибикову императрицей были даны самые широкие полномо-

чия в целях подавления восстания Пугачева. В частности, новому командующему было поручено проведение следствия в отношении мятежников, которое возлагалось на Секретную (следственную) комиссию, располагавшуюся в Казани. В состав комиссии Александр Ильич имел право взять двух гвардейских офицеров.

Державин, узнав об открывшейся возможности проявить себя на службе, без всякого знакомства и протекции явился к генерал-аншефу и смог, не без труда, добиться назначения в комиссию. Еще в Петербурге, до отъезда в Казань, Державину становится известно о замысле некоторых солдат Владимирского гренадерского полка при первом удобном случае сдать бунтовщикам. Об этом незамедлительно было доложено Бибикову, а сведения о злоумышленниках впоследствии нашли свое подтверждение.

МИХАИЛ БОРИСОВИЧ
АВЕРИН
российский юрист

Прибыв в Казань, Державин начал собирать информацию от приезжих крестьян о настроениях окрестного населения и о передвижениях бунтовщиков.

В конце декабря 1773 года Державин получил задание от Бибикова отправиться в Самару для проведения следствия и контроля за состоянием войск. После освобождения города от бунтовщиков необходимо было выявить всех виновных в его сдаче и отправить их в Казань, а менее значительных пособников просто наказать плетьюми.

В своем докладе от 5 января 1774 года Державин сообщил генералу Бибикову, что войска находятся в хорошем состоянии, офицеры добросовестно выполняют свои обязанности, а от местных властей получен список пособников, включая священнослужителей. Державин предложил отправить в Казань наиболее активных бунтовщиков, поскольку, по его мнению, их наказание только плетьюми перед жителями Самары было недостаточным.

■ Неизвестный художник. Портрет Гавриила Державина. 1860-е

Распоряжения Державина были одобрены генералом Бибиковым, и вскоре он уже принимал участие в походе на Алексеевскую крепость, где для устрашения местного населения приказал наказывать плетьюми оставных гвардейских солдат, поддержавших бунтовщиков. Вернувшись в Самару, Державин активно работал, продолжая следственные действия и составляя алфавитный список главных сообщников Пугачева, а также готовя отчет о мерах правительственных сил по подавлению бунта.

Державин, проявляя инициативу и активность, завоевал расположение А. И. Бибикова и активно участвовал в работе Секретной комиссии. Однако смерть генерал-аншефа Бибикова в апреле 1774 года и назначение графа П. И. Панина на пост главнокомандующего усложнили его положение. Зато он сблизился с генерал-поручиком князем П. М. Голицыным

и новым главой Секретной комиссии графом П. С. Потемкиным.

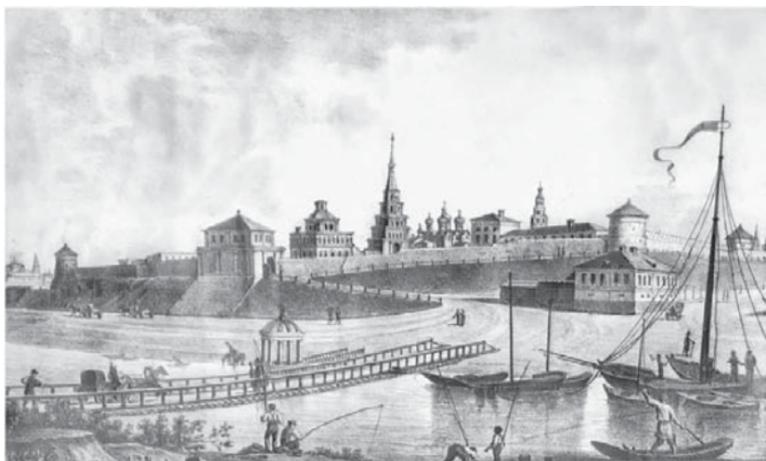
Стечение обстоятельств сделало графа Панина могущественным врагом Державина. Что же произошло? Граф П. С. Потемкин любил Державина, а императрица, поручив Панину усмирение мятежа, не подчинила ему Потемкина, который продолжал по-прежнему посылать свои донесения прямо ей. Это «поселило неудовольствие» между двумя генералами. При этом граф Панин не мог не знать об отношении Потемкина к Державину. Соответственно, «неудовольствие» распространилось и на Гавриила Романовича.

Державин был сторонником самых суровых мер. По его словам, настроение населения было в неопределенном состоянии, и он не мог гарантировать верность жителей в случае появления повстанцев. Он так и писал: «Нет надежды никак за верность жителей поручиться. По народным слухам вижу, что всякий ждет уповаемого им Петра Федоровича [т. е. Пугачева. — *Авт.*]». Державин полагал, что милосердие более неэффективно и требуются жесткие меры, такие как, например, применение смертной казни на месте для устрашения народа. Отмечая, что Саратов не готов к обороне, он предложил ряд решительных мер для его укрепления, но его предложения не получили должной поддержки со стороны местных властей.

В своих донесениях Державин постоянно поднимал тему злодеяний бунтовщиков.

Конечно, потери восставших, включая привлеченных к уголовной ответственности, были велики, но только по неполным данным участниками восстания было убито около 1600 дворян, членов их семей, 237 священников и 1037 офицеров и чиновников. И правительство, как видим, принимает все возможные меры, направленные на умиротворение восставших территорий.

МИХАИЛ БОРИСОВИЧ
АВЕРИН
российский юрист

■ Вид Казанского кремля. Литография. XIX век

Державин, по сути, действовал в рамках полученных указаний. В письме от 4 июня 1774 года казанскому губернатору Якову Ларионовичу фон Брандту он отметил, что для восстановления порядка в регионе не требуется много, но «надобно остановить грабительство или, чтобы сказать яснее, беспрестанное взяточничество, которое совершенно истощает людей». Он писал: «Лихоимство производит в жителях наиболее ропота, потому что всякий, кто имеет с ними дело, грабит их. Это делает легковерную и неразумную чернь недовольною и, если смею говорить откровенно, это более поддерживает язву, которая свирепствует в нашем отечестве». Далее Державин заверял, что по поручению фон Брандта готов войти по данному поводу с рапортом «куда следует».

Кроме того, он предпринял попытку отправить к восставшим крепостного крестьянина Быликина, которому выделил 70 рублей, с целью убить Пугачева. Не получилось. Но зато его наибольшим достижением стала организация военной экспедиции и командование ей, состоящей из 600 человек местного ополчения, 25 гусар и двух офицеров. Экспедиция была направлена против казахов (киргиз-кайсаков), которые захватили множество пленников, в основном немецких колонистов. В своем рапорте князю П. М. Голицину от 5 сентября 1774 года Державин

сообщил, что в результате экспедиции было освобождено 811 колонистов и 20 малороссиян.

Эту операцию отметил сам А. В. Суворов, приславший Державину соответствующий ордер. Вот он:

О усердии к службе ее Императорского Величества вашего благородия я уже много известен; тоже и о последнем от вас разбитии киргизцев, как и о послании партии для преследования разбойника Емельки Пугачева от Карамана; по возможности и способности ожидаю от вашего благородия о пребывании, подвигах и успехах ваших частых уведомлений. Я ныне при деташаменте графа Меллина следую к Узеням на речке Таргуне. <...> Деташамент полковника Михельсона за мною сутках в двух. Иду за реченным Емелькою, поспешно прорезывая степь. Иргиз важен, но как тут следует от Сосновки его сиятельство князь Голицын, то от Узеней не учиню ли или прикажу учинить подвиг к Яицкому городку.

*Александр Суворов
10 сентября 1774 года*

А 9 сентября А. В. Суворов был на реке Еруслане и в рапорте, посланном оттуда к графу Панину, два раза упомянул о Державине. «Поручик лейб-гвардии Державин, — писал Суворов главнокомандующему, — при реке Карамане киргизцев разбил». Сам же Державин, писал он далее, «оставясь отрядил 120 человек преследовать видимых людей на Карамане до Иргиза».

Таким образом, Державин «добрую славу приобрел», и это стало весомым аргументом в его долгой борьбе за милости от императрицы: после длительных усилий, в феврале 1777 года он получил 300 душ в Белоруссии и гражданский чин коллежского советника, что тогда соответствовало чину армейского полковника.

Державин, работая в Секретной комиссии в период подавления восстания Пугачева, занимался крайне

широким кругом вопросов в рамках следственно-судебной и полицейской деятельности, а также принимал непосредственное участие в военных операциях. Отличительными чертами действий Гавриила Романовича были инициативность, энергичность, планирование и подробные инструктирование и регламентация действий подчиненных, что само по себе было выдающимся явлением. Хотя, конечно, служебное положение Державина и обстоятельства предопределили его скромную роль в общих усилиях, направленных на подавление восстания. Отдельно следует отметить активную агитационную работу с населением, которая, следует признать, сопровождалась и жестокими карательными мерами.

МИХАИЛ БОРИСОВИЧ
АВЕРИН
российский юрист

При этом важно отметить, что, действуя в рамках данных ему наставлений и энергично выполняя возложенные на него обязанности, Гавриил Романович прекрасно осознавал и доносил властям о том, что одной из главных причин недовольства населения являются злоупотребления чиновников на всех уровнях. И именно в этом Державин видел основной порок родного Отечества.

Озабоченный, как ему казалось, спасением государства от угрозы уничтожения со стороны повстанцев, Державин не видел несправедливости своих действий по отношению к угнетенному царизмом народу и не побоялся представить все сделанное им на суд потомков. «Прадедовские нравы» — так назвал Н. Г. Чернышевский статью, посвященную «Запискам» Державина. По уровню развития, по мировоззрению Державин не мог подняться над веком, как это сделал Радищев, гениально понявший смысл крестьянской войны и выступивший с принципиальными теоретическими выводами о праве народа на

восстание. Но ведь на это в XVIII веке решился только один Радищев...

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ
ЗАПАДОВ
советский и российский
литературовед, писатель

С 1784 года Г. Р. Державин занимал высокие государственные посты в России; именно в это время он стал еще и признанным поэтом. В 1803 году Державин подал в отставку. Последние годы он провел в далеком имении Званка Олонецкой губернии, где продолжал писать стихи. Там он и умер 8 июля 1816 года.

Что же касается Казани, то она не забывала Державина никогда. 27 сентября 1816 года на заседании Казанского общества любителей отечественной словесности (почетным членом которого являлся в свое время Гавриил Романович) было решено воздвигнуть памятник поэту. В мае 1845 года проект памятника, созданный академиком архитектуры К. А. Тоном, а также проекты статуи и барельефов, автором которых явился академик С. И. Гальберг (из-за кончины Гальберга работы над статуей и барельефами завершали его ученики — скульпторы Н. А. Ромазанов и К. М. Климченко), были утверждены. По личному указанию императора Николая I бронзовый «Державин» был установлен в Казани в университетском городке. Торжественное открытие памятника состоялось 23 августа 1847 года.

Впрочем, гостить в университетском городке «Державину» пришлось недолго: в 1870 году он был перенесен на Театральную площадь. А весной 1871 года вокруг памятника был разбит сквер, который со временем превратился в Державинский сад.

К сожалению, в 1931 году памятник Державину был снесен с пьедестала и отправлен на переплавку. Его потом использовали для изготовления бронзовых втулок трамвайных колес.

Этот варварский акт казанский писатель А. Х. Мушинский описал в своем романе «Шейх и звездочет» следующим образом:

Николай дошел до Державинской аптеки (называли ее так потому, что она располагалась напротив Державинского садика), но войти в высокие с витыми ручками двери — не вошел: внимание привлек гул голосов, какое-то волнение-столпотворение возле памятника Державину. Стайка мальчишек перемахнула через невысокую чугунную решетку и исчезла в кустах, за которыми определенно что-то происходило. И незаурядное. Николай позабыл о головной боли, шагнул со ступенек аптеки...

У входа, с тыльной стороны сада, дорогу ему преградила втекающая в воротики колонна пионеров с отчаянными барабанщиками во главе. Пришлось обождать. Пришлось пропустить еще с десяток горячих, нетерпеливых голов. Люди весело переговаривались о каком-то предстоящем у памятника событии, о котором они хорошо знали, а он нет.

Народ, как и определил Николай еще у аптеки, собрался вокруг Державина. На постаменте памятника, зацепившись за бронзовую лиру поэта, раскаленно излагал свои мысли оратор в кургузом пиджачке нараспашку. Лицо его от напряжения покраснело, шея орлефилась жилами, точно сгустки слов шли не горлом, а непосредственно по ним.

О чем он вещал? До Новикова смысл его слов дошел не сразу. А когда он понял, о чем речь, то не поверил ушам своим, у него внутри все похолодело.

Оратор, взявшись поудобнее за скульптуру, уже не за лиру, а за руку поэта, кричал:

— Сколько можно терпеть в центре нашего города памятник вельможе и мурзе! Здесь место памяти народному вождю Емельяну Пугачеву, а не царскому прихвостню. Расселся!

Толпа ободряюще загудела, зашевелилась.

— Неча ему тут. За Пугачевым гонялся, море люда поставшего, алкая выслужиться, казнил.

— О-до-пи-сец!

— Чего горло драть, сдернуть!

— Сейчас трактор подойдет!

— А можа, за трамвай зацепим?

— Каку еще техническу силу ждять? Мы сами сила. Живая! — махнул кулаком оратор. — Чать, свалим, поднатужившись. Он, сколько нас! А-а?

— Сва-а-алим.

Словно заранее приготовленный, появился пароходный канат. Еще один, еще моток...

Трещали барабаны, звенели горны. Безучастным ко всему происходящему оставалось одно лицо. Неподвижное, величественное. Оно смотрело поверх голов собравшихся вокруг людей куда-то в бесконечную даль веков, и солнце играло на его бронзовом челе.

Николай закрыл глаза, встряхнул головой, будто от дурного сна хотел избавиться, но спасительная, ставящая все на свои законные места явь не явилась.

А рядышком — вот же он, страж законности! — как ни в чем не бывало в белоснежной гимнастерке милиционер.

— Товарищ постовой! — Николай схватил милиционера за рукав. — Что ж вы смотрите?

Тот недовольно отстранился:

— Гулял б ты отсюдова, студент!

Почему-то милиционер назвал его студентом...

— Как — гулял? Ведь памятник свергают, народное достояние!

— Народ свергает, наро-о-од, понял?

Два каната туго перехватили памятник крест-накрест через грудь, третий затянулся на шее. Последние примерки-прикидки сделал оратор в кургузом пиджачке и соскочил с пьедестала.

— Взяли!

— Раз-два, — подхватили в толпе.

— И-их, дубинушка, ухнем! — выкрикнул кто-то.

Три людских роя облепили три каната, натянули его до скрипа на бронзовом теле изваяния, до струнной, стальной упругости.

— Одумайтесь, что вы делаете? Люди! — Не понимая происходящего, негодуя на умом непостижимую нелепость развернувшегося на глазах действия, Николай бросился к срединной куче народа, которая заарканила бронзового поэта за шею. — Стойте! Это ж в-великий р-российский поэт, это ж отец всех поэтов наших, земляк наш! И вы, боже ж мой, не

его рушите, а историю, историю ломаете! — Николай взмахнул портфельчиком и врезался в стену по-бурлацки надежно упершейся ногами-распорками в землю толпы. — Товарищи...

Встречный нокаутирующий удар откинул его к подножию постамента.

Это оратор изловчился. Со словами:

— Защитнички объявились, радетели екатеринского холуя, твою мать! — И двинул кулаком снизу вверх, срезал длинного и неуклюжего. — Вот, когда вся шушера выползает. На изломе, на изломе...

Откуда собрались в поверженном, сухом теле силы, но Николай встал и опять двинулся на живую стену, пронизанную пароходным канатом.

Несколько человек крикнули наперебой из толпы: «Куда милиция смотрит!» И тот самый милиционер в белой гимнастерке, который ничего дурного окрест себя не видел, когда к нему обращался Николай, и мгновенно прозревший, когда к нему обратились массы, схватил нарушителя порядка и повлек из садика. Тут же подоспел еще один в белоснежной гимнастерке. В глазах рябило, Николай плохо соображал, что произошло, куда его ведут, с какой целью. Сияло солнце, на небе ни облачка. А за спиной нарастал прибором гвалт. В апогее многоголосого дружного рева раздался подобный стону скрежет, за которым последовал страшный грохот. Так врезается металл в камень, так падает что-то очень большое и тяжелое.

Николай больше ничего не помнил.

7 июня 1931 года газета «Красная Татария» написала: «Советское правительство низложило Державина с литературного трона и швырнуло последнего дворянина Казани с пьедестала на мостовую. Первым борцом за пролетарскую Казань был Емельян Пугачев. На месте памятника Державину нужно поставить памятник Пугачеву, первому борцу за пролетарскую Казань».

Памятник Державину заменили гипсовым изображением Емельяна Пугачева, а Державинский сад переименовали в Пугачевский.

В настоящее время в Национальном музее Республики Татарстан можно увидеть личные вещи Г. Р. Державина:

письменный стол, чернильницу и кресло, золотые карманные часы (эти ценные экспонаты были подарены Казанскому университету родственниками поэта в 1845 году).

А 3 декабря 2003 года в Казани был воссоздан памятник Г. Р. Державину, который установлен у входа в Лядской сад со стороны улицы Горького.

На открытии памятника Державину президент Татарстана М. Ш. Шаймиев сказал:

— После долгих лет Гавриил Державин вернулся в родные края и занял свое достойное место... Наконец-то, в год 260-летия нашего великого земляка, город увидел возрожденный памятник. Наши архитекторы сделали великое дело — сумели повторить то, что в свое время было под силу только великим Тону и Гальбергу.

Глава четырнадцатая
ИМПЕРАТОР ПАВЕЛ I
В КАЗАНИ

В ноябре 1796 года Екатерину II на троне сменил ее сын Павел Петрович, ставший императором Павлом I. Человек этот вошел в историю России с довольно неоднозначной коннотацией. Он и «жестокий тиран», и «солдафон с немецкой закваской», и «уродец, увлеченный муштрой»...

С другой стороны, в последнее время отношение к личности и деятельности императора Павла I изменилось.

Оказывается, еще современники отмечали высокие душевные качества Павла I. Солдаты его любили и называли своим отцом. Павел I обладал феноменальной памятью, свободно изъяснялся на нескольких европейских языках. Довольно ярко были выражены и художественные склонности юного князя: Павел I обожал театр и понимал толк в живописи. Вскоре после восшествия Павла I на престол были отменены чрезвычайный рекрутский набор по 10 человек с тысячи, хлебная подать, крайне разорительная для крестьян. Затем вышел запрет на продажу крестьян без земли.

РЕНАТ ХАЙРУЛЛОВИЧ
БИКБУЛАТОВ
российский историк, краевед
и писатель

А главное — как оказалось, Павел I пресекал злоупотребления во всех областях управления. И, кстати, именно с этой целью в мае 1798 года он со своими сыновьями Александром и Константином совершил большую поездку

■ Питер Эдвард Стролинг. Портрет Павла Петровича. 1790-е

по России: через Новгород и Тверь — в Москву, оттуда — в Нижний Новгород, Казань, Ярославль, Тихвин, Новую Ладугу и Шлиссельбург.

Павел I отправился в Казань с целью осмотра войск Оренбургской военной инспекции, которые были стянуты из Оренбургской, Казанской, Уфимской и Пермской губерний.

Император провел в Казани целую неделю, сопровождаемый большой свитой, для которой на станциях выделяли по 400 лошадей. 24 мая, прибыв в Свяжск, последнюю остановку перед Казанью, Павел I в тот же день отправился в Казань на катере, подготовленном Казанским адмиралтейством.

Вечером катер вошел в Казанку, где у Тайницкой башни кремля была устроена специальная пристань, привлекая большое количество зрителей. Однако катер сел на мель, и высокие особы были вынуждены пересесть в лодку простого лодочника. Когда казанский военный губернатор Борис (Мориц) Петрович де Ласси вручил императору рапорт, он пал на колени, и толпа последовала его примеру.

Въехав в кремль через Спасские ворота, император под звуки колокольного звона направился к Благовещенскому кафедральному собору, где приложился к святыням, а затем отправился в свою квартиру, которая оказалась совершенно неподходящей для царствующей особы. Это был дом генерал-майора Алексея Петровича Лецкого, находившийся на краю Арского поля, на выезде из города. Историк и краевед Н. П. Загоскин описал его следующим образом: «Неказистый, старенький, приземистый, деревянный одноэтажный флигель в пять окон по улице». До настоящего времени дом не сохранился: в 1940 году на его месте был построен жилой дом, стоящий и поныне на улице Горького под № 17.

Н. П. Загоскин подробно описал, как проводил время Павел I в Казани.

25 мая, на второй день пребывания, он утром принимал делегации, а вечером присутствовал на торжественном мероприятии в Дворянском собрании в свою честь.

26 мая император провел инспекцию войск, а вечером был приглашен на бал, организованный в его честь в доме бывшего Казанского генерал-губернатора и правителя Казанского наместничества С. М. Баратаева. На этом балу присутствовали мусульманский муфтий, высшая мусульманская знать и купечество, а императору представляли казанских татарок и купеческих жен и дочерей. На балу выступал хор певчих и играл оркестр помещика Павла Петровича Есипова. Его величество «изволил быть весел и три раза танцевал». И его старший сын Александр тоже много танцевал, а вот Константин «быть не изволил». За представление государь пожаловал владельцу труппы П. П. Есипову поясную бриллиантовую пряжку.

С 27 по 29 мая Павел I присутствовал на военных учениях, где отметил удачную стрельбу («экзерцию с пальбою») Уфимского полка и разгневался на плохую стрельбу Рыльского полка. После окончания маневров Павел I пожаловал орден Святой Анны 2-й степени полковнику А. Ф. Ланжерону, а командиру Уфимского полка Л. Н. Энгельгардту — шпагу с Аннинским крестом.

Как сообщает Н. П. Загоскин, в течение трех вечеров, пока император находился в Казани, у дома, где он остановился, проходили народные гулянья в садах. На эти меропри-

■ Орден Святой Анны 2-й степени

ятия приглашались представители дворянства, купечества и местных мусульман по специальным повесткам от двора. Во время последнего гулянья император принял от городского головы Осипа Семеновича Петрова и представителей купеческого общества подарки, среди которых были изделия местной промышленности, такие как мыло и козлы черного и алого цвета.

30 мая, в утренние часы своего последнего дня в Казани, Павел I участвовал в закладке собора Казанского Богородицкого монастыря, лично положив первый камень в основание будущего храма.

После завершения торжественной церемонии император был благословлен иконой Казанской Божьей Матери, а затем, вместе с сыновьями и свитой, он направился к берегу Волги, где их уже ждал катер. На этом катере «высокие гости» переправились в село Верхний Услон, откуда продолжили путь в Санкт-Петербург по суше. Жители Верхнего Услона торжественно встретили императора и его сыновей, преподнеся им большого живого осетра в специально подготовленном корыте.

Уезжая из Казани, Павел I, которого поэт Г. Р. Державин назвал «благодатным», «соизволил пожаловать» 200 000 рублей

из губернских доходов на строительство нового Гостиного двора с рассрочкой на десять лет без процентов. Император также передал городу мельницу на Казанке и баню в устье Булака, распорядился о выделении значительных участков земли, леса и лугов для города, пожертвовал 10 000 рублей на строительство новых лазаретов и предоставил обширный губернаторский дом на Воскресенской (ныне Кремлевской) улице для размещения гимназии. Плюс он выделил 25 000 рублей на строительство нового собора Казанского Богородицкого монастыря и разрешил местному помещику Есипову открыть в Казани публичный театр.

Павел I не забыл сделать подарки местным дворянам и купцам. В частности, дворянину П. Л. Молоствову от его величества из Нижнего была прислана с почтой золотая табакерка, а купцу Евреинову был передан перстень с аквама-рином, осыпанный бриллиантами. Городской голова купец второй гильдии О. С. Петров был пожалован шпагой. К этому прилагался рескрипт следующего содержания: «Города Казани г-н голова Петров. В изъявление монаршего Нашего к вам благоволения за усердие и рачительное исполнение должности вашей всемилостивейше жалуем Мы вас шпа-гою, которую при сем препровождая повелеваем вам носить в знак отличия, вам от Нас данного».

Кроме этого, Павел I передал в ведение университе-та библиотеку князя Потемкина (ныне в составе Науч-ной библиотеки Н. И. Лобачевского Казанского государ-ственного университета). Полагают также, что Павел I подал идею о переводе из Петербурга в Казань части Азиатской типографии сената, что стало основой для на-чала книгопечатания в Волжско-Камском регионе.

РЕНАТ ХАЙРУЛЛОВИЧ
БИКБУЛАТОВ
российский историк, краевед
и писатель

Глава пятнадцатая
КАЗАНСКИЙ КРЕМЛЬ
И СПАССКАЯ БАШНЯ

Казанский кремль в 2000 году получил статус объекта всемирного наследия, то есть вошел в список самых значимых культурных центров мира.

Кремль стоит на высоком холме, отделявшемся от города еще в начале XIX века оврагом.

Современный Казанский Кремль в своем плане повторяет конфигурацию и местоположение деревянных и каменных укреплений болгаро-татарского времени, что подтверждается и локализацией основных башен крепости по источникам второй половины XVI века.

АЙРАТ ГАБИТОВИЧ

СИТДИКОВ

российский археолог

и историк

При татарах деревянные стены окружали кремль с трех сторон, а при взятии города стены были или взорваны, или сожжены.

Царь Иван Грозный приказал отремонтировать (поправить) стены. Но частые нападения на русскую Казань заставили его укрепить город гораздо более серьезно. Царь отдал приказ, чтобы весной 1555 года псковские зодчие Постник Яковлев и Иван Ширяй «со товарищи» (всего 200 человек) отправились в Казань «камень ломати и в Казани новый град камен делати».

■ Эдвард Турнерелли. Казанский кремль. Гравюра. 1839

Кремль основан после взятия Казани; прежние деревянные стены уничтожены во время осады.

ЛЕОНИД БОРИСОВИЧ
ВЕЙНБЕРГ
российский историк
и краевед

Псковичи Постник Яковлев и Иван (Ивашка) Ширяй — предположительно, это те самые Постник и Барма, что строили храм Василия Блаженного в Москве. Тут, кстати, царит полная неразбериха, ибо одни исследователи говорят, что строителями Казанского кремля были Постник Яковлев и Барма, другие утверждают, что Постник Яковлев — это и есть Барма, а третьи — будто Постник — это одно лицо, Яковлев — второе, Барма — третье, а Ширяй и не Иван вовсе.

Как бы то ни было, Постник, Барма и их люди накололи на нагорном берегу Волги известняка и построили из него часть стены длиной примерно в 600 метров: передний фас

крепости, Спасские ворота, затем на северо-восток до поворота стены к востоку и часть северо-западной стены до заложённых теперь ворот в Спасо-Преображенском монастыре против паперти церкви Киприана и Устинии. Остальная стена длиной примерно в 1200 метров была сооружена вновь из дубовых срубов. Неизвестно, когда ее заменили каменной стеной, но это точно было позже передней части Кремля — об этом ясно говорит совершенно другой материал постройки.

Строительство каменного Кремля, начатое Иваном Грозным, завершается к 1590-м годам его сыном: «...лета 7402 (1594 г.) повелением благочестивого царя и великого князя Федора Ивановича всея Руссии зделан град камен в Казани». Укрепления, как и ранее, возводились из камня, который традиционно добывался с правого волжского берега у Верхнего Услона и Печищ.

АЙРАТ ГАБИТОВИЧ
СИТДИКОВ
российский археолог
и историк

Крепость была значительно расширена, шесть башен из тринадцати построили из камня (пять были проездными), но в XVI веке удалось лишь на треть заменить деревянные стены каменными. И только позднее, в начале XVII века, произошла окончательная замена деревянных оборонительных сооружений Казанского кремля на каменные.

Наверху стены была поставлена тонкая стенка, заменявшая старинные частоколы на городском валу. Эта стенка в XVI веке делалась выше человеческого роста. В стенке были проделаны бойницы с крутым откосом внизу, чтобы удобнее было наблюдать за противником и отражать наступающих, которых обливали расплавленным варом или смолой, поражали пулями, осыпали камнями и стрелами.

■ Андре Дюран. Крепость со стороны Казанки.
Литография. 1890-е

Для повышения обороноспособности по углам стен возводились башни, которые также располагались и в середине длинных сторон крепостной стены. Нижние этажи этих башен использовались для хранения запасов продовольствия, оружия и военных материалов. На следующих этажах были установлены защитные сооружения, такие как бойницы и амбразуры для пушек. Верхняя площадка была защищена парапетом и служила местом размещения вооружения башни. С нее велось наблюдение за передвижениями противника, чтобы вовремя отправить войска на те участки стены, которые могли подвергнуться атаке. Отсюда же наносилось поражение тем, кто сумел взобраться на стену.

Северная часть стены была построена без парапета, но зато она имела что-то типа бруствера и эскарпа (крутого внутреннего откоса рва), которые появились во времена императора Петра I.

Кремль расположен на высоком холме, еще в начале текущего столетия отделявшемся от города овра-

гом; окружность стен 735 саженей, по углам уцелело только 5 малых башен. Стены Кремля много пострадали во время разорения Казани Пугачевым; его пушки особенно значительно повредили Спасскую башню; разрушенные части были впоследствии подновлены, причем некоторые из старинных ворот уничтожены; остались лишь ворота Спасские, Тайницкие и Пятницкие. Внутри Кремля сохранилось много памятников древности: Спасская башня с церковью Нерукотворенного образа, Спасо-Преображенский монастырь, сооруженная, по преданию, в самый день взятия Казани (однодневная) церковь Киприана и Устинии, Благовещенский кафедральный собор, башня Сююмбике — единственный остаток от времени татарского царства.

ЛЕОНИД БОРИСОВИЧ
ВЕЙНБЕРГ
российский историк
и краевед

■ Спасская башня и часовня. XIX век

Спасская башня, являющаяся главной проездной башней кремля, была построена во времена царя Ивана Грозного. По материалам, из которых она возведена, можно сделать вывод, что строительство башни совпадает с возведением каменной кремлевской стены, начатой в 1555 году. Таким образом, башня старше каменного кафедрального собора, который был построен в 1562 году, а также Спасо-Преображенского монастыря, возведение которого относится к 1596 году. Признаком того, что Спасская башня относится к XVI веку, является отсутствие в ее архитектуре всевозможных затейливых украшений: валиков с гранями, колонок и полукколонок, полукружий с фризами, а также орнаментов, встречающихся в большом количестве на постройках XVII века. Мастера из Пскова, видимо, уделяли больше внимания прочности конструкции, что сделало их работу несколько грубой и аляповатой, без особой смелости в исполнении. Своды внутри башни имеют полую форму, а стены оштукатурены простой обмазкой из свежегашеной извести.

Во всей постройке башни видна гармония и та красота, которой обладают наши древние постройки. Верхняя часть здания состоит из поставленной на платформе башенки, которая напоминает несколько донжоны в укрепленных замках Западной Европы XIV и XV вв., но имеет от них и существенное отличие, благодаря чисто церковному характеру постройки: сквозные арки и даже прорезные окна на крыше для прохода звука от колоколов. Башня заканчивается как бы шатром; подобные же верхи имеют современные казанской кремлевские башни в Москве и колокольни некоторых храмов, относящихся по постройке к середине XVI века.

МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ
ПИНЕГИН
российский историк, этнограф
и краевед

Спасская башня — это не просто главный въезд в кремль, расположенный на южной линии укреплений. Она получила свое название от иконы Спаса Нерукотворного, которая находилась над ее воротами. В Казанских писцовых книгах 1566–1568 гг. она именовалась «Спас Нерукотворенный, иже на вратех». Икона Спаса представляет собой точную копию со знамени царя Ивана Грозного, водруженного в ходе сражения за город на месте будущей башни.

Мысль поставить образ над воротами Казани подсказана царю известным церковным преданием об эдесском владельце Авгаре*, который, получив от Спасителя чудесный Его образ на полотне, велел поставить его над воротами города Эдессы. Царь Иоанн IV осуществил эту мысль тем с большим усердием, что самый успех Казанского похода он считал чудом Нерукотворенного образа на знамени. «Мы с крестоносною хоругвию царство Казанское покорили», — писал впоследствии царь Курбскому.

МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ
ПИНЕГИН
российский историк, этнограф
и краевед

Спасская башня и находящаяся внутри нее церковь Нерукотворенного образа много раз становилась жертвой страшных казанских пожаров: в 1595, 1694, 1749 и 1815 гг. Предание гласит, что икона над воротами оставалась невре-

* Восточное предание о Нерукотворном образе прослеживается с первой половины IV века. История связана с больным царем Эдессы (Месопотамия) Авгаром V (или Абгаром V) и посещением его апостолом Фаддеем после того, как посланный им художник не сумел изобразить Христа: Христос умыл лицо, отер его платом, на котором остался отпечаток, и вручил его художнику.

димой во время пожаров, а посему народное верование относит икону к чудотворным казанским святыням.

Есть предположение, что Спасская башня с церковью внутри основана на месте древней татарской мечети. <...> Строить христианские храмы на месте языческих капищ или магометанских мечетей — древний христианский обычай. «Царь среди города Казани мизгити [мечети. — Авт.] сокрушил и православие учинил», — замечает Софийская летопись. Принимая во внимание побочные даты, можно сказать, что высказанное предположение более чем вероятно.

МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ
ПИНЕГИН
российский историк, этнограф
и краевед

Башня изначально имела два яруса и небольшую дозорную вышку. В 70-х годах XVII века ее надстроили двумя дополнительными ярусами с шатровой крышей. Нижние два уровня, относящиеся к XVI веку, выполнены в виде четырехгранных белокаменных конструкций с арочным проездом. На них располагаются два кирпичных восьмигранника, построенных уже в XVII веке. В нижнем восьмиграннике установлены часы, а завершает башню кирпичный шатер.

Сейчас высота Спасской башни — 46,6 метра, а изначально она составляла 14 метров. Перед воротами находился ров с перекинутым через него деревянным мостом (в XVIII веке его заменили каменным, а в XIX веке ров засыпали).

В первой половине XVIII века в нижнем восьмиугольном ярусе башни устанавливают часы «со звоном», неподвижной стрелкой и вращающимся циферблатом. После пожара 1815 года часы не восстанавливались. Во вто-

рой половине XIX века они появляются за Спасской башней на колокольне Преображенского монастыря. Вновь часы появляются на башне только в 1959 году.

АЙРАТ ГАБИТОВИЧ
СИТДИКОВ
российский археолог
и историк

Глава шестнадцатая
БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ
СОБОР

Красивейший Благовещенский собор Казанского кремля был построен в XVI веке все теми же Постником и Бармой. Собор первоначально был почти в два раза меньше нынешнего храма, расширившегося по итогам нескольких реконструкций.

Собору изначально было предназначено особое место в сакральной топографии Казани. Место для строительства деревянного собора было избрано в центре ханской Казани — на площади рядом с дворцом Казанского хана. Позднее его заменил белокаменный храм.

Благовещенский собор, по сообщению автора Казанской истории, был заложен 4 октября 1552 года, в день торжественного въезда Ивана IV в Казань: «И во един день созда храм соборный Благовещение Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы, на месте красне, на площади близ царева двора», — а 7 октября 1552 года он был освящен в его присутствии.

АЙРАТ ГАБИТОВИЧ
СИТДИКОВ
российский археолог
и историк

Официальная летопись сообщает, что собор был заложен через два дня после штурма, когда город был очищен

■ Андре Дюран. Благовещенский собор. 1845

от множества тел убитых. В это время царь въехал в Казань и на выбранном месте «среди града» установил крест.

Свод собора опирается на шесть круглых колонн. В XVI веке купола имели шлемовидную форму. В конце XVI века к храму были добавлены боковые приделы: северный в честь Святых Петра и Февронии Муромских и южный в честь Святых князей Бориса и Глеба. Приделы были соединены папертью.

В XVIII и XIX веках ряд перестроек значительно изменил внешний вид собора, особенно с западной стороны.

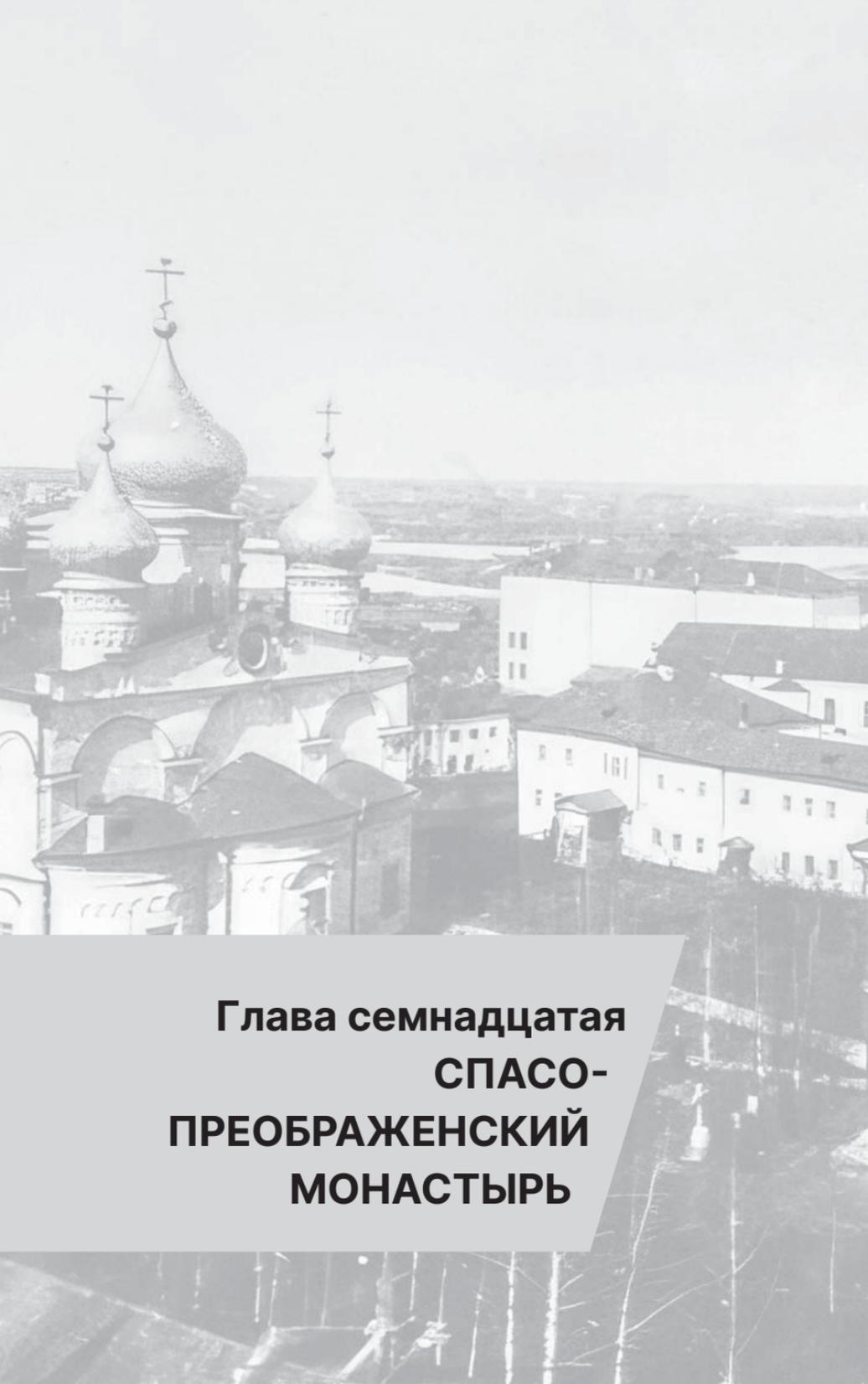
Первоначальный каменный облик храма хорошо известен, это был 6-столпный, 5-главый, трехапсидный, очень крупный храм (20 x 26 м), подкупольное пространство 5,2 x 5,4 м. Высота храма составляла около 30 метров. В середине XVII века собор был соединен

с домом архиепископа крытыми каменными переходами. Облик храма начал меняться на рубеже XVII–XVIII вв. В 1736 году шлемовидные главы собора приобрели луковичную форму, а с запада была пристроена трапезная, изменившая объем здания. В конце XVII века вместо деревянного Богоявленского собора был построен теплый Рождественский собор, располагавшийся с северной стороны Благовещенского собора. В первой половине XVII века с южной стороны собора, в архиерейском дворе, был построен каменный двухэтажный дом с двумя внутренними храмами. От него были сделаны переходы «на столпах каменных до соборные церкви к полуденным дверям, и двери церковные вгорожены...». Архиерейский дом и Рождественский собор пришли в ветхость к середине XVIII века и были разобраны после пожара 1815 года.

АЙРАТ ГАБИТОВИЧ
СИТДИКОВ
российский археолог
и историк

Церковь Рождества Христова была возведена в 1694 году при митрополите Казанском Маркелле. К 1821 году храм значительно обветшал, и техническая комиссия предложила построить на его месте новое утепленное здание. Император Николай I, посетивший Казань в 1836 году, предложил возвести новую трапезную для Благовещенского собора, расширив его на запад. Это было реализовано под руководством казанского губернского архитектора Фомы Ивановича Петонди, который родился в Орле в семье эмигранта из итальянской Швейцарии.

Эта реконструкция сделала собор более удобным для молитвы, но значительно изменила его первоначально гармоничный облик. С тех пор внешний вид собора почти не изменялся, за исключением разрушенного после революции крыльца, построенного по проекту Петонди, и снесенной в 1928 году пятиуровневой колокольни XVII века, в которой находился самый большой колокол дореволюционной Казани, весивший 1500 пудов (примерно 24,5 тонны).

Глава семнадцатая
СПАСО-
ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ
МОНАСТЫРЬ

Этот монастырь, расположенный внутри кремлевских стен у Спасских ворот, был основан в XVI веке. В период Казанского ханства на месте нынешних руин Спасского монастыря находилось кладбище, которое продолжало использоваться как некрополь и в последующие века: с XV по XX век здесь нашли вечный покой не менее тысячи человек.

Считается, что Спасо-Преображенский монастырь был основан через четыре года после завоевания Казани, на месте, которое указал сам Иван Грозный. Основателем обители стал Святой Варсонофий, который в молодости попал в плен к крымским татарам, выучил татарский язык, а после освобождения решил посвятить свою жизнь Богу. В 1556 году он стал настоятелем монастыря в сане архимандрита.

Изначально здания монастыря были деревянными, а каменными были только церковь в честь Николая Ратного и трапезная, которые в советское время использовались как чайная для воинской части, размещенной на территории монастыря.

В древних церквях (тоже и в Спасском монастыре) было множество икон различной меры, но с изображениями одного и того же святого; эти иконы приносились и жертвовались в церковь прихожанами. Почти всякий прихожанин, являясь в церковь, ставил свою собственную икону на одну из полок около стен и ей одной мо-

■ Вид на Спасо-Преображенский монастырь. 1890-е

лился, не обращая внимания ни на другие иконы, ни на ход священнодействий.

МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ
ПИНЕГИН
российский историк, этнограф
и краевед

На месте деревянной церкви в 1596 году был сооружен каменный Преображенский собор. Он несколько раз перестраивался, так что довольно трудно составить себе точное впечатление о его первоначальной архитектуре.

В XVIII веке к северной и южной стенам Преображенского собора были добавлены галереи. С южной стороны была сооружена сводчатая терраса на уровне нижнего яруса собора, а с северной — двухэтажные галереи, своды которых опирались на массивные белокаменные пяты трапециевидной формы. Второй этаж галереи выполнял функцию коридора, соединяющего собор с домом настоятеля и церковью Николы Ратного.

К середине XVIII века монастырь располагал тремя каменными церквями и часовней, обеспечивая все необходимые службы святой обители. Однако в монастыре проживало всего три монаха. Следует отметить, что в мужских

монастырях, в отличие от женских, никогда не было много монахов. Спасо-Преображенский монастырь даже в лучшие времена насчитывал максимум 24 монаха, тогда как в женском Богородицком монастыре вместе с послушницами численность достигала примерно 100–120 человек.

В 1920-е годы Спасо-Преображенский собор был разрушен взрывом. Собственно, в первые годы советской власти большинство зданий монастыря также было уничтожено. Уцелели лишь братский корпус на севере монастыря, кирпичная ограда с восточной стороны, реконструированная церковь Николая Ратного и несколько фундаментов.

Сегодня сложно даже представить себе, каким колоссальным богатством обладала бы Казань (да и многие другие города России), если бы не воинствующий атеизм первых двух-трех десятилетий советской власти.

АРТЕМ ЮРЬЕВИЧ СИНЦОВ
российский историк

**Глава восемнадцатая
КУЛ-ШАРИФ —
ГЛАВНАЯ МЕЧЕТЬ
КАЗАНИ И ВСЕГО
ТАТАРСТАНА**

Главная мечеть Казани и всего Татарстана расположена в западной части Кремлевского комплекса, во дворе бывшего Юнкерского училища.

Ее строительство было начато в 1996 году как восстановление легендарной многоминаретной мечети столицы Казанского ханства. И, кстати, ориентация этой новой мечети на Мекку была определена с точностью до сотой доли секунды через спутник.

■ Кремль, мечеть Кул-Шариф. 2006

Считается, что старая мечеть была разрушена в октябре 1552 года во время штурма Казани войсками царя Ивана Грозного. А названа она так в честь ее последнего имама сеида Кул-Шарифа, одного из руководителей обороны Казани.

Русские источники именуют мечеть «Кулшерифовой», имея в виду, вероятно, имя ее имама, сеида Кул-Шарифа, возглавившего оборону этой части города в октябре 1552 года. После захвата части Кермана русские хотели пойти на штурм Ханского двора, но в этот момент на их пути встали муллы и шакирды во главе с сеидом Кул-Шарифом. Полностью перебив первую волну атакующих, они пали до единого в неравном бою. В последней отчаянной схватке погибли и запершиеся в Арке (Ханском дворе) оставшиеся защитники мусульманской столицы Поволжья.

НИЯЗ ХАДЖИЕВИЧ ХАЛИТОВ
российский архитектор
и реставратор

Существует несколько мнений исследователей относительно местоположения старой мечети. Советский археолог М. Г. Худяков размещал ее «на том месте, где русскими был основан Спасский монастырь». В то же время профессор С. С. Айдаров, основываясь на изображении Казани на иконе XVI века «Церковь Воинствующая», считал, что мечеть располагалась внутри Ханского двора, причем ее южная стена совпадала со стеной цитадели, которая, по его мнению, проходила вплотную к Тезицкому рву. Основположник казанской археологической школы Н. Ф. Калинин высказывал мнение, что мечеть находилась на месте Благовещенского собора, а также существует мнение, что Благовещенский собор — это и есть переделанная мечеть Кул-Шариф.

Памятный знак на месте будущей мечети Кул-Шариф был установлен 21 февраля 1996 года. В том же году был проведен открытый конкурс на лучший проект ее восстановления, который завершился 25 мая 1996 года.

Открытие мечети состоялось 24 июня 2005 года. Она имеет один купол высотой 39 метров и диаметром 17 метров, четыре крупных минарета и два дополнительных. Высота каждого из четырех основных минаретов составляет 58 метров, а вместимость мечети — 1700 человек.

Появление мечети значительно изменило градостроительную композицию кремля и художественный облик исторического центра Казани, а также обозначило новый этап в сознании жителей Татарстана. Строительство этого уникального сооружения в Казанском кремле позволяет по-новому взглянуть на историю региона и татарское духовное наследие. По сути, мечеть стала новым символом Казани и Татарстана, притягательным центром для татар всего мира.

Глава девятнадцатая БОЛЬШИЕ КАЗАНСКИЕ ПОЖАРЫ

Казань со времени вхождения ее в состав России в расположении своих улиц менялась неоднократно. Она расширялась по причине многолюдства, а также из-за роста обеспеченности самих жителей, которые строили помещения не только для своих семейств, но и для «пользы общественной». Плюс изменение города происходило по причине многократных опустошений от огня, требовавших устранения тесноты и постройки каменных зданий.

Тем не менее срытие после опустошительных пожаров возвышений и засыпка оврагов и ям не могли совершенно истребить местность, дарованную городу самой природой.

Строительная история Казани есть в значительной степени и история ее пожаров. Им <...> она обязана совершенной своей перестройкой: трансформацией с конца XVIII века рисунка планировки — из живописного в жесткий, веерно-прямоугольный.

СЕРГЕЙ ПАВЛОВИЧ САНАЧИН
российский архитектор

В 1552 году город пережил значительное разрушение, после чего он многократно перестраивался и улучшался. После того как Пугачев сжег город, он был полностью преобразован в соответствии с планом, утвержденным Екатериной II.

■ В. Турин. Вид Казанской крепости. 1834

Постигшие Казань большие пожары были зафиксированы в 1595, 1672, 1684, 1742, 1749, 1757, 1774, 1815 и 1842 гг. Плюс было еще немало небольших и из-за величины города не очень заметных опустошений.

Пожар, произошедший 23 июня 1595 года, начался рядом с церковью Николая Тульского в доме местного жителя Онучина. В результате этого бедствия сгорела вся центральная часть города, включая лучшие здания около нынешнего женского монастыря Казанской Божией Матери.

В 1672 году произошел второй пожар, который также уничтожил значительную часть города, находившуюся вблизи кремля. Во время этого инцидента многие колокола на соборной колокольне раскололись и позже были переплавлены мастером, специально для этого присланным из Москвы.

Третий пожар в 1684 году начался около Свяжского подворья, рядом с церковью Покрова Пресвятой Богородицы. Он уничтожил монастырь Казанской Божией Матери, деревянные строения города до Проломных ворот, а также слободы Засыпкина, Красную и Феодоровскую. Пламя достигло озера Кабана, уничтожив множество зданий, включая церковь Бориса и Глеба, а также повредив Спасскую башню и Спасо-Преображенский монастырь.

Четвертый пожар произошел в ночь на 3 августа 1742 года в приходе Петра и Павла, рядом с домом семинарии. В ре-

зультате были разрушены Архиерейский дом и обе соборные церкви, а также уничтожены монастыри и церкви за пределами кремля, включая Иоанновский, Казанской Божией Матери и другие.

Пятый пожар в 1749 году начался в Татарской слободе и также нанес серьезный ущерб кремлю, уничтожив соборную церковь с колокольней, Архиерейский дом и монастыри Спасский и Троицкий. За кремлем пострадало несколько церквей и дом семинарии. Все мосты через реку Булак были разрушены, и наводнение от рек Волги и Казанки привело к гибели многих людей и имущества.

Шестой пожар в 1757 году также уничтожил множество зданий, особенно в районе крепости и Гостиного ряда, однако подробного описания этого события не сохранилось.

Пожар 1774 года, связанный с Пугачевским восстанием, привел к полному разрушению города, кроме кремля и некоторых слобод. Сгорели 28 церквей, Гостиный двор со всеми лавками и множество жилых домов (по оценкам, было истреблено 74 казенных и 2090 обывательских домов).

После этого бедствия императрица Екатерина II приняла меры по восстановлению города, проявив, как говорят, «материнское участие» в судьбе его жителей, пострадавших от пожара и грабежей. Высочайшим указом от 4 апреля 1775 года было велено открыть в городе экспедицию Дворянского банка для раздачи заимообразно ассигнаций на 500 000 рублей, обязанность же привести город в устройство была возложена на генерал-губернатора князя Платона Степановича Мещерского, прибывшего в Казань 1 сентября 1774 года на смену губернатору Якову Ларионовичу фон Брандту. И, кстати, князь Мещерский не просто восстановил город в течение десяти лет, но и запретил активно содействовавшим Пугачеву казанским татарам проживать в черте города.

Жителям были предоставлены казенные (государственные) материалы, и восстановление Казани велось согласно плану, одобренному Екатериной II. В частности, некоторые улицы, такие как Покровская и Воскресенская, а также набережные Черного озера, были благоустроены за счет выделенных императрицей средств.

Начало этому <...> положило «Быть по сему!» Екатерины Великой на плане Казани выдающегося планировщика и архитектора Алексея Квасова. Возглавляемая им группа разработчиков «не только погоревшие места, но и весь город применяя к нынешним состоящим тамо каменным строениям, чтобы большой ломки не производить к достижению настоящего регулярства по своему мнению расположила».

СЕРГЕЙ ПАВЛОВИЧ САНАЧИН
российский архитектор

Таким образом, через 14 лет восстановительных работ в Казани насчитывалось до 3000 домов, включая те, что уцелели от пожара. В городе функционировало более 150 фабрик и заводов. Улицы и переулки были выровнены, установлены ограждения и фонарные столбы, которые зажигались во время праздников. Для отвода воды были прорыты каналы, обложенные деревом.

Пожар, произошедший 3 сентября 1815 года, начался в Ямской слободе, у Варлаамской церкви, и его предвестником стал густой дым, который ощущался за три недели до этого из-за горения окрестных сел и лесов. Пламя быстро распространилось, и всего за двенадцать часов были уничтожены все здания в кремле, включая кафедральный Благовещенский собор, с колокольни которого упали колокола, Спасский монастырь, судебные учреждения с важными архивами, Архиерейский дом, литейный пушечный двор с артиллерийским арсеналом и государственные соляные амбары, где хранилось более 235 000 пудов соли, а также военный каземат.

Вне крепости также пострадали Успенский собор с колокольней, Владимирский собор, несколько монастырей, много церквей, Духовная академия и почтамт. Кроме того, были повреждены Большой Гостиный двор, городская мельница, мосты через Булак и Казанку, а также множество улиц с домами.

В итоге сгорело 166 улиц с переулками и 810 надворных построек.

Сгорело почти полностью 1179 домов, в том числе 158 каменных домов и 19 церквей. Сгорели мосты через овраги и знаменитый подъемный мост через Булак.

ВСЕВОЛОД ПЕТРОВИЧ
ОСТРОУМОВ
советский архитектор

До 1842 года Казань не видала подобного несчастья. Огонь был столь силен, что в одно мгновение пламя обнимало до пяти и более домов. От необыкновенно сильного ветра поднимавшаяся густым облаком пыль мешала рассмотреть человека на самом ближайшем расстоянии. Зрелище было ужасное! Повсюду царили страх и смятение, и не было ни одного безопасного от огня дома, всему угрожало истребление.

МИХАИЛ САМСОНОВИЧ
РЫБУШКИН
российский педагог
и историк-краевед

- Неизвестный художник. Великий пожар в Казани. XIX век

Проток Булак, соединяющий озеро Нижний Кабан с Казанкой, полностью пересох из-за нехватки воды, и по всему городу клубился густой черный дым. Казань горела на протяжении 8 километров, и никакие усилия людей не могли остановить огонь. Разрушительное опустошение продолжалось около суток. Не находя укрытия в городе, жители спасались на Арском поле, которое, заваленное имуществом, напоминало спешно разбитый лагерь. В окрестностях кремля и в других частях города лежали многочисленные обгоревшие тела.

Но пожар, который охватил Казань 24 августа 1842 года, превзошел все предыдущие бедствия. Свидетели описывали этот ужасный инцидент так: «1815 год повторился, и вот вместо прекрасных улиц и огромных зданий, вместо всего, что составляло богатство и красоту города, видны одни дымящиеся развалины!»

Пожар вспыхнул 24 августа в 10 часов утра в надворном строении купеческого дома на Проломной улице.

Поддерживаемый сильным ветром, огонь нашел богатую пищу в тесно выстроенных сараях и службах и, несмотря на все усилия прибывшей в самом начале пожарной команды, быстро перешел к главному корпусу. Ветер раздувал пламя с невероятной силой и относил горящие головни на огромные расстояния по направлению к центру города.

МИХАИЛ САМСОНОВИЧ
РЫБУШКИН
российский педагог
и историк-краевед

Когда вспыхнуло Дворянское собрание, а вслед за ним дом военного губернатора, нельзя было не понять, что происходит страшное бедствие. Ветер превратился в настоящий ураган, и он не только разгонял пожар во все стороны, но и резко перебрасывал огонь в разные части города, порой на весьма отдаленные расстояния.

Пожар распространялся так быстро, что в полдень все главные улицы были объяты пламенем. Обыкновенные к тушению пожаров способы не могли произвести никакого действия. Спасти дома было невозможно, едва успевали выносить необходимейшее.

МИХАИЛ САМСОНОВИЧ
РЫБУШКИН
российский педагог
и историк-краевед

Наступившая ночь только усугубила бедствие. Примерно в восемь часов загорелся Гостиный двор, и огонь охватил низменные районы города за Булаком. Казань оказалась погруженной в буквальном смысле в море пламени, в тумане смрада и дыма. Над этой огненной бездной нависало раскаленное небо.

К утру пожар утих, и восходящее солнце осветило необъятное пепелище. Убытки и разрушения были колоссальными: сгорело 1309 домов и 9 церквей. Пожар уничтожил значительную часть города, где располагались важные государственные и общественные здания, промышленность и дома дворян. Квартал у реки Казанки был населен мелкими чиновниками и бедными жителями, которые теперь остались без средств к существованию. Практически вся купеческая часть выгорела. Убытки Гостиного двора исчислялись миллионами.

О трагическом событии немедленно сообщили императору, а военный губернатор Сергей Павлович Шипов отправил два сообщения. Первое, датированное 30 августа, сообщало: «Во время бывших в Казани пожаров некоторые подозрительные люди взяты и представлены в полицию. Почитая нужным употребить все средства к открытию, не происходят ли таковые несчастные случаи от поджигательства, военный губернатор учредил особую для сего следственную комиссию под председательством генерал-майора Мандрыки. <...> Объявляя о сем, господин военный губернатор приглашал всех благомыслящих жителей города оказывать все зависящее от них содействие означенной

комиссии доставлением ей тех сведений, кои могут быть полезны к успеху сего дела».

В середине октября император распорядился о выделении ссуды на восстановление домов в Казани, сумма которой составила фантастический по тем временам 1 млн рублей. Император также поручил командировать надежного штаб-офицера к казанскому военному губернатору С. П. Шипову для составления нового плана города. Этим надежным человеком стал подполковник Васильев, который, прибыв к губернатору, предложил необходимые идеи для выполнения своей задачи и разработал новый план города.

Развернулось небывалое по размаху строительство. Именно этому бедствию стали обязаны своим рождением такие уникальные тогда и сейчас здания, как Губернаторский дворец с помещениями для императора, Духовная академия и Дворянское собрание. Всех пожаров, посетивших Казань, не перечислить. Сколько же их было, если только в одном, например, 1896 году из отчета Думе бренд-майора Тябина видно их 104? Но ни 1896-й, ни другие такие «многопожарные» годы не попали в историю — она сохранила в памяти лишь суперпожары.

СЕРГЕЙ ПАВЛОВИЧ САНАЧИН
российский архитектор

Забегая в нашем повествовании немного вперед, отметим, что пожар в Казани был и в 1871 году, и тогда огнем у 67 домовладельцев были истреблены дома со всеми надворными постройками: из них 9 каменных, 4 деревянных на каменных фундаментах и 54 деревянных.

Кроме сего, обгорела Екатерининская каменная церковь с колокольней, но вся утварь и иконы спасены, совершенно сгорели мусульманский детский приют и деревянная мечеть (стало быть, пострадал более всего

район улицы Поперечно-Екатерининской, ныне — ул. Ах-тямова). По дознанию оказывается, что пожар произошел с сеновала дома Шагея Шамсутдинова, брат которого, Мухамадей Шамсутдинов, в это утро был сильно пьян и оставался в доме один.

СЕРГЕЙ ПАВЛОВИЧ САНАЧИН
российский архитектор

Были в Казани достаточно серьезные пожары и в 1902 году, и в 1914 году, и в 1920 году. Конечно, были пожары и в период до 1552 года, но о многих из них практически ничего не известно. А все дело в том, что пожар в Казани считался большим, если огнем уничтожалось более тысячи дворов. Если же сгорало 100–200 домов, то о таком пожаре даже не говорили.

Весь город приходилось отстраивать заново. Пожары явились причиной того, что в старой части Казани облик большинства кварталов, дошедших до нас, определяется домами, возведенными не ранее 40-х гг. XIX века.

АЛЛА ВИКТОРОВНА
ГАРЗАВИНА
советский и российский
историк, писатель

- Сгоревший в пожар район улицы Малой Мещанской. 1914

Глава двадцатая
КАЗАНСКОЕ
ОПОЛЧЕНИЕ
В НАПОЛЕОНОВСКИХ
ВОЙНАХ

18 октября 1781 года у Казани был утвержден герб, который был описан следующим образом: «Змий черный, под короною золотою Казанскою, крылья красные, поле белое». Герб представлял собой французский геральдический щит, на котором изображался стоящий черный змий в золотой короне и с красными крыльями в белом поле на зеленой земле.

В 1782 году появился первый для города регулярный (генеральный) план застройки, который определил развитие

- Неизвестный художник. Переправа наполеоновской армии через Неман. 1810-е

города на ближайшие полтора века. В 1791 году в Казани открылся постоянный театр.

Столица Казанской губернии стала образовательным и культурным центром Поволжья. Открывались школы и гимназии, в 1797 году появилась Казанская духовная семинария.

Интересно отметить, что выпускниками Первой Казанской гимназии были Г. Р. Державин, А. М. Бутлеров, Н. И. Лобачевский и многие другие видные деятели российской науки и культуры.

Важным событием стало основание в 1804 году Казанского университета, который стал третьим университетом в России по времени создания и значимости. Среди его выпускников были такие известные личности, как писатель С. Т. Аксаков, химик А. М. Бутлеров, математик Н. И. Лобачевский, поэт В. И. Панаев, сенатор М. Н. Мусин-Пушкин и др.

Тихая и спокойная жизнь Казани была нарушена в июне 1812 года, когда пришло неожиданное известие о вторжении армии Наполеона на русскую землю.

6 июля 1812 года император Александр I издал манифест «О создании народного ополчения», в котором призвал «собрать внутри государства новые силы, которые, нанося новый ужас врагу, составили бы вторую ограду в подкрепление первой и в защиту домов, жен и детей каждого и всех».

Согласно императорскому Манифесту от 18 июля, районы формирования народного ополчения были ограничены 16 центральными губерниями. Были образованы три округа: в I округ вошли Московская, Смоленская, Калужская, Тульская, Рязанская, Тверская, Ярославская и Владимирская губернии, которые должны были защищать Москву. Во II округ вошли Петербургская и Новгородская губернии, отвечающие за защиту северного направления. Казанское ополчение стало частью III округа, который включал Казанскую, Нижегородскую, Симбирскую, Пензенскую, Вятскую и Костромскую губернии и должен был служить резервом.

Народное ополчение появилось не случайно. Россия вспомнила подвиги князя Дмитрия Пожарского и Кузьмы Минина двухсотлетней давности: образ этих двух героев невольно встал перед глазами современников, и они воодушевились их примером. Не случайно император Александр I в манифесте о созыве народного ополчения выразил свое

отношение к Наполеону в следующих словах: «Да встретит он в каждом дворянине Пожарского, в каждом гражданине — Минина!»

Императорский манифест «О составлении временного внутреннего ополчения» был опубликован в газете «Казанские известия», причем с переводом на татарский язык. Газета вышла тиражом в 500 экземпляров, вместо обычных 200. А перевод на татарский сделал директор 1-й Казанской мужской гимназии профессор Илья Федорович Яковкин, и, как отметил гражданский губернатор Борис Александрович Мансуров, «сие средство сделалось виною сильного впечатления на сердца сих иноверцев и открыло усерднейшее поревнование к пользам Отечества».

Манифест был оглашен в кафедральном соборе Казанского кремля перед многотысячной толпой. Казанцы ощутили мощный патриотический подъем: помимо крепостных, которые были обязаны вступить в ополчение, записывались и многие добровольцы. В ряды ополчения шли дворяне, мещане, чиновники различных учреждений, студенты и рабочие.

При этом император Александр I, живо входя в нужды крестьян и из-за отдаленности губерний III округа, изво-

- Андрей Ухтомский. Отец, благословляющий сына в ополчение. Гравюра. 1812

лил повелеть по этому округу только назначить и посчитать людей, но до особого повеления их не собирать, дабы не отрывать от необходимых сельскохозяйственных работ.

На 21 июля было назначено собрание казанского дворянства, и гражданский губернатор Б. А. Мансуров счел за нужное обратиться с предложением к собравшимся дворянам: «Может ли кто усомниться, что содержание Манифеста, являя почтенному сословию дворян совершенную доверенность и живую на него надежду Августейшего Нашего Государя Императора, открывает ему вместе с сим и живое поприще к славе Его в спасении Веры, Престола и Отечества? Может ли что-нибудь быть священнее полной доверенности Монарха, в призывании дворянства к общему с ним против врагов содействию изъявленной? <...> Нет в Манифесте никаких назначений, данную ему от Бога властью определяемых; единый пример князя Пожарского представился ему довлеющим к возбуждению в сердцах ваших неограниченного стремления к составу ополчения соразмерного предметам его».

В таких высокопатриотических выражениях обратился гражданский губернатор Мансуров к дворянству. Слова эти содержали необыкновенно верную оценку смысла и духа Манифеста, в то время, когда еще неизвестно было, что ополчение потребуется и от отдаленной от театра военных действий Казанской губернии.

ВСЕВОЛОД РОСТИСЛАВОВИЧ
АПУХТИН
русский офицер и историк-
краевед

Казанские дворяне от 82 000 душ дали 3280 ратников, в том числе 280 конных, приняли на себя снабжение их оружием, одеждой, а также их содержание на все время существования ополчения.

Население губернии проявило щедрость в сборе средств: дворянство пожертвовало 140 тыс. рублей на ополчение, казанские купцы — 74 тыс. рублей, мещане — 10 тыс. рублей,

а представители «цехов» — 2 тыс. рублей. Чебоксарское общество внесло 3 тыс. рублей, Козьмодемьянское — 2 тыс. рублей, Свияжское — 700 рублей, Цивильское — 500 рублей, Лаишевское — 500 рублей, а Ядринское — 1,5 тыс. рублей. В итоге все пожертвования составили 346 тыс. рублей.

И уже во время войны артисты Казанского театра организовывали благотворительные спектакли, вырученные средства от которых направлялись на помощь раненым или другие нужды. Билеты на эти мероприятия быстро раскупались, а многие горожане приходили просто для того, чтобы пожертвовать деньги, не покупая при этом билет.

Документы говорят о том, что пожертвования Казанской губернии составляли 346 тысяч рублей — это гигантская сумма по тем временам. Фабрики и мануфактуры увеличили производство, рабочие трудились день и ночь, отправляя на фронт все самое необходимое. В Казань также прибыли 30 тыс. беженцев, которых разместили в городе.

ДЕНИС ЕВГЕНЬЕВИЧ
ХАМИТОВ
российский историк

Начальником казанского ополчения был избран 55-летний артиллерийский генерал-майор Дмитрий Александрович Булыгин, который сам вызвался служить в составе ополчения. Этот человек участвовал в Русско-турецкой войне 1787–1791 гг., в частности, в штурме Очакова, где получил ранение пулей в голову.

Но Д. А. Булыгин был начальником ополчения только при его формировании. Потом командование Казанскими пешим и конным полками перешло к генерал-лейтенанту Николаю Селиверстовичу Муромцеву, а потом, в кампанию 1814 года, — к генерал-майору Александру Дмитриевичу Гурьеву.

Запись дворян в полки шла очень успешно. Д. А. Булыгин доносил потом графу Петру Александровичу Толстому,

■ С. Герасимов. Ополчение. 1812

Высочайшим рескриптом от 17 июля 1812 года назначенному командующим III (резервным) округом ополчения, что в этом ополчении офицеров достаточное количество и среди них есть знающие.

Отметим, что граф П. А. Толстой был человеком очень известным. С 31 августа 1807 по 19 октября 1808 года он был послом в Париже и считался при этом ярким противником политики Наполеона. С 1797 года он был генералом, а до поездки в Париж занимал должность военного губернатора Санкт-Петербурга.

В III-й округ ополчения, как уже говорилось, входили ополчения Казанской, Нижегородской, Пензенской, Костромской, Симбирской и Вятской губерний.

Начальником пешего полка казанского ополчения был назначен подполковник Николай Никитович Чичагов, конного — майор Григорович.

Вначале дворяне Казанской губернии согласились дать в ополчение по 2 человека от каждых 100 ревизских душ, затем увеличили это число до 4.

По словам военного историка А. И. Михайловского-Данилевского, все губернии III округа жертвовали много разного оружия — сабель, палашей и т.п. Он говорит даже, что

в домах там нигде не оставалось никакого оружия — все было отдано на нужды армии и ополчения.

Казанское ополчение состояло из одного пешего и одного конного полка (из 2 сотен). Из всех ополчений 1812 года это было самое малочисленное. Соединившись с Вятским ополчением, оно поступило под верховное начальство командующего всем третьим округом ополчений графа Толстого, коему для успешности формирования ополченских полков были подчинены все воинские команды, находившиеся в губерниях Нижегородской, Казанской, Пензенской, Симбирской, Костромской и Вятской, за исключением 3-го учебного батальона в Казани.

ВСЕВОЛОД РОСТИСЛАВОВИЧ
АПУХТИН
русский офицер и историк-краевед

Когда сбор ополчений III округа пришел к концу, стали видны их недостатки. Граф П. А. Толстой обратился к императору с рапортом. Он просил выслать ему хотя бы 10 000 рублей для вооружения 4 батальонов, которые, рассыпавшись по всей линии ополчения, прикрывали бы ратников. Далее граф Толстой указывал на отсутствие артиллерии: «Столь слабо вооруженное войско не может стоять против артиллерии неприятельской и будет совершенной жертвой без оной». По его мнению, и ста орудий было бы достаточно, чтобы увеличить силу ополчения. Кроме того, он находил, что в ополчении слишком мало кавалерии, и просил присоединить к нему хотя бы два казачьих полка, следовавших из Оренбурга на Нижний Новгород.

Это прошение относится к сентябрю, а в октябре граф Толстой вновь обратился с той же просьбой к главнокомандующему действующей армии. Он докладывал, что в каждой роте имеется уже по 10 человек, обученных приемам заряжания ружей, и для этого употреблены были ружья из

■ Иван Архипов. Ополченцы в 1812. 1982

губернских цейхгаузов, которые только и годятся для учения. «Следовательно, — писал граф Толстой, — когда получим ружья, то посредством выученных 10-ти в каждой роте человек можно будет в походе остальных приучить к действию ружьем».

П. А. Толстой лично посетил в августе 1812 года Казанскую губернию. В ноябре, перед самым выступлением в поход, для III округа ополчения было назначено из Нижнего Новгорода и из Тулы 10 000 ружей.

Казанское ополчение вместе с прочими ополчениями III-го округа было двинуто через Нижний Новгород, Муром, Рязань и Орел в ноябре месяце 1812 года. Но в Малороссии повелено было этим ополчениям не останавливаться, а следовать далее на Волынь. Таким образом, в Отечественной войне полки Казанского ополчения активного участия не приняли, но в 1813-м году они обрели честь и славу своему имени, храбро сражаясь под Дрезденом.

ВСЕВОЛОД РОСТИСЛАВОВИЧ
АПУХТИН
русский офицер и историк-
краевед

- Неизвестный художник. Портрет Леонтия Леонтьевича Беннигсена. 1810-е

Наступил 1813 год, и ополчения были привлечены к активной деятельности — совместно с победоносными русскими регулярными войсками они приняли участие в освободительной войне. Пеший и конный полки казанского ополчения, продолжая состоять в корпусе генерала графа П. А. Толстого, по Высочайшему рескрипту от 25 мая 1813 года, данному на имя генерала от инфантерии князя Дмитрия Ивановича Лобанова-Ростовского, вошли в состав армии генерала от кавалерии барона Л. Л. Беннигсена.

Казанский пехотный полк вместе с 3-м Нижегородским составляли 2-ю бригаду ополчения. Армия Леонтия Леонтьевича Беннигсена, получившая название «Польской», была двинута к Дрездену.

Казанские ополченцы шли на Киев, далее — на Волынь. Когда они прибыли в Киев, их внешний вид произвел такое впечатление, что генерал П. А. Толстой, который проводил смотр, отметил «исправность» казанцев.

Затем ополченцы расположились в Волынской губернии, где провели два месяца на отдыхе и военных учениях, прежде чем выступить в поход. 12 июля 1813 года, после переправы через реку Буг, казанское ополчение соединилось с корпусом генерал-майора Н. С. Муромцева и вместе с ним прошло через Польшу, Силезию и Богемию. В начале сентября 1813 года ополчение достигло границ Саксонии

и 30 сентября остановилось у селения Лохвиц, всего в 7 километрах от Дрездена. За время похода из 3280 ополченцев заболело 20 человек, умерло 2 человека.

4 октября эскадроны Казанского конного полка были направлены для поддержки отряда генерал-майора С. В. Дяткова.

В октябре 1813 года казанцы участвовали в блокаде и осаде хорошо укрепленной Дрезденской крепости. 25 октября они столкнулись с особенно жестоким боем, который продолжался весь день и всю ночь, и понесли ощутимые потери: 38 человек погибли и 170 были ранены.

До 1 ноября шла осада города, где казанцы были в первых рядах наступающих. Два раза французский маршал Сен-Сир пытался прорвать кольцо, но оба раза был отброшен. Бои были очень кровопролитными и продолжительными, но казанцы дрались мужественно, дрались стойко и в итоге вынудили французов капитулировать.

ДЕНИС ЕВГЕНЬЕВИЧ
ХАМИТОВ
российский историк

О подвигах офицеров Казанского пешего полка в боях под Дрезденом можно почерпнуть много интересных данных из наградных списков. В частности, командир полка подполковник Николай Никитович Чичагов находился со вверенными ему людьми с примерным мужеством во всех сражениях под Дрезденом, но особенно отличился 25 октября 1813 года, «личною храбростью и благоразумными своими распоряжениями способствовал к успешному окончанию дела», за что и награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость».

После сражения Н. Н. Чичагов писал: «Казанцы были выдвинуты на передовые позиции и сумели в непрерывных боях проявить огромную стойкость и мужество. Не имея подчас ружей, воины шли в рукопашную, убивая французов прикладами ружей, поражая их штыками. Все позиции были удержаны, все воины порасстреляли патроны, но позиций не сдали».

Батальонные командиры подполковник А. П. Селиванов и надворный советник И. А. Ростовцев были награждены орденами Святой Анны 2-го класса за отличие во всех сражениях под Дрезденом, а особенно за бой 25 октября.

Далее путь пролегал на север Германии. В декабре 1813 года под Магдебургом разгорелись ожесточенные бои. Осада и штурм Гамбурга, где находилась армия маршала Даву, длились почти пять месяцев. Жители Гамбурга, освобожденного в мае 1814 года, с радостью встретили русские войска. Татарский конный отряд также принимал участие в сражениях под Магдебургом и Гамбургом. Ратная доблесть многих казанских ополченцев, включая татар, была отмечена различными наградами.

Аннинским крестом за личный героизм был награжден татарин Агиев, произведенный за доблесть в младшие офицеры и ставший тем самым уже не крестьянином, а личным дворянином. Кроме того, каждому ратнику ополчения выдали по 5 рублей от государя в награду.

ДЕНИС ЕВГЕНЬЕВИЧ
ХАМИТОВ
российский историк

После сдачи Дрездена казанское пехотное ополчение было введено в состав гарнизона, занявшего город, и там оставалось до самого возвращения в Россию.

22 октября 1814 года последовал указ о роспуске ополчения, а 20 февраля 1815 года пешие ратники возвратились в Казань. Конные сотни в составе корпуса генерала П. А. Толстого, как уже говорилось, проследовали к Магдебургу для участия в осаде города. В январе 1814 года их перебросили к Гамбургу, но, не дойдя до него, они были остановлены в Брауншвейге, где пробыли до мая 1814 года. Они вернулись в Казань в конце мая 1815 года.

Весть об окончательном разгроме Наполеона была встречена в Казани всеобщим ликованием. 3 мая 1814 года в честь взятия Парижа был организован народный праздник. У Черного озера был устроен фейерверк и пущены искусственные огни.

Народ весь день и далеко за полночь наполнял у сего озера площади, и ни одного человека не было во всей Казани, кто бы не принимал живейшего участия в этом общем торжестве.

Таким образом, мы видим, что казанцы свято выполнили долг свой перед Родиной. И память об этих славных именах должна жить в потомках.

ВСЕВОЛОД РОСТИСЛАВОВИЧ
АПУХТИН
русский офицер и историк-
краевед

Когда ополченцы вернулись в Казань, жители города торжественно встретили своих боевых героев-земляков: был устроен большой праздник в честь их возвращения.

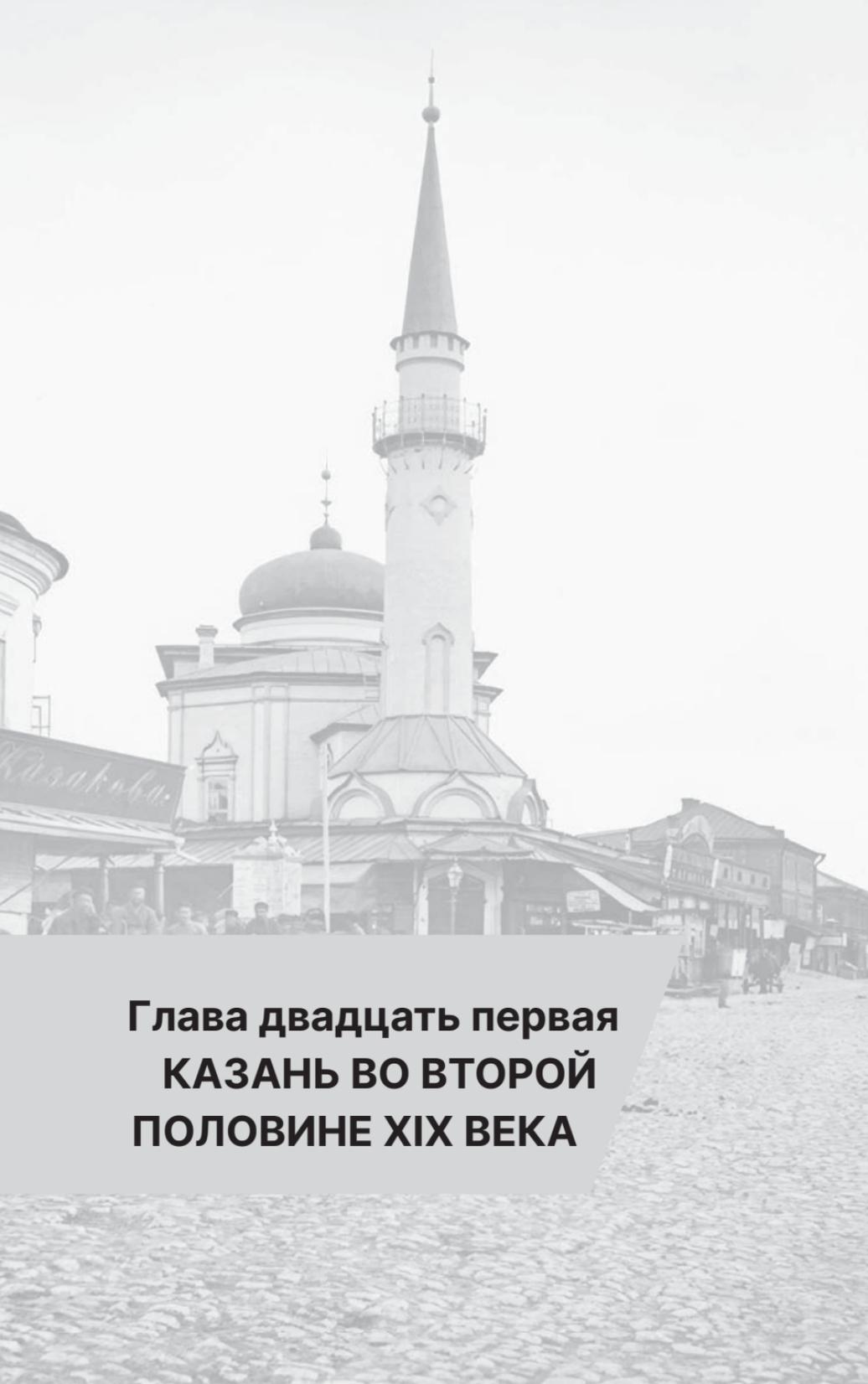
Поутру, в девять часов, тысячи жителей Казани и других городов Казанской губернии отправились за речку навстречу ополченцам, которые под командованием Н. Н. Чичагова в военном порядке шли по правую сторону Казанки. Часто повторяемое «ура» наполняло улицы Казани и далеко отзывалось в окрестностях города.

Профессор Казанского университета Григорий Николаевич Городчанинов написал «Лирическую песнь на вступление Казанского ополчения в град Казань», которая ярко передает настроение жителей города в этот знаменитый торжественный день:

Идут к нам гости дорогие,
Сыны Отечества прямые,
С обвитым лаврами мечом.
И с поля Марсова оливы
Несут на мирны наши нивы
С венчанным славою челом.
Как милого встречая сына,
Спешит с объятиями мать,
Так, досточтимая дружина,
Сей град стремится вас принять!

Торжества, обеды, балы, вечера в честь славной дружины длились несколько дней подряд.

«Казанские известия» от 27 февраля 1815 года по поводу возвращения ополчения в Казань откликнулись следующими словами: «Благодарим храбрую нашу дружину, не отставшую в патриотизме и геройстве от прочих сынов Отечества других губерний. Участие их в священной брани есть навсегда прочное отличие их и награда».

**Глава двадцать первая
КАЗАНЬ ВО ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА**

Во второй половине XIX века Казань претерпела значительные изменения в своей инфраструктуре. В это время в городе появились одни из первых в России омнибусов (в 1854 году), газовое освещение (в 1874 году) и электрическое освещение (в 1897 году). Также были введены третья в стране конка (в 1875 году) и один из первых электрических трамваев (в 1899 году). В 1859 году заработал телеграф, а в 1888 году — телефон. В 1874 году был открыт городской водопровод, а к 1896 году стало доступно сквозное железнодорожное сообщение между Казанью и Москвой.

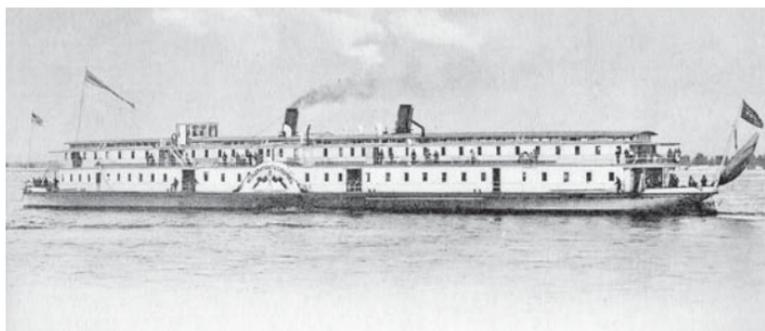

■ Казанский университет. Литография. 1834

Остановимся более подробно на решении главной транспортной проблемы города. Она заключалась в том, что до 1849 года не была дамба, которая позволяла бы добраться из города до речных пристаней (их было две: одна в устье Казанки, другая на Волге). Поэтому тем, кто спешил по важным делам, приходилось добираться до моста через Казанку у кремля по длинному и неудобному маршруту — через топкие луговые дороги, на собственном или арендованном экипаже. Из-за такой ситуации с 1854 года начали использовать дилижансы. Их было всего четыре, и каждый представлял собой большую крытую повозку на двенадцать мест, которую тянули от двух до четырех крупных лошадей. Этот городской транспорт медленно курсировал от Гостиного двора до пристани и обратно (с восьми утра до десяти вечера каждые полчаса), беря с каждого пассажира по серебряному гривеннику. Однако вскоре дилижансы прекратили свое существование, так как это дело оказалось убыточным.

В 1859 году компания «Кавказ и Меркурий» попыталась возобновить движение, рассчитывая на десятиллионный грузооборот и триста тысяч пассажиров за навигацию. Предприниматели надеялись, что дилижансы станут «курицами, несущими золотые яйца». К сожалению, эти оптимистичные ожидания не оправдались, и уже осенью повозки были выставлены на продажу.

Не смогли прижиться в городе «дедушки автобусов» — несмотря на все прилагавшиеся усилия. Необычность

■ Пароход «Фельдмаршал Суворов» компании «Кавказ и Меркурий»

■ Омнибус в Казани. 1900-е

этого вида транспорта не способствовала его популярности, и даже опытные журналисты не сразу оценили «достоинства» громоздкой общественной повозки с экзотическим названием. Поэтому в «Ведомостях» появилось загадочное слово «омникусь»*, которым в 1866 году окрестили шестиместный экипаж, появившийся на улицах Казани. Это странное название, скорее всего, возникшее из-за ошибки репортера или банальной опечатки, стало удачей, и «омникус» завоевал признание у горожан.

Сначала экипажи курсировали от гостиницы «Якорь» на Булаке до пристаней, останавливаясь у всех гостиниц на Проломной улице. Затем они начали активно двигаться по всему городу, составив серьезную конкуренцию недовольным извозчикам. Вскоре маршрут расширился до междугороднего, и в 1867 году дилижансы из Казани начали ездить даже до Нижнего Новгорода.

Оставшаяся часть XIX века прошла под звуки цокающих копыт, но на рубеже веков в воздухе уже ощущались перемены. В 1900 году в Лондоне появились первые автоомнибусы, а через восемь лет в Казани начали курсировать импортные

* Строго говоря, омнибус – это многоместная повозка на конной тяге. Он сочетал в себе функции извозчика и дилижанса. Подобно извозчику омнибус перевозил пассажиров в городе (но извозчик работал в «режиме такси»), и подобно дилижансу омнибус был маршрутным транспортным средством, перевозящим большое количество пассажиров. При этом дилижанс постепенно стал междугородным пассажирским транспортом.

автомобили-таксомоторы и 30–40-местные омнибусы. С шести утра до часу ночи по городу передвигались дымящие автофургоны, оставляя позади устаревшие конные экипажи. Остановки мелькали за окнами, кондукторы суежились с билетами, а воздух наполнялся запахом бензина...

Но была одна серьезная проблема — российские дороги, грязные и разбитые, быстро испортили чувствительную западную технику, и конные экипажи вновь заняли городские маршруты. Тем не менее шаг вперед был сделан, и вскоре на обновленные асфальтовые дороги хлынул поток новых моторизованных транспортных средств, окончательно вытеснив лошадей с загазованных автомагистралей.

Вторая половина XIX века в Казани также была ознаменована тем, что в 1844 году профессор Казанского университета Карл Карлович Клаус открыл новый химический элемент, названный рутением, в честь России (Ruthenia — это латинское название Руси). Это был единственный химический элемент, открытый в царской России и СССР до появления трансуранных элементов в конце XX века.

В 1899 году была основана Казанская обсерватория. Сделано это было на средства, завещанные астрономом и общественным деятелем Василием Павловичем Энгельгардтом, и оснастили ее также оборудованием, переданным Энгельгардтом Казанскому университету в 1897 году. Летом следующего года декан физико-математического факультета и ректор Казанского университета Дмитрий Иванович Дубяго подал ходатайство об отпуске средств и отводе земли для строительства обсерватории, и оно было удовлетворено. Закладка зданий обсерватории была произведена 7 марта 1899 года.

Кроме того, в 1841 году в Казани был открыт Родионовский институт благородных девиц — закрытое учебное заведение для дочерей дворян, финансируемое за счет средств, оставленных помещицей Анной Николаевной Родионовой (урожденной Нестеровой).

Строительство здания проходило с 1838 по 1842 год по проекту архитекторов М. П. Коринфского, Ф. И. Петонди и А. И. Песке. Институт был открыт в 1841 году и по указу императора Николая I получил официальное название Родионовский.

Среди выпускниц института было много известных женщин. Например, в период с 1863 по 1869 год там училась Вера

■ Казанский Родионовский институт благородных девиц.
Выпуск 1913/14

Фигнер, видная фигура революционного народнического движения. Она была отличницей и в 1869 году окончила институт первой среди учениц, получив «золотой» шарф с инициалами. Также Родионовский институт окончили сестра Веры, Лидия Фигнер, и сестра Льва Толстого Мария.

В 1918 году институт был закрыт. В 1941 году здание стало военным госпиталем, а с 1944 года там располагается Казанское суворовское военное училище.

В середине XIX века в Казани на средства Мариинского попечительства о слепых было открыто Училище для слепых детей (сейчас в этом здании располагается 2-я городская инфекционная больница).

В 1858 году в Казани прошло открытие Женского училища духовного ведомства для девушек из семей духовенства. А в 1890 году открылось второе училище для девочек духовного сословия, получившее название «Епархиальное».

В 1859 году была открыта названная в честь императрицы Марии Александровны Мариинская гимназия, которая имела статус женского училища первого разряда.

Важным событием для губернии стало открытие в 1874 году Казанского ветеринарного института, который

также стал известен благодаря своей научно-исследовательской деятельности. А в 1875 году на средства города было основано реальное училище, выпускники которого, в отличие от гимназистов, могли поступать только в технические высшие учебные заведения (кстати, среди его выпускников был В. М. Молотов, а его одноклассником был А. Я. Аросев, будущий полпред в Швеции, Латвии, Литве и Чехословакии, отец актрисы Ольги Аросевой).

В 1876 году была открыта Ксенинская гимназия (Вторая казанская), названная в честь великой княжны Ксении Александровны. А в 1877 году в Казани прошел IV Археологический съезд.

Постановлением Министерства народного просвещения Российской Империи в 1890 году в Казани были учреждены, как говорилось в резолюции императора Александра III, «соединенные среднее химико-техническое и низшее техническое училища с механической, химической и строительной специальностью». Это промышленное училище стало первым образовательным учреждением среднего химического профессионального образования в России. Оно было оснащено новейшим оборудованием. Например, профессор химии Казанского университета Алексей Андреевич Альбицкий отмечал, «что лаборатория Казанского промышленного училища значительно превосходит университетскую по своим удобствам».

Самым известным выпускником училища был Сергей Миронович Киров, который осенью 1901 года приехал в Казань и поступил в Казанское низшее училище за счет земства и Попечительского фонда своего родного города Уржума. В 1904 году он завершил образование, получив награду первой степени и оказавшись в пятерке лучших выпускников того года.

В 1919 году училище было преобразовано в Казанский политехнический институт.

В 1895 году под патронажем Петербургской Академии художеств была основана Казанская художественная школа, выпускавшая художников-преподавателей для средних учебных заведений. Среди ее преподавателей был прославившийся потом в Америке уроженец Казани Николай Иванович Фешин. После 1917 года школа была преобразована в Казанское художественное училище.

- Сергей Миронович Киров выступает на XVII съезде ВКП(б). 1934

По числу населения Казань занимает 8-е место в России; по сведениям за 1893 год, в городе насчитывалось 125 889 жителей (64 843 мужчин и 61 146 женщин). В последние годы казанское население значительно уменьшилось. Раньше, лет за 30, замечался необыкновенно быстрый рост населения: с 1858 до 1883 гг. оно увеличилось на 119,85% и достигло 140 726 человек; пять лет спустя (1888) оно уже не превышало 133 208 человек, а к 1893 году сократилось до указанной цифры. Причины этого явления до сих пор не выяснены.

ЛЕОНИД БОРИСОВИЧ
ВЕЙНБЕРГ
российский историк
и краевед

Глава двадцать вторая
КАЗАНЬ И ХИМИК
БУТЛЕРОВ

Знаменитый русский химик Александр Михайлович Бутлеров родился 3 сентября 1828 года в городе Чистополе Казанской губернии.

Он происходил из семьи потомственных дворян той же губернии: его отцом был участник Отечественной войны 1812 года Михаил Васильевич Бутлеров, а матерью — Софья Александровна Стрелкова (она на одиннадцатые сутки после его рождения скончалась).

Отец Александра участвовал в обороне Смоленска, в сражении при Бородино, а затем, в 1813 году, в сражении при Лютцене и в «Битве народов» под Лейпцигом. В 1814 году он отличился при взятии Реймса и был произведен в поручики. А в 1819 году был «уволен от службы с чином подполковника и с мундиром». Михаилу Васильевичу было пред-

■ Александр Михайлович Бутлеров. 1886

ложено место вице-губернатора, но он отказался от этого предложения и посвятил свою жизнь сельскому хозяйству в своем имении в Бутлеровке.

Крещен Александр был на шестой день после рождения в Богородицкой церкви села Красный Яр Чистопольского уезда. Это село принадлежало Ивану Васильевичу Бутлерову (брату Михаила Васильевича), который и стал крестным.

Александр первое время жил в имении своего деда, помещика Стрелкова, однако, по мере взросления, он стал проводить больше времени в деревне у своего отца. М. В. Бутлеров пользовался большим уважением и любовью среди знакомых. Он был образованным и любознательным человеком, который собрал замечательную библиотеку в Бутлеровке и с удовольствием читал как художественную литературу, так и книги по различным наукам. Эта любовь к чтению передалась и его сыну.

Несмотря на свою нежную привязанность к сыну, Бутлеров-старший не потакал ему, а, напротив, воспитывал в нем привычку к труду и к самостоятельности во всем. «Никаких репетиторов, доходи до всего самостоятельно, сам пробилай себе дорогу в жизни!» — таковы были принципы воспитания у М. В. Бутлерова.

В восьмилетнем возрасте Александр Бутлеров был привезен в Казань, в недавно открывшийся частный пансион Топорнина, находившийся на Верхне-Федоровской улице (ныне это улица Пушкина).

Товарищ Александра Бутлерова по пансиону В. Н. Назарьев так потом вспоминал день их приезда: «В один из праздничных дней, когда мы попарно, с “неистовым” Роландом во главе, возвратились от обедни, в приемную вошел почтенный благообразный господин, казанский помещик Бутлеров, в сопровождении очень похожего на него мальчика, в серой курточке, с открытой шеей и большим отложным воротничком рубашки. Мальчик, точно предчувствуя беду, прижимался к отцу и робко осматривал своих будущих товарищей. После обычных переговоров, солидный господин удалился, а миловидный мальчик остался в пансионе, поместившись в одной комнате со мной».

Сам Александр потом описывал это так: «Вдруг меня вздумали везти в пансион в Казань учиться. Вот это-то уже

было для меня совершенно громовым ударом, ибо я тогда еще не понимал своей пользы, но, несмотря на это, я был отвезен в пансион; там я сначала очень плакал, а потом привык, слезы мои перестали литься, и я стал более думать об ученье и о том, чтоб чрез это доставить утешение папеньке и моим родным, нежели о том, чтобы возвратиться домой в деревню».

В этом пансионе и началось первое знакомство Александра Бутлерова с химией.

После одного из неудачных опытов, закончившегося взрывом, на грудь юного Бутлерова педагоги повесили черную доску с иронической надписью «Великий Химик». Как это нередко бывает, сама жизнь изобличила «изобретательность» педагогов, ибо их ирония стала впоследствии воплощенной действительностью.

РЕНАТ ХАЙРУЛЛОВИЧ

БИКБУЛАТОВ

российский историк, краевед
и писатель

Удивительным образом Саша Бутлеров спровоцировал оглушительный взрыв, опалил себе брови и волосы, и его в наказание выставили на всеобщее обозрение с унижительной табличкой на груди, и при этом преподаватели и представить не могли, что именно этот незадачливый ученик через некоторое время создаст теорию химического строения органических веществ, которая прославит его навсегда.

В 1842 году пансион Топорнина сгорел во время большого пожара, охватившего тогда Казань. И отец устроил сына в Первую казанскую гимназию, директором которой в то время был его родственник Николай Алексеевич Галкин.

Александр отличался живым и приветливым характером, преподаватели ценили его способности. Учение давалось ему легко, экзамены он сдавал на «отлично».

Гимназию Бутлеров окончил в 1844 году, а в 1845 году он стал студентом естественного отделения физико-математического факультета Казанского университета.

Стоит отметить, что отец хотел видеть сына математиком типа Н.И. Лобачевского, и действительно, Александр был сначала принят студентом по разряду математических наук и только потом перемещен в разряд естественных наук. И поначалу он предпочел стать естествоиспытателем и изучать природу.

К сожалению, отец не увидел, как сын окончил университет и стал великим ученым. В 1846 году Александр Бутлеров, во время экспедиции в киргизские степи, заболел брюшным тифом. Отец тотчас же примчался к нему из своего поместья, но, ухаживая за сыном, сам заразился и умер. Ему было 58 лет.

А Александр продолжил обучение в университете, где он стал все больше и больше интересоваться химией, и это не удивительно, ведь преподавателями тогда были известные ученые Карл Карлович Клаус и Николай Николаевич Зинин (оба будущие академики Санкт-Петербургской академии наук). Сами с увлечением занимаясь химией, они умели заинтересовать ею и слушателей. Их влияние, несомненно, решило судьбу Александра Бутлерова. Именно наставники и внушили молодому студенту беспредельную веру в избранную им науку.

Тем не менее, когда в 1849 году А.М. Бутлеров окончил Казанский университет, он не стал химиком. Его дипломная работа была посвящена... бабочкам Волги и Урала. В том же 1849 году Н.И. Лобачевский предложил «присоединить г. Бутлерова к университету в надежде видеть в нем полезного преподавателя и достойного ученого».

22-летний Бутлеров совмещал преподавание с активной научной деятельностью. В 1850 году он успешно сдал экзамен на степень магистра химии, продемонстрировав при этом глубокие теоретические знания. Вскоре Совет университета назначил А.М. Бутлерова адъюнктом (ассистентом) на кафедре химии.

Бутлеров был выдающимся преподавателем. Писатель Петр Дмитриевич Боборыкин, который был его слушателем, в своих воспоминаниях отмечает: «Для многих из нас Бутлеров представлялся чем-то совершенно выделявшимся из профессорской братии – и по внешнему виду своему, и по манере держать себя, и по голосу, помимо уже чисто

■ Бутлеров с коллегами. 1867

умственных качеств. Его появление в аудитории внесло с собою нечто оживляющее, точно праздничное, чрезвычайно интересное само по себе».

С 1852 года, после перехода К.К. Клауса в Дерптский университет, Бутлеров возглавил преподавание всей химии в Казанском университете. А в 1854 году, уже в Московском университете, он блестяще защитил диссертацию под названием «Об эфирных маслах» и получил докторскую степень.

К этому времени он уже был женат на Надежде Михайловне Глумиловой – кстати, племяннице С.Т. Аксакова, о котором будет рассказано ниже.

С 1854 года Бутлеров работал экстраординарным, а с 1857 года – ординарным профессором химии в Казанском университете.

В 1857 году он отправился в зарубежную научную командировку. Будучи живым и любознательным, свободно владеющим немецким и французским языками, он извлек значительную пользу из встреч с выдающимися европейскими учеными, что способствовало его научному развитию.

С новой энергией Александр Михайлович принялся за научную работу и в короткие сроки выпустил несколько высококлассных исследований. У него возникли новые идеи о химическом строении органических тел.

Он почувствовал необходимость обсудить свои взгляды с европейскими коллегами и, получив вторую заграничную

командировку, в 1861 году вновь посетил ведущие лаборатории Германии, Франции и Бельгии. В Германии он представил известный доклад «О химическом строении тел», в котором смело изложил свои идеи, ставшие основой современной теории химического строения органических соединений. Этот успех укрепил его уверенность в необходимости продолжения научной работы.

Вернувшись в Казань, Бутлеров три года занимал пост ректора университета и почти два года работал над учебником. Его книга «Введение к полному изучению органической химии» была издана в трех частях в 1864–1866 гг. и произвела настоящую революцию в химической науке, будучи переведенной на все основные европейские языки. Известный химик-органик Александр Михайлович Зайцев, родившийся в Казани, отмечал, что «эта теория явилась в руках всех химиков той нитью Ариадны, которая их проводит в запутанном лабиринте природных веществ».

Выдающаяся роль Бутлерова в создании нового направления в химии и его значительные экспериментальные работы принесли ему широкую известность как в России, так и за границей, сделав его одним из самых передовых европейских химиков.

В 1867 году Совет Санкт-Петербургского университета, по предложению Д.И. Менделеева, пригласил Бутлерова занять кафедру органической химии. К сожалению, это реше-

■ Лаборатория в Казани. 1860-е

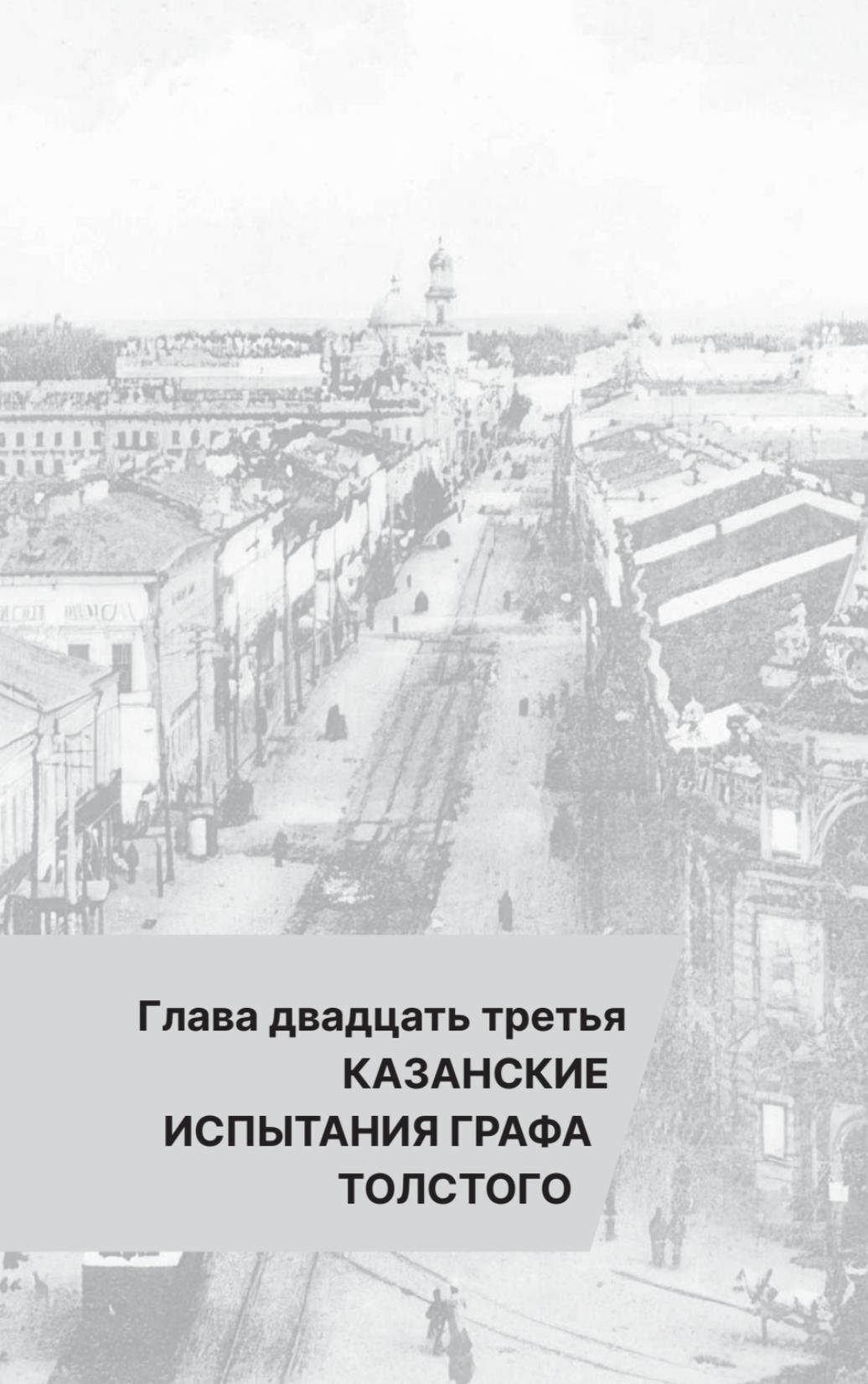
ние огорчило его коллег из Казани, так как Бутлеров принял это предложение. В конце 1868 года Казанский университет попрощался с талантливым ученым и избрал его своим почетным членом Совета.

Так закончился казанский период жизни и деятельности А.М. Бутлерова.

Потом 16 лет Александр Михайлович работал в Санкт-Петербурге, а умер он 5 августа 1886 года и был похоронен в своем имении в селе Бутлеровка Казанской губернии. Ему было 58 лет от роду, и он умер в звании академика, заслуженного профессора Санкт-Петербургского университета и Высших женских курсов (будучи поборником высшего образования для женщин, он участвовал в их организации и создал химические лаборатории для этих курсов). А еще он был почетным членом Казанского, Московского, Киевского университетов, Военно-медицинской академии и др., членом нескольких ученых обществ Европы и Америки.

Сейчас имя А.М. Бутлерова носит одна из улиц Вахитовского района Казани (ранее она называлась Ново-Горшечной улицей). Дом, где жил великий химик в 1852–1864 гг. (улица Карла Маркса, 27/11), отмечен мемориальной доской. Установлена мемориальная доска и на здании Научно-исследовательского химического института имени А. М. Бутлерова, где в полукруглой аудитории, которая носит название «Бутлеровской», все сохранилось в том виде, как было при жизни целой плеяды казанских ученых, труды которых составляют золотой фонд мировой химической науки. В начале XX века в ней был установлен бюст А. М. Бутлерова.

В сентябре 1978 года, во время Всесоюзной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения А. М. Бутлерова, в Казани состоялось торжественное открытие монументального памятника этому выдающемуся ученому. Его авторы – скульптор Ю. Г. Орехов и архитекторы В. А. Петербуржцев и А. В. Степанов. Бронзовый памятник на гранитном основании стоит в сквере неподалеку от университета, ректором которого Александр Михайлович был с 1860 по 1863 год.

Глава двадцать третья
КАЗАНСКИЕ
ИСПЫТАНИЯ ГРАФА
ТОЛСТОГО

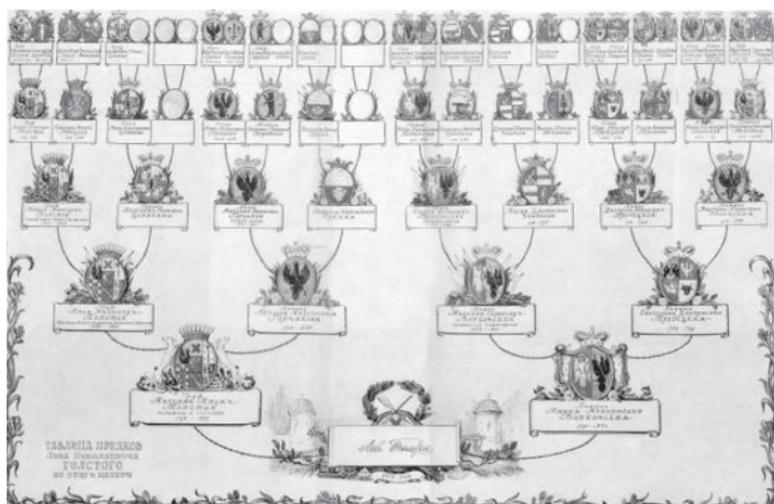
Граф Николай Ильич Толстой был женат на Марии Николаевне Волконской, и у супругов было четыре сына и дочь: Николай, Сергей, Дмитрий, Лев и Мария.

Мария Николаевна умерла 4 августа 1830 года в Ясной Поляне, а 21 июня 1837 года не стало и главы семьи: поехав по делам в Тулу, он прямо на улице потерял сознание и скоропостижно скончался от, как тогда говорили, «кроволяного удара».

После смерти родителей опекуном осиротевших юных Толстых стала их родная тетка – казанская помещица Пе-

- Дом, где родился Лев Толстой, 1828 г. В 1854 году дом проигран писателем в карты, разобран и вывезен в село Долгое. Сломан в 1913 г.

■ Генеалогическое древо Льва Толстого

лагей Ильинична Юшкова. В 1841 году 13-летний Лев Толстой с братьями и сестрой переехал в Казань и поселился у нее в доме на Поперечно-Казанской улице (ныне это улица Япеева, 15).

На самом деле, Казань для Льва Толстого была городом хорошо знакомым. Дело в том, что прадед Льва Николаевича, граф Андрей Иванович Толстой (1721–1803), в 1754–1759 гг. служил секунд-майором в Казанском гарнизоне, а его дед, Илья Андреевич Толстой (1757–1820), был в 1815–1820 гг. казанским губернатором.

И.А. Толстой сразу же не поладил с местным дворянством, которое принялось засыпать столицу жалобами на его «великие злоупотребления». Карьера этого графа Толстого закончилась через пять лет, когда прибывшие из Санкт-Петербурга в качестве ревизоров два сенатора обнаружили незаконно сделанный им заем средств Приказа общественного призрения (5000 рублей) и недостачу вверенных ему сумм на почти 10 000 рублей. Причиной нарушений был объявлен «недостаток знания в должности правителя губернии». Естественно, Илью Андреевича отстранили от должности, а вскоре он умер, и при этом подозревали даже самоубийство (всего за ним числилось на тот момент до полумиллиона долгов). Отец будущего писателя, Николай Ильич Толстой

(1794–1837), участник Отечественной войны 1812 года, вышел в отставку в 1824 году в чине полковника, а его сестра, Пелагея Ильинична, вышедшая замуж за отставного гусарского полковника, казанского помещика Владимира Ивановича Юшкова, постоянно жила в Казани с 1817 года.

Граф Илья Андреевич Толстой был похоронен на кладбище Кизического монастыря в Казани, а его младшая дочь, Пелагея Ильинична, в 1841 году взяла на себя роль опекуни своих несовершеннолетних племянников (совершеннолетним был только старший – Николай) и племянницы. Ее муж, Владимир Иванович Юшков, предводитель уездного дворянства, проживал в Казани и в своем имении в селе Паново Лаишевского уезда Казанской губернии. Своих детей он не имел, поэтому с готовностью принял на себя обязанности опекуна осиротевших племянников жены.

Старшие братья Льва учились в Казанском университете, а сестра Мария – в Родионовском институте благородных девиц. Для Льва Николаевича были открыты двери всех аристократических домов Казани.

РЕНАТ ХАЙРУЛЛОВИЧ

БИКБУЛАТОВ

российский историк, краевед
и писатель

В 1844 году 16-летний Лев Толстой поступил в Казанский университет на философский факультет по разряду восточной словесности, но вскоре перешел на юридический факультет, где его увлекли лекции профессора Дмитрия Ивановича Мейера. Именно там будущий писатель стал серьезно заниматься наукой.

Но не все шло гладко. Сначала в университете Лев Толстой изучал восточные языки: арабский и турецкий. Но учился будущий гений, мягко скажем, не очень хорошо. Некоторые из экзаменов ему даже пришлось сдавать по два раза. Да и саму учебу он не полюбил: на скучных, как ему казалось, лекциях он в основном читал газеты на последней парте.

После перехода на другой факультет тоже пошли проблемы: в основном – с историей, а точнее – с ее преподавателем Ивановым, человеком придирчивым и жестким, которого побаивались все студенты. Иванов терпеть не мог любого проявления вольнодумства, и у него с Толстым вышел серьезный конфликт. За прогулы его лекций будущий писатель даже был отправлен в карцер.

Иное дело – юридические науки. Профессор Мейер сумел по-настоящему увлечь Толстого. Но ему глубоко не нравилась сама университетская система обучения в целом, обязывавшая студента заниматься многими предметами сразу, в том числе и теми, которые не вызывали у него никакой заинтересованности. Эта система, как считал Толстой, лишала человека свободы.

Параллельно учебе, в первые же годы студенчества Толстой вошел в казанское светское общество, жизнь которого отличалась множеством всяких развлечений. «Весело проходит зима в Казани. Бал за балом, маскарад за маскарадом», – сообщала газета «Казанские губернские ведомости» в №5 за 1844 год. Родовитый молодой человек был везде желанным гостем. Историк и краевед Н.П. Загоскин отмечал: «Казанские старожилы помнят его на всех балах, вечерах и великосветских собраниях, всюду приглашаемым, всюду танцующим».

Известно, что молодой граф Толстой бывал в доме попечителя Казанского учебного округа М.Н. Мусина-Пушкина, в усадьбе казанского военного губернатора И.А. Баратынского.

Он посещал концерты итальянского тенора Джованни Рубини и театральные постановки. Огромное впечатление произвела на Толстого игра замечательного русского артиста Александра Евстафьевича Мартынова. Особенно великолепен, по мнению Толстого, тот был в роли Хлестакова. «За всю свою жизнь, – утверждал писатель уже в старости, – я не видел актера выше Мартынова».

Кроме того, Лев Толстой был постоянным посетителем салона директрисы Института благородных девиц Е.Д. Загоскиной, одной из умнейших женщин Казани. У нее собирались любители музицировать и петь, и ее салон был известен тем, что организовывал концерты в залах института и университета.

Где обитал тогда студент и якобы будущий юрист? В 1845 году княгиня Юшкова сняла дом Киселевского на окраинной улице Арского поля (сейчас этот дом по ул. Толстого, 25/68 отмечен мемориальной доской, как и иные толстовские места в Казани). Лев Николаевич занимал здесь комнату. В комнате Л.Н. Толстого все чаще происходили споры на извечные темы: в чем смысл жизни, в чем ее правда? И, как выясняется, на тихой улочке Арского поля жил не такой уж беспечный студент юридического факультета Казанского университета, каким многие годы пытались изобразить его историки. Толстой-юноша получал здесь первые жизненные уроки, здесь у него зародились ростки того презрения к праздности дворянского общества, срывание масок с которого впоследствии стало смыслом его неистовой, титанической писательской и общественной деятельности. Именно в Казани Толстой-юноша активно включается в культурную жизнь города.

РЕНАТ ХАЙРУЛЛОВИЧ
БИКБУЛАТОВ
российский историк, краевед
и писатель

Понятно, что активная светская жизнь мешала сосредоточиться на учебе. И вот 25 августа 1845 года он подал прошение проректору К.К. Фойгту о переводе его на юридический факультет. Но и там на экзаменах по уголовному праву у профессора Г.Л. Фогеля он получил «2» и за «успехи», и за «прилежание». После этого профессор Д.И. Мейер (кстати, организатор первой юридической консультации в Казани) так сказал о Льве Толстом: «У него нет охоты серьезно заниматься, а это жаль: у него такие выразительные черты лица, умные глаза, что я убежден, что при доброй воле и самостоятельности он мог бы сделаться замечательным человеком».

Весной 1847 года, проучившись два с половиной года, он бросил университет и уехал в Ясную Поляну. Ему не было и 19 лет.

■ Лев Толстой в юности, зрелости, старости

Точнее, он не бросил. 12 апреля 1847 года он подал прошение на имя ректора Ивана Михайловича Симонова об исключении его из числа студентов «по расстроенному здоровью и домашним обстоятельствам». Узнав об этом, помощник попечителя учебного округа Н.И. Лобачевский при встрече со Львом Толстым произнес: «Было бы очень печально, если бы Ваши выдающиеся способности не нашли себе применения».

23 апреля 1847 года Толстой покинул Казань.

Позднее, в 1904 году, он написал: «Когда я был в Казани в университете, я первый год действительно ничего не делал. На второй год я стал заниматься. Тогда там был профессор Мейер, который заинтересовался мною и дал мне работу — сравнение “Наказа” Екатерины с “Esprit des lois” [“Дух законов”. – *Авт.*] Монтескье. И я помню, меня эта работа увлекла; я уехал в деревню, стал читать Монтескье, это чтение открыло мне бесконечные горизонты; я стал читать Руссо и бросил университет, именно потому, что захотел заниматься».

А в 1906 году Лев Толстой констатировал: «Я всю жизнь не мог слушать лекции, я учился по книгам».

Он и в самом деле читал все, что продавалось тогда в книжных лавках Казани, которых было множество. Известно, что Лев Толстой был постоянным посетителем двух книжных магазинов, расположенных на улице Воскресенской. Там

была широко представлена русская и иностранная литература, и в них он и приобретал прочитанные им в студенческие годы книги А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Лоренса Стерна, Жан-Жака Руссо и др.

По сути, в отношениях Льва Николаевича с Казанским университетом отразилась сущность Толстого как гражданина, писателя и мыслителя. Он был свободным человеком, бунтарем, тем, кто разрушает каноны и живет не как все.

Уехав из Казани, Лев Николаевич впоследствии посещал ее трижды. В 1851 году, направляясь на военную службу на Кавказ, он неделю провел в Казани. А в 1862 и в 1876 гг. он бывал в Казани во время стоянок парохода, когда совершал поездки в Самарскую губернию.

Можно смело утверждать, что именно в Казани Лев Николаевич Толстой родился как личность и именно там у него возникла потребность стать писателем. И Казань не забыла Льва Николаевича. В сквере рядом с домом, в котором некогда жил студент Толстой, в 1949 году был установлен бронзовый бюст писателя, выполненный скульптором В.В. Пинчуком и архитектором В.В. Кривошеиной. И улица, проходящая через «толстовский» сквер, носит имя писателя. А в старом доме на улице Япеева расположен музейно-образовательный центр имени Л.Н. Толстого.

Глава двадцать четвертая
КАЗАНСКИЕ
ВПЕЧАТЛЕНИЯ
АЛЕКСАНДРА ДЮМА

Граф Григорий Александрович Кушелёв-Безбородко и его супруга Любовь Ивановна в 1858 году, путешествуя после свадьбы по Европе, познакомились в Париже со знаменитым французским романистом Александром Дюма и пригласили его посетить Россию. Автор «Трёх мушкетеров» с благодарностью принял приглашение, и это неудивительно, ведь его страстью были путешествия.

15 июня 1858 года он выехал из Парижа и возвратился домой только 2 марта 1859 года. За это время он успел побывать в Санкт-Петербурге, Москве, Нижнем Новгороде, Астрахани, Баку, Тифлисе и других городах. Побывал он и в Казани. Россия восхитила писателя, и результатом поездки стали четыре громадных тома путевых заметок.

Об этом путешествии Дюма восторженно писал: «Путешествовать – это жить в полном смысле слова, это забыть о прошлом и будущем во имя настоящего. Это дышать полной грудью, наслаждаться всем, овладевать творением как чем-то тебе принадлежащим».

В Казань Александр Дюма прибыл 27 сентября 1858 года, примерно в шесть часов вечера. Сам он потом писал:

С первыми тенями сумерек мы увидели на холме в шести-семи верстах от реки минареты древнего татарского города. Уже стемнело, когда мы бросили якорь и высадились на крутом берегу, изрезанном оврагами. Мы взяли двое дрожек для себя и телегу для багажа. После десятиминутной тряски по рытвинам и ухабам

■ Александр Дюма. 1855

мы каким-то чудом без происшествий добрались до места назначения.

Великий французский романист остановился в гостинице пароходного общества «Меркурий» в Адмиралтейской слободе.

Казань – один из тех городов, что предстают перед вами в дымке истории. Ее татарские воспоминания здесь особенно свежи. Казань с ее восточными воспоминаниями и исламом имеет девятьсот восемьдесят улиц, десять мостов, четыре тысячи триста домов, много церквей, монастырей, десять мечетей, две гостиницы для путешествен-

ников, семь трактиров, два кабака, пятьдесят две тысячи двести сорок четыре жителя, из которых пятнадцать тысяч магометан. Наша гостиница была расположена так, что мы могли увидеть Казань, лишь пройдя полверсты. Далее была огромная дамба длиною в пять верст, такая прямая, будто ее строили по бечевке. Увиденная с дамбы Казань словно поднимается из глубин огромного озера. Открываясь взору со своим старым Кремлем, она являет собою зрелище самое фантастическое.

Дюма никого толком не знал в Казани, но на следующий день вся Казань уже узнала о его приезде, и ему в условиях местного гостеприимства уже не о чем было беспокоиться: ни о питании, ни о житейских мелочах, ни о сопровождающих.

На подступах к Казани мы прошли огромную протоку под названием Булак. Я не знаю ничего более живописного, чем длинная цепочка деревянных домов, которые выстроены по ту сторону Булака, и сотнями окон каждый вечер загорается огонек, создавая подобие праздничной иллюминации. Здесь церковь и мечеть соседствуют и являют пример такого братского дружества меж крестом и полумесяцем, какое, пожалуй, можно встретить только в Казани.

Гидом Дюма в Казани стал генерал-интендант Яблоновский, к которому у француза было рекомендательное письмо. Яблоновским его называет сам Дюма, однако на самом деле он был не генерал, а полковник интендантской службы, и фамилия его была не Яблоновский, а Жуковский.

Этот самый «Яблоновский», по словам Дюма, оказался «очаровательным человеком», и он тотчас же предложил путешественнику свой дом и экипаж. Не менее очаровательным и обязательным оказался другой казанец – «le général Lahn» (на самом деле это был начальник отдела окружного управления путей сообщения Фридрих Ипполитович Лан).

Новые друзья одаривали Дюма подарками: он получил охотничью сумку от «генерала Лана» и тюфяк с подушками от «Яблоновского». Дюма также был принят ректором

университета, известным востоковедом Осипом Михайловичем Ковалевским.

«Яблоновский» показал Дюма достопримечательности Казани, и вот что об этом написал потом знаменитый автор «Трех мушкетеров» и «Графа Монте-Кристо»:

Начали с Кремля, Спасская башня, башня Сююмбике. Здесь Иван Грозный и царица Сююмбике – самые популярные исторические личности в Казани, один – потому что сделал городу много зла, другая – потому что сделала городу много добра. Побывали мы и в соборе, где хранится чудотворная икона, известная всей России как икона Казанской Божьей Матери. Осмотрев Кремль и собор, мы пошли по лавкам. Казань славится кожами и мехами. Думаю, что ни в каком другом городе на свете так не выделывают кожу, как в Казани. Привез домой три-четыре вещи, являющие собой чудо выделки: охотничью сумку, диванную подушку, патронташ, которые мне подарили, и сапоги, которые я сам купил, и все это оставляет далеко позади лучшие изделия кож Франции и всей России. После кож идут меха. В Казани есть прекрасные меха всех сортов, от медведя до куницы, белки, голубого песца. Хорошая медвежья шкура, какая продается по пятьдесят рублей в Москве и по четыреста франков в Париже, в Казани стоит двадцать рублей (то есть восемьдесят франков).

А вот что пишет об этом краевед Н.П. Загоскин: «Дюма нарасхват, его приглашали на обеды, вечера, рауты, просили сняться в только что появившейся перед тем в Казани фотографии. Дюма сделался положительно “модю” казанской общественности. Держал себя французский романист довольно странно: он носил во все время своего пребывания здесь костюм русского ополченца, весьма бесцеремонно заявляя, что “оставил свой европейский костюм в последнем европейском городе”. Местные газеты писали, что Дюма – добродушный великан (его рост достигал 180 см – редкость по тем временам), преисполнен жизни. Она кипит в нем, кипит и возле него. И хотя ему уже много лет, и он полноват, но он еще красив, с сияющими голубыми глазами. И он очень нравится женщинам. Дюма побы-

■ Александр Дюма в кавказской черкеске и папахе. 1859

вал в нескольких “благородных” домах, много ходил по городу, интересовался и книжными лавками. Расспрашивал про свои произведения. В одной из лавок ему предложили “Графа Монте-Кристо” с портретом автора, весьма далеким от оригинала. Громко расхохотавшись, Дюма немедленно приобрел эту книгу: “Я буду во Франции пугать детей этим портретом!” – воскликнул он».

Для французского гостя устраивались обеды, была организована охота на зайцев в окрестностях Казани, хотя пароход «Нахимов», на котором Дюма должен отплыть вниз по Волге, скоро должен был отойти от пристани.

«Général Lahn» взялся устроить дело. «Он шепнул словцо на ушко полицеймейстеру, и полицеймейстер обещал, что судовые документы «Нахимова» будут в по-

рядке не раньше, как на следующий день после охоты. Деспотизм доставляет достаточно неудобств, но на этот раз как он был приятен!» – восклицает Дюма. Все эти казанские обеды, подарки, охоты и приятные «деспотизмы» заставили Дюма сделать вывод: «Я не знаю путешествия более легкого, покойного и приятного, чем путешествие по России. Услужливость всякого рода, приношения всякого вида всюду сопутствуют вам: каждый человек с положением, офицер в чинах или известный коммерсант говорят по-французски и тотчас же отдают в ваше распоряжение свой дом, свой стол, свой экипаж... Путешествие по России – одно из самых прекрасных, которые я совершил».

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ
ДУРЫЛИН
русский литературовед,
писатель и поэт

Дюма выехал из Казани, снабженный рекомендациями, обеспечивавшими ему удобство дальнейшего путешествия: тот же «général Lahn» дал ему письмо к своему другу, атаману Астраханского казачьего войска, генералу Николаю Петровичу Беклемишеву.

Русские власти, заботясь о знаменитом путешественнике, передавали его друг другу с рук на руки.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ
ДУРЫЛИН
русский литературовед,
писатель и поэт

Но что интересно, в тот же день, 4 октября 1858 года, в Санкт-Петербург шефу жандармов ушло секретное донесение, в котором говорилось: «Французский писатель Александр Дюма во время своего пребывания в Казани не посещал никакого общества высшего круга – жил все время в конторе общества “Меркурий” в самой отдаленной части города, посещал дом Жуковского, управляющего Казанскою

комиссариатской комиссией, которому был рекомендован из Санкт-Петербурга, и часто по целым дням пребывал в семействе подполковника путей сообщения Лана; посетил университет, где два раза был приглашен на чай к ректору. <...> 4 октября Дюма отправился на пароходе через Самару в Астрахань, туда <...> предписано штаб-офицерам – самарскому и астраханскому – иметь за Дюма секретное наблюдение».

Почему же российские власти следили за французским писателем?

Дело в том, что в 1840 году Дюма издал роман «Записки учителя фехтования», где увлекательно рассказывалось о безумных потехах Анны Иоанновны и интимной жизни Екатерины II, об убийствах Петра III и Павла I. Поэтому неудивительно, что причин для слежки за писателем было более, чем достаточно. И дело это держалось на самом высоком контроле. Во всяком случае, когда шеф Отдельного корпуса жандармов князь Василий Андреевич Долгоруков получил донесение из Казани, он довел его до сведения самого императора, после чего появилась запись: «Доложено Его Величеству 19 октября».

**Глава двадцать пятая
ШАЛЯПИНСКИЕ
МЕСТА В КАЗАНИ**

Федор Иванович Шаляпин, выдающийся русский оперный и камерный певец (высокий бас), родился в Казани 1 (13) февраля 1873 года. Его отец, Иван Яковлевич Шаляпин, был крестьянином, приписанным к деревне Сырцевы в Вятском уезде Вятской губернии. Мать Федора, Евдокия Михайловна (в девичестве Прозорова), также происходила из крестьянской семьи и была родом из деревни Дудинской в той же губернии. Иван Яковлевич и Евдокия Михайловна поженились 27 января 1863 года в Преображенской церкви села Вожгалы. В поисках лучшей жизни они часто меняли место жительства и с 1872 года обосновались в Казани, в Суконной слободе.

Иван Яковлевич нанимался дворником, работал на свечном заводе, а после того, как некий добрый пономарь обучил его грамоте, служил помощником писаря в волостном правлении Казанского уезда.

В Казани, в деревянном флигеле дома купца-старообрядца Павла Демидовича Лисицына, и родился будущий певец. Дом этот находился на улице Рыбнорядской (ныне это улица Пушкина, 10).

Кстати, есть версия, что Федор Шаляпин родился в доме Перцова, а к Лисицыну семья переехала позже, но подтверждения этой версии нет.

От дома Лисицына до земской управы, где в то время служил Иван Яковлевич, было несколько минут ходу. Она располагалась в доме отставного полковника Н.И. Вишнякова на Воскресенской улице, в двух шагах от университета.

■ Федор Шаляпин и Иола Торнаги. 1890-е

Благоустройством Казань тогда не могла похвастаться, хотя она и была одним из больших губернских городов того времени. Население ее в 1873 году составляло 91 827 человек. Из 4360 жилых домов всего 690 были каменными. Многие деревянные дома стояли в тесноте и были одной из главных причин опустошительных пожаров. Город страдал от недостатка чистой воды, не имел средств на устройство водопровода. Лишь треть улиц была замощена, улицы были грязными, убирались арестантами. Город не имел освещения – газовые фонари появились только на следующий год, и то лишь на центральных улицах. А еще через год открылась конно-железная дорога, которую в 1870 году начал проектировать и строить инженер, штабс-капитан Павел Петрович

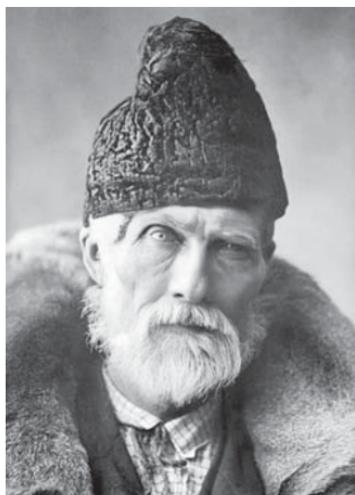
Панаев, двоюродный брат владельца Панаевского сада. Рыбнорядская площадь долгое время славилась тем, что сюда в базарные дни съезжались для торга десятки крестьянских подвод. <...> После дождей площадь превращалась в огромное озеро, и люди преодолевали его чуть ли не по колено в грязи.

СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
ГОЛЬЦМАН
российский журналист и
краевед

По Рыбнорядской улице, ведущей от площади к театру, вдоль ее центра располагалась длинная линия деревянных лавок, где продавали хлеб, воблу, спички, лапти и различные товары первой необходимости. При этом Казань являлась важным общественно-политическим и культурным центром Поволжья. Это был третий университетский город в России – со множеством средних и начальных учебных заведений, а Казанский театр был известен как один из лучших в стране.

Во второй половине 19-го века на развилке улицы Рыбнорядской и Собачьего переулка (ныне улица Некрасова) стоял с тремя небольшими деревянными флигелями двухэтажный каменный дом старообрядца Павла Демидовича Лисицына, казанского цехового торговца железным товаром. К тому времени только начали появляться каменные строения, которые в конце концов окружили дом, и через десяток лет он оказался во дворе с выходом на улицу и в переулок. В одном из тех деревянных флигельков и родился будущий великий артист Федор Иванович Шаляпин. Домик этот сейчас, к сожалению, не сохранился, его снес, вернее разобрал на дрова в годы гражданской войны новый владелец.

СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
ГОЛЬЦМАН
российский журналист
и краевед

■ Иван Шаляпин – отец Федора. 1890-е

Дом Лисицына сейчас является памятником истории и архитектуры, а также объектом культурного наследия республиканского значения. От старинного здания остались лишь несущие стены, и оно почти потерялось среди величественных современных зданий.

На следующий день после рождения Федора его крестили в церкви Богоявления, расположенной на Большой Проломной улице (в настоящее время это улица Баумана), о чем была сделана запись в церковной метрической книге.

Семья Шаляпиных часто меняла место жительства. В феврале — апреле 1873 года Евдокия Шаляпина жила с новорожденным сыном в качестве кормилицы у пристава Н. А. Чирикова в селе Ключи Казанского уезда. Кстати, молочным братом будущего певца был младший брат писателя и публициста Евгения Николаевича Чирикова, впоследствии ставший одним из близких друзей Шаляпина. Отец работал в это время помощником волостного писаря в селе Ильинском. В апреле семья снова возвратилась в дом купца Лисицына.

В 1874 году отец Шаляпина служил в Казанской уездной земской управе в должности писца. На следующий год семья переехала в Суконную слободу, в так называемые Ометьевские выселки. Там в построенных безо всякого плана небольших хибарках ютилась городская беднота. Семья Шаляпиных

квартировала за полтора рубля в одном из таких домишек, у мельника Тихона Карповича Григорьева.

В Ометьево в семье Шаляпиных родилась дочь, которую назвали Евдокией – в честь матери. Сегодня Ометьево представляет собой микрорайон Казани, расположенный практически в центре города. Однако в то время в деревне было 47 дворов и 290 жителей, которые в основном зарабатывали на жизнь торговлей на городских рынках. Множество крестьян из Ометьево также работали извозчиками в Казани.

В июле 1876 года в Кошачковском волостном правлении освободилось место писаря, и Иван Яковлевич вместе с семьей переехал в село Кошачково, находящееся в 17 километрах от Казани. Там у Шаляпиных родился еще один сын – Николай. Вскоре Иван Яковлевич вернулся в Казань и начал работать помощником смотрителя земского арестного дома в Плетенях, а семья нашла новое жилье в Ново-Татарской слободе.

В детстве Федор был певчим в церковном хоре. Мальчиком его отдали на обучение сапожному делу к Н.А. Тонкову (его крестному отцу), а затем – к В.А. Андрееву. Работая помощником сапожника, церковный хор он не бросал, но пел только за обеднями, а на свадьбах и похоронах не мог – не хватало времени.

В сентябре 1880 года юный Федя начал ходить в частную подготовительную школу В.С. Ведерниковой в доме Лисицына. Детей там учили арифметике, русскому языку, чистописанию, рукоделию и закону Божьему. Когда мальчик научился сносно читать и считать, Шаляпины перевели его в 4-е приходское училище на Почтамтской улице (ныне это улица Лобачевского), но учился он там недолго.

Летом 1881 года семья переехала в Собачий переулок, в дом мещанина И.С. Клычева (ныне это улица Некрасова, 27). Шаляпины снимали квартиру в двухэтажном доме в течение нескольких месяцев (в настоящий момент этот дом снесен).

Зимой 1881 года они переехали в Суконную слободу, где поселились в доме Варвары Николаевны Пикулиной (улица Тихомирнова, 5). Шаляпины занимали две маленькие комнаты подвального этажа (этот дом в настоящий момент также снесен).

В 1882 году в Казани бушевала эпидемия скарлатины, от которой умерли брат Шаляпина Николай и сестра Евдокия, а он сам едва остался в живых.

В доме В.Н. Пикулиной Шаляпины жили дольше всего. Федор провел «на Суконке» основную часть детства и раннюю юность.

С 1 октября 1882 по 1885 год Федор Шаляпин учился в 6-м городском приходском мужском училище на улице Георгиевской (так называлась улица Свердлова – ныне Петербургская). Это училище считалось одним из лучших в городе и размещалось в двухэтажном доме купца Суслова, прямо напротив дома В.Н. Пикулиной. Любимым учителем Федора там был Николай Васильевич Башмаков, дружбу с которым Шаляпин сохранил на всю жизнь. Позднее, приезжая в Казань, он обязательно встречался со своим учителем. А Н.В. Башмаков, вспоминая о своем ученике, говорил, что в школе Федор учился хорошо, с первого класса обнаружив способности понятливого и любознательного ученика.

Позднее Федор Иванович вспоминал: «Учитель Башмаков оказался любителем хорового пения, и у него была скрипка. Этот инструмент давно и страшно нравился мне. И вот я стал уговаривать отца купить мне скрипку – мне казалось, что научиться играть на ней очень легко. Из денег, которые утаивались мною от жалованья, я не мог купить: это открыло бы отцу, что я не весь заработок отдаю ему. Да и, признаться, жалко мне было своих денег. Я умел и мог потратить их с наименьшим удовольствием. Отец купил мне скрипку на “толчке” за два рубля. Я был безумно рад и тотчас же начал пилить смычком по струнам. <...> Я довольно быстро выучил первую позицию, но дальше не пошло – не было никого, кто показал бы мне, как учиться дальше».

В мае 1885 года Шаляпин завершил обучение в училище, получив высший балл за сочинение, а также за великолепное исполнение произведений «Степь» А.В. Кольцова и «Бородино» М.Ю. Лермонтова на выпускном экзамене. 15 сентября он участвовал в торжественном выпускном мероприятии городских начальных училищ, которое проходило в зале городской Думы (сейчас это здание мэра Казани, расположенное рядом с кремлем).

После окончания училища Иван Яковлевич объявил сыну, что пристроил его писцом в ссудную кассу Печёнкина.

– Ну, ты теперь грамотный! – сказал отец. – Надо работать, ты вот все по театрам шляешься, книжки читаешь да песни поешь! Это надобно бросить...

Ссудная касса – это было нечто вроде ломбарда. Прослужив два месяца бесплатно, 12-летний Шаляпин стал получать жалованье в размере 8 рублей в месяц. Служба была ему глубоко отвратительна, но при этом он гордился тем, что что-то зарабатывает и может помогать семье. Но вскоре он ушел от Печёнкина. Отец, естественно, отругал его и тотчас же отправил учиться в заштатный город Арск, в двухклассное училище с преподаванием ремесел. Сам Федор Иванович потом написал: «Думаю, он сделал это не только из желания видеть меня мастеровым, но главным образом потому, что знал: в Арске нет театра».

А театр к тому времени юный Шаляпин уже обожал. Позднее он признавался: «Театр свел меня с ума, сделал почти невменяемым».

Федя Шаляпин впервые попал в городской театр в одиннадцать лет (в 1884 году). Первой пьесой, которую он увидел, была «Русская свадьба» драматурга П.П. Сухонина. И что интересно, тогда билет стоимостью 20 копеек достался ему совершенно случайно. Но все очень понравилось, и вскоре Шаляпин уже знал, что кроме драмы есть спектакли, где не только поют, но и весело танцуют. Это была оперетта, которая ставилась в казанском театре попеременно с драмой. Богатство декораций и невиданных костюмов поразило мальчика. Для него все было, как в сказке, и он потом писал: «В закрытом театре гремела музыка, пели хоры, и в промежутках актеры то пели какие-то мелодии и вальсы, то говорили между собою прозу. Тут уж я окончательно дался диву. Вот это, думал я, вещь!.. Были новы для меня и особенным блеском поражали костюмы. Не просто кафтаны и щегольские сапоги, а богатство сказочное: зеленые и малиновые камзолы, серебряные чешуи, золотые блески, шпаги, ослепительные перья. Вообще это было в высшей степени благородно». Казанский городской театр (он находился в центре города на Театральной площади) был одним из лучших провинциальных театров России. Там долгие годы пел

тенор Юлиан Федорович Закржевский, и он стал настоящим кумиром Шаляпина.

В 1884 году у Шаляпиных родился еще один сын – Василий. Соответственно, учеба Федора в Арском училище была на руку семье, но болезнь матери заставила Федора вернуться в Казань.

В 1886 году родился еще один сын, которого назвали Николаем – в память об умершем ребенке. К несчастью, перенесенная Евдокией Михайловной болезнь сказалась: младенец был очень слаб и вскоре умер.

Денег не хватало, и 20 июня 1886 года Федор поступил на службу в Казанскую уездную земскую управу, где служил отец. Юный Шаляпин стал работать переписчиком бумаг, а через четыре месяца усердной службы он начал получать жалованье в размере 10 рублей.

И в том же 1886 году Александр Александрович Орлов-Соколовский открыл в Казани музыкальное училище. Потом он стал руководителем театра и организовал на сезон 1888–1889 гг. хорошую труппу – драматическую и оперную. Был объявлен набор в хор, который предполагалось довести до 64 человек. Шаляпин сделал попытку поступить в этот хор, но у него тогда ломался детский голос, и ему посоветовали прийти годика через два. Это до слез расстроило Федора, и ему пришлось довольствоваться местом статиста на перспективной плате – 50 копеек за вечер. И, что интересно, именно в это время поступал в оперный хор Алексей Пешков – будущий классик русской литературы Алексей Максимович Горький. Он был на пять лет старше Шаляпина, и его голос уже сформировался. В этом хоре, по словам Горького, он пробыл недели три. И, на самом деле, они с Шаляпиным тогда не были знакомы. Они познакомились много позднее.

1 июня 1890 года Шаляпин уволился из управы. Ему было непросто совмещать работу там с выступлениями в театре. В это время он уже работал статистом, но там платили мало, и это тяжело отразилось на благосостоянии семьи: у отца в это время не было работы. Тем не менее Шаляпин уволился. А все потому, что 29 марта 1890 года состоялось его первое серьезное выступление – он исполнил партию Зарецкого в опере П.И. Чайковского «Евгений Онегин» в постановке Казанского общества любителей сценического искусства.

■ Федор Шаляпин. 1893

Уже за несколько дней до спектакля в театральной кассе не оставалось билетов. Весь сбор от спектакля пошел в пользу нуждающихся студентов Казанского университета. Суфлером в этом спектакле был будущий театральный режиссер Николай Николаевич Боголюбов. Спустя много лет он вспоминал: «Очень хорош был хор, собранный из всех церквей Казани. В этом хоре пел и наш Шаляпин, который совершенно неожиданно для всех и для меня прекрасно спел в этом спектакле партию Зарецкого».

Это выступление стало в жизни Федора Ивановича первым сольным выступлением в опере. И после этого он начал целыми днями пропадать в театре. Там он прослышал, что в Казани находится Семен Яковлевич Семенов-Самарский, который набирает хор в опереточную труппу в Уфу. Этого человека Шаляпин хорошо знал и любил. Преодолевая страх, он пришел к нему, и двадцать лет спустя Семенов-Самарский описал эту встречу так: «В 1890 году я снял театр в

Уфе у старого актера Полторацкого. Перед началом сезона я поехал в Казань со специальной целью набрать хор. И вот, когда весь хор у меня уже был собран, в один прекрасный день утром кто-то постучался в мою дверь в Волжско-Камских номерах. Вошел молодой человек, застенчивый, неуклюжий, длинный, очень плохо одетый – чуть ли не на босу ногу сапоги, в калошах. Стал предлагать свои услуги в хор. Это и был знаменитый теперь Шаляпин. Хор у меня был уже сформирован, для Уфы он был даже слишком велик – человек около восемнадцати. Но Шаляпин произвел на меня удивительное впечатление своею искренностью и необыкновенным желанием, прямо горением, быть на сцене. “На самых скромных условиях, лишь бы только прожить”, – говорил он. Я ему предложил на первых порах 15 рублей в месяц и дал ему тут же лежавший у меня билет на проезд на пароходе Ефимова. Когда он получил этот билет, казалось, что в ту минуту не было на свете человека счастливее Шаляпина».

19 сентября 1890 года Шаляпин переехал из Казани в Уфу, начав работать в хоре опереточной труппы под руководством С.Я. Семенова-Самарского. При этом он получил сольную партию Стольника в опере Станислава Монюшко «Галька». Тогда ему просто повезло: он заменил заболевшего артиста. Но этот дебют «выдвинул» 17-летнего Шаляпина, и ему стали изредка поручать небольшие оперные партии – например, начальника стражи Феррандо в опере Верди «Трубадур».

Возвращение в Казань произошло, вероятнее всего, весной-летом 1892 года. Возможно, у Шаляпина теплилась надежда получить место в Казанском театре. С.Я. Семенов-Самарский с июня 1892 года был режиссером в казанской опереточной труппе, и он пообещал Шаляпину содействие ближе к осени. А пока посоветовал подучиться у профессора Д.А. Усатова, который жил в Тифлисе. Потом, в 1893 году, Шаляпин перебрался в Москву, а в 1894 году – в Санкт-Петербург.

В марте 1897 года Федор Иванович приехал на гастроли в Казань. К тому времени он уже был известным солистом Московской частной оперы. Он дал два концерта на сцене городского театра, которые прошли с огромным успехом.

■ Федор Шаляпин с женой и детьми. 1910

Через два года большим художественным событием Казани стали гастроли Шаляпина, выступившего на казанской сцене. Происходило это в мае 1899 года, и тогда Федор Иванович спел четыре лучшие партии из своего репертуара: Мельника в «Русалке», Сусанина в «Жизни за царя», Галицкого в «Князе Игоре» и Мефистофеля в «Фаусте».

26-летний Шаляпин, впервые выступавший в больших оперных ролях перед своими земляками, был принят с восторгом. А вот последним его выступлением перед земляками стал концерт на сцене Дворянского собрания 15 сентября 1909 года. Дворянское собрание было центром культурной и светской жизни казанской аристократии XIX века. Зал был переполнен – более 2000 человек. Зрители, которым не хватило места, располагались даже на сцене. Шаляпина приняли с неописуемым энтузиазмом, и концерт завершился

далеко за полночь: Шаляпин исполнил на «бис» еще более двух десятков произведений.

В дальнейшем карьера Шаляпина складывалась очень успешно, и в 1918 году он стал народным артистом – первым народным артистом Советской Республики. Он стал художественным руководителем знаменитого Мариинского театра, снимался в кино, много гастролировал, в том числе и за границей. В 1922 году он не вернулся на родину. Точнее, в 1922 году он уехал из Советской России на гастроли, которые проходили по всему миру. А потом, после акта благотворительной помощи детям русских эмигрантов, его лишили звания народного артиста Республики и права возвращаться в СССР. Умер он в Париже 12 апреля 1938 года.

Ф.И. Шаляпин был неразрывно связан с Казанью – местом своего рождения, детства, первых театральных впечатлений и певческих опытов. Казань он «любил с тихой грустью», называя «прекраснейшим из всех городов мира». Правда, уже будучи в расцвете своей славы, он бывал в Казани лишь редко и наездами и проводил в городе очень мало времени.

После отъезда за границу имя Шаляпина в СССР на несколько десятилетий было забыто. Точнее, исключено из общественной жизни. Лишь в период «оттепели» оно постепенно стало возвращаться в советскую культуру.

С 1980-х годов имя Федора Ивановича Шаляпина глубоко и мощно вернулось, и Казань стала флагманом этой «реставрации»: с 1982 года в городе проводится Оперный фестиваль имени Ф.И. Шаляпина (с 1991 года – в статусе международного), в 1999 году открылся первый в мире памятник певцу, казанские художники начали активно разрабатывать шаляпинскую тему.

Типичный пример: картина народного художника ТАССР Александра Мироновича Родионова «Ф.И. Шаляпин на концерте в Дворянском собрании в Казани» (1968), воспроизводящая последнее выступление певца в родном городе, состоявшееся 15 сентября 1909 года. Художник сосредоточился на фигуре Федора Ивановича, стоящего на сцене в переполненном разнообразной публикой зале, вдохновляясь словами репортера, писавшего на страницах «Казанского телеграфа»: «От всей фигуры Шаляпина веет вообще

величавой простотой, эта подкупающая простота как-то сближает публику с артистом».

В Казани сохранилось несколько мест, связанных с именем Ф.И. Шаляпина. В частности, это Музей А.М. Горького и Ф.И. Шаляпина на улице Горького, 10. Первоначально шаляпинская экспозиция там представляла собой лишь небольшой раздел, посвященный дружбе Федора Ивановича и Алексея Максимовича. Но, пополняясь, она потребовала увеличения площадей и после первой реконструкции в 1980-х годах окончательно отделилась от горьковской темы. Реконструкция музея 2012–2015 гг. позволила представить шаляпинскую экспозицию как совершенно самостоятельный локальный раздел на втором этаже музея. «Шаляпинская коллекция» там – это около 4000 экспонатов: подлинных программ и афиш, открыток с иконографией певца, клавиров, изданий, фотоматериалов, картин и т.д. Там

■ Памятник Федору Шаляпину в Казани на почтовой марке

представлены подлинные вещи Ф.И. Шаляпина и 8 граммофонных пластинок с голосом певца, выпущенных в начале XX века в Италии, Франции, Англии и России (их можно прослушать на старинном граммофоне).

29 августа 1999 года в Казани был торжественно открыт памятник Ф.И. Шаляпину. Это первый в мире памятник выдающемуся певцу (позднее памятники были открыты в Уфе, Кирове, Москве). Четырехметровая бронзовая скульптура установлена на улице Баумана около Богоявленского собора, в котором Шаляпин был крещен в феврале 1873 года. Автор памятника – Андрей Владимирович Балашов, академик Российской академии художеств, заслуженный художник России, победитель конкурса, в котором участвовал десяток российских скульпторов.

Скульптор сумел придать композиции динамизм, изображая певца в едва уловимом движении. Рядом с устремленной ввысь колокольной собора, являющейся доминантой, величавая скульптура знаменитого артиста выглядит органично и естественно в пространстве центральной улицы Казани. В проекте памятника Ф.И. Шаляпину казанских скульпторов Марины Нигматуллиной и Изабеллы Рогожиной, также участвовавших в конкурсе, певец изображен сидящим в кресле в состоянии просветленности, покоя и гармонии. Авторы как бы увековечили мгновение, когда время приобретает бесконечную глубину. В скульптуре присутствует особая ритмика текучих линий и форм. Авторы композиции придали ей жизненность, подвижность, светотеневую нюансовость моделировок, способную выразить неуловимое – душевное состояние, мир чувств, отражающихся не только на лице, но и на всей фигуре.

РАУЗА

РИФКАТОВНА СУЛТАНОВА

российский искусствовед

Рядом с памятником – гостиница «Шаляпин» (отель «Шаляпин Палас»). И около памятника ежегодно 13 февраля, в

день рождения Федора Ивановича, собираются казанцы, чтобы почтить память своего прославленного земляка.

Есть также красивая мемориальная доска на фасаде дома (улица Пушкина, 10), во флигеле которого родился оперный певец. Ее открытие состоялось 13 февраля 2023 года, в дни празднования 150-летия Ф.И. Шаляпина. Автор доски – молодой скульптор Т.С. Тюрин, выпускник МГАХИ имени В.И. Сурикова. Прежде чем приступить к разработке мемориальной доски, он изучал воспоминания Шаляпина о Казани, материалы экспозиции музея, документальную хронику. За основу портретного изображения была взята фотография певца казанского периода. Он стоит, облокотившись на тумбу, на фоне драпировок занавеса. В руках держит партитурный лист. Ниже портрета по диагонали нанесена углубленная подпись Шаляпина.

**Глава двадцать шестая
КАЗАНСКАЯ МУЗА
ПОЛЯ ЭЛЮАРА
И САЛЬВАДОРА ДАЛИ**

Знаменитая Гала (ударение на вторую букву «а») тоже родилась в Казани, но 26 августа (7 сентября) 1894 года. Ее настоящее имя было Елена Ивановна Гомберг-Дьяконова. Или Елена Дмитриевна. Почему же происходят подобные расхождения? Все дело в том, что ее семья проживала в Казани с 1893 по 1895 год. А вот мать Елены, Антонина Деулина, была родом из Томска, и в ранней молодости она вышла замуж за земского заседателя Барнаульского округа Томской губернии Ивана Дьяконова. Она получила его фамилию, но в 1888 году оставила мужа и уехала в Москву. Там в 1891 году Антонина познакомилась со студентом Дмитрием Ильичом Гомбергом, ставшим впоследствии адвокатом. У них в гражданском браке родилось четверо детей, в том числе и Елена. В 1894 году Дмитрий Гомберг учился в Казанском университете, и он является безусловным отцом Елены. И место ее рождения — Казань.

Соответственно, все биографические указания на то, что будущая Гала родилась «в семье казанского чиновника Ивана Дьяконова» — это утверждения, вводящие читателей в заблуждение.

А, кстати, почему не Елена, а Гала?

С одной стороны, утверждается, что сама мать ласково именовала дочку Галой (ударение на втором слоге было привнесено французским языком уже позднее). И, по примеру матери, два старших брата, Вадим и Николай, а потом и младшая сестренка Лидия также называли ее Галей, Галиной. Якобы имя это больше нравилось и самой девочке...

■ Гала. 1910-е

С другой стороны, великий Сальвадор Дали называл ее Гала. Он писал: «Мировую славу я завоевал с помощью Бога и повседневного героического самопожертвования необыкновенной женщины — моей жены Галы», «Гала стала солью моей жизни, огнем, в котором закалилась моя личность, моим маяком, моим двойником, она — это я». Образ Елены Гомберг-Дьяконовой запечатлен во многих работах Дали, а с середины 1930-х годов большинство из своих полотен великий художник подписывал так: «Гала-Сальвадор Дали».

Вообще, образ этой уроженки Казани, этой удивительной и неповторимой женщины окутан туманом загадок, недомолвок и кривотолков. С тем, что ее отец не Иван Дьяконов, мы уже разобрались. Этот человек имел авантюрную жилку, он отправился в Сибирь, чтобы попытаться счастья на золотых приисках, и там он и умер в 1905 году в полной нищете. Так что не будем особо доверять таким

■ Поль Элюар и Гала. 1917

заявлениям: «Умный и обаятельный, Дмитрий Ильич смог до такой степени сдружиться с непоседливой, своенравной девочкой, что она полюбила его больше, чем родного отца, поэтому и отчество себе взяла по имени отчима». В Москве Елена училась в женской гимназии М. Г. Брюхоненко, и там же обучались сестры Цветаевы (Анастасия и Марина — известная поэтесса).

В 1912 году Елена поехала в санаторий Клавадель в Швейцарии для лечения туберкулеза. Там она познакомилась с Полем Элюаром, которого отец, обеспеченный торговец недвижимостью, отправил в тот же санаторий. Точнее так — она познакомилась с молодым и мало кому тогда известным поэтом Эженом-Эмилем-Полем Гренделем. Молодые люди полюбили друг друга. И, кстати, она называла себя Гала или Галина, и это Эжен первым прозвал ее Гала́ (с типично французским ударением на последнем слоге).

Она стала его музой, а в 1917 году они поженились, и через год у них родилась дочь Сесиль. Потом поэт при-

нял участие в Первой мировой войне в качестве санитарра в госпитале, и на фронте он написал сборник стихов, впервые подписавшись именем Поль Элюар (он позаимствовал для псевдонима фамилию своей бабушки), под которым впоследствии и получил всемирную известность.

Умная, деятельная и энергичная Гала помогла поэту поверить в себя, найти самобытный и неповторимый творческий облик, содействовала подготовке и изданию его первых книг. Короче, сделала из робкого, неуклюжего Эжена Гренделя утонченного и глубоко своеобразного Поля Элюара.

РЕНАТ ХАЙРУЛЛОВИЧ
БИКБУЛАТОВ
российский историк, краевед
и писатель

Они жили в Париже, вращаясь в кругах интеллектуальной элиты и художественной богемы, а в 1921 году Элюар и Гала посетили в Кёльне художника Макса Эрнста. Она ему позировала и стала его любовницей, оставаясь женой Элюара. В следующем году художник переехал в дом Элюара в Валь-д'Уазе, и сложившийся любовный треугольник никого не смущал и не скрывался.

В 1929 году Элюар и Гала нанесли визит молодому каталонскому художнику Сальвадору Дали у него в Кадакесе. Считается, что это было для них обоих словно удар молнии. Любовь сразила как Галу, так и Сальвадора, который был младше нее на десять лет.

В книге «Тайная жизнь Сальвадора Дали, написанная им самим» художник вспоминает, что при первой встрече Гала не произвела на него особого впечатления. Правда, Дали обратил внимание на ее необыкновенно умное лицо. Но Гала была чем-то раздражена и тоже не придавала знакомству особого значения. Любовь нахлынула при

следующей встрече. С этого момента возникает классический любовный треугольник.

РЕНАТ ХАЙРУЛЛОВИЧ
БИКБУЛАТОВ
российский историк, краевед
и писатель

Поль Элюар не захотел расставаться с женой, которая навсегда оставалась для него «сестрой, подругой, возлюбленной и тайной», умолял ее остаться, посвящал ей одно стихотворение за другим. Потом эти стихи вошли в золотой фонд мировой поэзии. Но Гала почти все время проводила с экстравагантным Дали. Она заменила ему и мать, и любовницу, и подругу жизни. Она стала его менеджером и бухгалтером. Только в 1932 году французский суд наконец признал развод между Гала и Полем Элюаром, и в том же году он написал:

Прощай же грусть
И здравствуй грусть
Ты вписана в квадраты потолка
Ты вписана в глаза которые люблю
Ты еще не совсем беда
Ведь даже на этих бледных губах
Тебя выдает улыбка...

Или вот еще такие строки:

Беззвучный свет ослепляет меня
И ничего не исправишь...

Гала и Дали официально зарегистрировали свой брак в 1934 году, а религиозная церемония состоялась на 26 лет позже — в 1958 году.

Биографы отмечают, что характер у Гала был непростой. Ее называли женщиной-вамп. Газетчики писали о ее истеричности, склонности к скандалам, необычайной алч-

ности. Наверное, так оно и было. Однако приходится напомнить, что недостатки человека чаще всего являются прямым продолжением его достоинств. И чем ярче достоинства, тем ощутимее недостатки. Для Дали, во всяком случае, она все время оставалась божеством.

РЕНАТ ХАЙРУЛЛОВИЧ
БИКБУЛАТОВ

российский историк, краевед
и писатель

Гала умерла 10 июня 1982 года в замке, который в 1968 году купил для нее Дали. Он находится в маленьком поселке Пуболь, в провинции Жирона. Там она и похоронена.

И следует отметить, что Галина Дмитриевна Гомберг-Дьяконова через всю жизнь пронесла память о своей далекой родине. В ее комнате постоянно висела икона Казанской Богоматери — как память о детских годах, проведенных в городе на Волге.

Сальвадор Дали, выполняя последнюю просьбу жены, похоронил ее в гробу с прозрачной крышкой. Самого же Дали, впавшего после смерти жены в депрессию и ставшего затворником, после ухода в мир иной (это случилось семь лет спустя) не похоронили: его забальзамированный труп выставили в Театре Дали под «геодезическим куполом» в качестве одного из экспонатов.

■ Сальвадор Дали и Гала. 1920-е

Все это выглядит довольно странно: тело Дали покоится в склепе под куполом, и верхняя часть склепа увенчана надгробной плитой из белого мрамора, вмонтированной в пол зала, так что многие посетители, прохаживаясь по плите, даже не подозревают, что под ней находится тело художника. Но это все он придумал сам, сформулировав свое пожелание таким образом: «Я хочу, чтобы мой музей был единым блоком, лабиринтом, огромным сюрреалистическим предметом. Это будет абсолютно театральный музей. Приходящие сюда будут уходить с ощущением, будто им привиделся театральный сон».

Глава двадцать седьмая
КАЗАНЬ
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
КЛАССИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Казань имеет долгую историю упоминания и выписывания ее облика в произведениях художественной литературы. Более того, Казань стала источником для яркого творчества многих писателей. Имена Г. Р. Державина, А. Н. Радищева, А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, С. Т. Аксакова, А. И. Герцена и многих других писателей и поэтов, живших в Казани или посетивших ее, золотыми буквами вписаны в летопись истории русской литературы.

Приведем лишь несколько достаточно характерных отрывков всем хорошо известных произведений.

■ Вид Казани с птичьего полета. 1890-е

■ Державинский сад и памятник Державину. 1890-е

Гавриил Романович Державин

Русский поэт с татарскими корнями Г.Р. Державин, как уже говорилось, родился в Казанской губернии (примерно в 40 километрах от города). Он воплотил образ Казани в стихотворении 1798 года «Арфа»:

О колыбель моих первоначальных дней,
Невинности моей и юности обитель!
Когда я освещусь опять твоей зарей
И твой по-прежнему всегдашний буду житель?

Когда наследственны стада я буду зреть,
Вас, дубы камские, от времени почтенны,
По Волге между сел на парусах лететь
И гробы обнимать родителей священны?

Звучи, о арфа, ты все о Казани мне!
Звучи, как Павел в ней явился благодатен!
Мила нам добра весть о нашей стороне:
Отечества и дым нам сладок и приятен.

Упоминание Павла тут — это ссылка на то, что император Павел I находился в то время в Казани. Ну, а слова «Отечества и дым нам сладок и приятен» вообще давно превратились в поговорку. Их часто повторяют, даже не зная, что они принадлежат Державину. А распространению известности этих слов способствовал А. С. Грибоедов, употребив их в своем произведении «Горе от ума». Помните, там Чацкий говорит: «Когда ж постранствуешь, воротисься домой, — И дым отечества нам сладок и приятен»?

Для русской литературы вообще характерно ностальгическое изображение Казани как провинциального города, который воспринимается как малая родина, где прошли самые светлые моменты детства и юности. Например, в том же стихотворении Г. Р. Державина лирический герой общается со своей арфой:

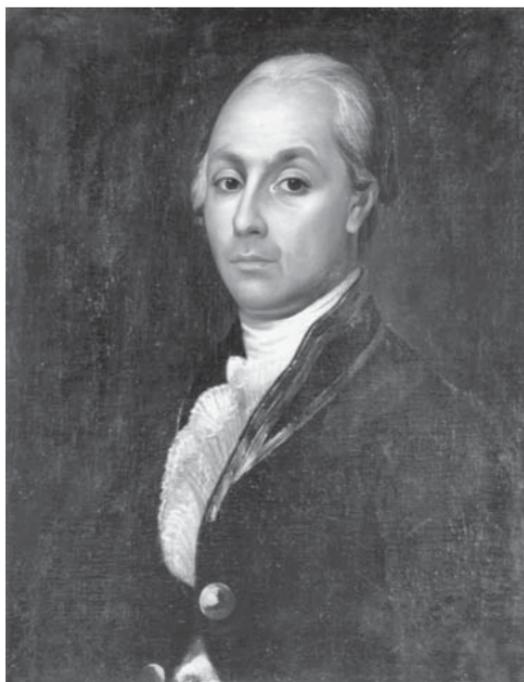
Как весело внимать, когда с тобой она
Поет про родину, отечество драгое,
И возвещает мне, как там цветет весна,
Как время катится в Казани золотое!

Александр Николаевич Радищев

В 1797 году А. Н. Радищев возвращался из ссылки и 8 июня заехал в Казань. Там он познакомился с достопримечательностями города: он с интересом читал местные газеты, осматривал адмиралтейство на Казанке, пристань на Булаке, кремль, посетил Зилантов монастырь. На следующий день писатель уехал, а свои дорожные впечатления он потом описал в путевых заметках. Вот некоторые фрагменты из них:

С утра странствовал в Казани. Уже чувствовал удовольствие, ехав туда, воображая, что проезжаешь не пустыни. А ходил по городу почти в восхищении.

Открывается великолепное зрелище. Гора взад начинает опускаться, и в лощине сидит большая деревня. Вокруг видны поля обработанные, и представляют обширнейший ковер, простирающийся поверх неровные поверхности скалами, холмами и долинами волнообразно, коего бархатная зелень столь уже была велика, что ветер производил

■ Неизвестный художник. Александр Радищев. 1790-е

на оном водам подобное зыбление. В не весьма большом расстоянии кругозрение препоясано было дубровыми рощами. К речной стороне в левую сторону виден был высокий волжский берег, коего излучины, иссунувшиеся мысами одна пред другою, наконец завешивались нежною синевою, в коей все предметы смежались воедино. Прямо чрез Волгу простирался низкий берег, густым покрыт лесом, в котором малые видны были деревушки; по кустам разлившаяся еще волжская вода и ближе песчаное побережье, на коем многие толкались группы рыбаков, вытягивающих невода. В правую сторону видны были извиляющиеся протоки Казанки, близ коих на холму из среды круглых древесных развесистых вершин, иссунувшиеся, возвышались главы церквей Зилантова монастыря; позадь его видна была Казань. Впереди всего белая стена Кремля с бойницами; подле Кремля впереди простиралось строение, дома, коих верхи уравнивали отдаленность. В заду и между ими возвышались только храмы, молитве посвященные. Гораздо

вдали в правую сторону виден был каменный архиерейский дом в Иерусалиме с церковью, яко белое пятно за зеленою завесою. По Казанке и Волге рассеянно видны были лодки, а дальние как движущиеся черные пятна.

Тарас Григорьевич Шевченко

Поэт, прозаик и художник Т. Г. Шевченко был в Казани во время стоянки парохода, на котором он возвращался из ссылки в 1857 году. Он сделал в городе несколько рисунков и посетил Казанский университет. А еще он потом написал:

«Казань-городок — Москвы уголок». Эту поговорку слышал я в первый раз в 1847 году. А сегодня поутру увидел я издали Казань, и давно слышанная поговорка сама собой вспомнилась и невольно проговорилась. Как

■ Тарас Шевченко. 1859

издали, так и вблизи, так и внутри Казань чрезвычайно живо напоминает собою уголок Москвы: начиная с церквей, колоколен, до саяк и калачей, везде, на каждом шагу видишь влияние белокаменной Москвы. Даже башня Сююмбеки, несомненный памятник времен татарских, показалась мне единоутробною сестрой Сухаревой башни. Большая улица, ведущая в Кремль, смахивает на Невский проспект своей чопорностью и торцовой мостовой. Улица эта начинается великолепным зданием университета.

Выйдя из университетского двора на улицу, Т.Г. Шевченко натолкнулся на одну типичную для царской России процессию.

Выйдя на улицу, я услышал глухой шум барабана и увидел густую толпу народа, провожавшего на казнь преступника. Чтобы не встретить эту гнусную процессию, я своротил в переулок, и в числе бегущих смотреть эту процессию я увидел молодую девушку с шарманкою за плечами и ободранного мальчика с тамбурином в руках. Мне сделалось не грустно, а как-то особенно скверно, и я опять взял на четвертак татарскую тележку и возвратился на пароход, и сделал два рисунка: общий вид Казанки и вид на Волгу против Казани и села Услон.

Лев Николаевич Толстой

Мы уже рассказывали, что будущий писатель приехал в Казань в 1841 году, когда ему было 13 лет. Также мы рассказывали, что в годы студенчества Л. Н. Толстой вошел в казанское светское общество, жизнь которого отличалась множеством всяких развлечений.

Кутежи и пирушки были обычным делом для студентов тех времен. Министр народного просвещения России Авраам Сергеевич Норов, посетивший Казань, писал: «У меня казанские студенты молодцы, политикой не интересуются, а попить и погулять — их дело».

На первом курсе Лев Николаевич угодил в карцер за непосещение лекций по истории. Эпизод этот потом был описан

в воспоминаниях В. Н. Назарьева, его товарища по университету. Впрочем, весьма неточно, но все равно очень интересно.

Якобы Лев Толстой, как утверждает Назарьев, принес с собой в карцер спрятанную в голенище сапога свечку и подсвечник, и они провели очень приятно день или два. Вот что пишет об этом друг и биограф Толстого П. И. Бирюков:

Помню, — говорит Назарьев, — заметив, что я читаю «Демона» Лермонтова, Толстой иронически отнесся к стихам вообще, а потом, обратившись к лежащей возле меня истории Карамзина, напустился на историю, как на самый скучный и чуть ли не бесполезный предмет.

— История, — рубил он сплеча, — это не что иное, как собрание басен и бесполезных мелочей, пересыпанных массой ненужных цифр и собственных имен. Смерть Игоря, змея, ужалившая Олега, — что же это, как не сказки, и кому нужно знать, что второй брак Иоанна на дочери Темрюка совершился 21 августа 1563 года, а четвертый, на Анне Алексеевне Колтовской, в 1572 году, а ведь от меня требуют, чтобы я задалбил все это, а не знаю, так ставят единицу. А как пишется история? Все пригоняется к известной мерке, измышленной историком. Грозный царь, о котором в настоящее время читает профессор Иванов, вдруг с 1560 года из добродетельного и мудрого превра-

■ Булак и Реальное училище. 1890-е

щается в бессмысленного, свирепого тирана. Как и почему, об этом уже не спрашивайте...

Сам Л. Н. Толстой потом описал это такими словами:

В карцере я сидел за непосещение лекций, но не в аудитории, а в карцере со сводами и железными дверями. Со мной был товарищ, и у меня в голенище была свеча и подсвечник, и мы провели очень приятно день или два — не помню.

Свое отношение к Казани писатель потом описал в повести «Юность», да и не только там. В частности, вот отрывки из его рассказа «После бала»:

Был я в то время студентом в провинциальном университете. Не знаю, хорошо ли это, или дурно, но не было у нас в то время в нашем университете никаких кружков, никаких теорий, а были мы просто молоды и жили, как свойственно молодости: учились и веселились. Был я очень веселый и бойкий малый, да еще и богатый. Был у меня иноходец лихой, катался с гор с барышнями (коньки еще не были в моде), кутил с товарищами (в то время мы ничего, кроме шампанского, не пили; не было денег — ничего не пили, но не пили, как теперь, водку). Главное же мое удовольствие составляли вечера и балы. Танцевал я хорошо и был не безобразен.

Жили Б. тогда на конце города, подле большого поля, на одном конце которого было гулянье, а на другом — девический институт. Я прошел наш пустынный переулок и вышел на большую улицу, где стали встречаться и пешеходы, и ломовые с дровами на санях, достававших полозьями до мостовой. И лошади, равномерно покачивающие под глянцевитыми дугами мокрыми головами, и покрытые рогожками извозчики, шлепавшие в огромных сапогах подле возов, и дома улицы, казавшиеся в тумане очень высокими, — все было мне особенно мило и значительно.

На самом деле, рассказ «После бала» — это типичная автобиография. И это в Казани, на Арском поле, почти под окнами Института благородных девиц, невдалеке от дома

Киселевского, снятого П. И. Юшковой, где ее молодой племянник Лев Толстой занимал комнату, прогоняли «сквозь строй» провинившихся солдат.

Александр Иванович Герцен

А. И. Герцен, побывавший в Казани по пути в ссылку в Пермь в 1835 году (казанский губернатор запретил ему остановиться в городе более чем на три дня), весьма точно уловил характер, суть и значение Казани. В своем произведении 1836 года «Письмо из провинции» он писал:

Казань, некоторым образом, главное место, средоточие губерний, прилегающих к ней с юга и востока: они получают через нее просвещение, обычаи и моды. Вообще значение Казани велико: это место встречи и свидания двух

■ Александр Герцен. 1865

миров. И потому в ней два начала: западное и восточное, и вы их встретите на каждом перекрестке; здесь они от непрерывного действия друг на друга сжались, сдружились, начали составлять нечто самобытное по характеру. Далее на восток слабее начало европейское, далее на запад мертвеет восточное начало. Ежели назначено, как провидел великий Петр, перенести Запад в Азию и ознакомить Европу с Востоком, то нет сомнения, что Казань — главный караван-сарай на пути идей европейских в Азию и характера азиатского в Европу.

А вот еще несколько отрывков из этого произведения:

Все это наша Русь, святая Русь, — я это чувствовал, приплыв по разливу Волги к стенам Кремля. Казанский кремль, как нижегородский, имеет родственное сходство с московским Кремлем: это меньшие братья его. Греческая вера и византийское зодчество привились глубоко к жизни Руси. Смотря на наши соборы и кремли, как будто слышится родной напев и родной говор.

Подъезжая к Казани на пароме, первое, что я увидел, был памятник царя Иоанна Васильевича. Здесь он на месте, здесь Грозный исполнил великое; здесь он был герой и предтеча Петра, силою оружий занявший место для простора идеям его, для простора русскому духу.

Положение города нехорошо. Казань по-татарски значит котел; в самом деле, он во впадине, беден чистой водою; в нем много сырых мест. Строения довольно чисты; главные улицы красивы; на них все живо; везде толпятся, кричат, шумят; множество бурлаков с атлетической красотой форм; множество татар с продажными ичигами и тюбетейками, с халатами, в халатах, с приплюснутым носом, узенькими глазками и хитрым выражением лица. Словом, везде вы видите большой город, исполненный жизни, центральный своего края, торговый и, что всего важнее, город двуначальный — европейско-азиатский.

Я вспомнил императрицу Екатерину; она писала в 1767 году к Вольтеру из Казани: «Я в Азии! Я собственными глазами хотела видеть этот край. В Казани двадцать различных народов, нисколько не похожих друг на друга,

а им надобно шить одну одежду, удобную для всех. Конечно, есть общие начала; но частности, и какие частности: надобно создать целый мир, соединить его, сохранить». Великая императрица постигла многое, окинув гениальным взором один участок России, которую Петр Великий не напрасно называл целою частию света.

Но это не единственное произведение, в котором Александр Иванович упоминает Казань. Во второй части книги «Былое и думы» он описывает, какой ему открылась Казань со стороны Волги.

Когда мы подъехали к Казани, Волга была во всем блеске весеннего разлива; целую станцию от Услона до Казани надобно было плыть на дощанике: река разливалась верст на пятнадцать или больше. День был ненастный. <...> Ветер и дождь со снегом секли лицо, холод проникал до костей, но вскоре стал вырезываться из-за тумана и потоков воды памятник Иоанна Грозного. Казалось, опасность прошла, как вдруг татарин жалобным голосом закричал: «Тече, тече!» — и действительно, вода с силой вливалась в заткнутую дыру. Мы были на самом стрежне реки, дощаник двигался тише и тише, можно было предвидеть, когда он совсем погрузнет. Татарин снял шапку и молился.

Во время переправы через разлившуюся весной Волгу у села Верхний Услон А. И. Герцен чуть не утонул из-за начавшейся бури. Замерзший и промокший, он добрался до почтовой конторы, где провел ночь, улегшись на столе в канцелярии, завернувшись в шинель и положив под голову толстую книгу.

Максим Горький (Алексей Максимович Пешков)

Алексей Пешков, более известный под псевдонимом Максим Горький, столкнулся с трудностями в начале своего пути. Его попытка поступить в Казанский университет в 1884 году не увенчалась успехом из-за жестких условий приема и отсутствия аттестата. После этого он работал на

пристанях, где начал посещать сходки революционно настроенной молодежи.

В 1885–1886 гг. будущий писатель работал в крендельном заведении и булочной Василия Семенова. В 1887 году — в булочной Андрея Степановича Деренкова, доходы которой направлялись на нелегальные кружки самообразования и прочую финансовую подпитку движения народников в Казани.

12 декабря 1887 года в Казани, на берегу реки Казанки, за стенами Троице-Феодоровского монастыря, 19-летний Пешков, находясь в состоянии юношеской депрессии, попытался покончить с собой, выстрелив себе в грудь из ружья. Пуля пробила легкое и осталась в его теле, а пришедший на помощь сторож незамедлительно вызвал полицию. Пешкова доставили в земскую больницу, где ему успешно провели операцию. Рана оказалась не опасной для жизни, но впоследствии привела к продолжительной болезни органов дыхания. Спустя несколько дней Пешков вновь попытался совершить самоубийство в больнице, после ссоры с профессором медицины Казанского университета Н. И. Студенским. Он внезапно схватил большую бутылку с хлоральгидратом и сделал несколько глотков, но снова был спасен благодаря экстренному промыванию желудка.

■ Вид на одну из улиц, ведущих к кремлю. 1900-е

В повести 1923 года «Мои университеты» Горький со стыдом и самоосуждением назвал случившееся самым тяжелым эпизодом из своего прошлого. И, кстати, за попытку самоубийства и отказ от покаяния он был отлучен Казанской духовной консисторией от церкви на четыре года.

В повести «Мои университеты» есть немало описаний Казани. В частности, там описывается, как молодому Пешкову не хотелось учиться и он частенько уходил на берег Волги или в старый район Казани.

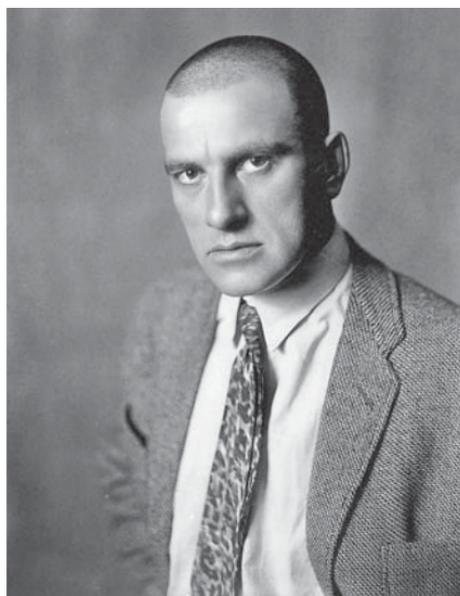
На чтениях было скучно, хотелось уйти в Татарскую слободу, где живут какой-то особенной, чистоплотной жизнью добродушные, ласковые люди; они говорят смешно искаженным русским языком; по вечерам с высоких минаретов их зовут в мечети странные голоса муэдзинов, — мне думалось, что у татар вся жизнь построена иначе, незнакомо мне, не похоже на то, что я знаю и что не радует меня. Меня влекло на Волгу к музыке трудовой жизни; эта музыка и до сего дня приятно охмеляет сердце мое; мне хорошо памятен день, когда я впервые почувствовал героическую поэзию труда.

А вот еще одна зарисовка Казани, описывающая нравы того времени, когда юный Алексей Пешков работал в пекарне Василия Семенова.

Посещение публичных домов было обязательно каждый месяц в день полочки заработка; об этом удовольствии мечтали вслух за неделю до счастливого дня, а прожив его — долго рассказывали друг другу об испытанных наслаждениях. В этих беседах цинически хвастались половой энергией, жестоко глумились над женщинами, говорили о них, брезгливо отплевываясь.

Владимир Владимирович Маяковский

Поэт Владимир Владимирович Маяковский побывал в Казани трижды (в 1914, 1927 и 1928 гг.), и впечатления о городе нашли отражение в его стихотворениях «Казань», «Три тысячи и три сестры», «По городам Союза».

■ Владимир Маяковский. 1920-е

Маяковский впервые посетил город в 1914 году во время знаменитого тура футуристов по Российской империи. Футуристы, стремившиеся создать искусство будущего, экспериментировали с необычными формами и мало заботились о содержании своих произведений, отвергая все то, что принято называть традиционной культурой. Основателями футуризма в России были Василий Каменский, Давид Бурлюк и сам Владимир Маяковский. С декабря 1913 по 1914 гг. эта группа провела «поэзо-концерты» в 17 городах страны.

В Казани их выступление прошло 20 февраля 1914 года в Колонном зале Дворянского собрания на Театральной площади (сейчас это Ратуша на площади Свободы). Давид Бурлюк учился в художественном училище Казани, а с Маяковским они познакомились в 1911 году в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Маяковский тогда уже стремился к широкой аудитории.

Казанская пресса отметила, что на встречу пришло так много студентов, что «яблоку негде было упасть». Их горячие приветствия были настолько громкими, что по-

лицмейстер шесть раз прерывал выступление. Это событие было скандальным и провокационным, что вызывало негодование у части зрителей. Троица друзей долго пила чай на сцене, не обращая внимания на публику, а один из них время от времени звонил в огромный пожарный колокол. И все это подчеркивалось желтой рубашкой и таким же желтым галстуком Маяковского. Тем не менее, когда он начал говорить, большинство зрителей были поражены содержанием и выразительностью его речи.

Вот как вспоминала потом об этом не забываемом для нее событии одна из участниц той встречи: «Его речь опиралась на образы, на сравнения, неожиданные и меткие. Даже самые враждебно настроенные или равнодушные подчинились этому голосу. Особенно когда речь Маяковского, сама по себе ритмичная, естественно переходила в стихи. Он знакомил слушателей с новой поэзией. Не понятый многими ревнителями классической литературы, он привлекал молодежь своим новаторством, энергией, ломкой традиционных представлений о поэзии, что и выделяло его из всех и так привлекало к нему».

Вскоре футуристические «поэзо-концерты» кончились. Все же для Маяковского наиболее важными факторами были не футуризм и идеи небольшой эстетской группы, а масштабные социальные изменения, происходившие в стране. И его творчество сосредоточилось на предвкушении революции и значительных преобразований в обществе.

После революции Маяковский был в Казани два раза. В частности, в ходе лекционной поездки по городам он посетил город в 1927 году. В это время Маяковский уже стал известным поэтом-трибуном. Он выступал в Татарском театре (сейчас в этом здании на улице Горького, 13 расположен Театр имени К. Г. Тинчурина). 20 и 21 января прошли два его творческих вечера: в театре и в университете. Поэт делился своими взглядами на литературу и читал свои стихи. Эти встречи превратились для казанцев в настоящий праздник.

Вот как вспоминал об этом сопровождавший его в поездках концертный администратор и литератор Павел Ильич Лавут:

■ Фабрика Алафузова (в советское время льнокомбинат). 1910-е

В Казани, к счастью, мороз значительно ослабел. Настроение заметно поднялось: билеты на оба вечера расхватывали в один день. Оперный театр осажден — толпа катастрофически разрастается. Появляется конная милиция — такое я наблюдал впервые. Студенты требовали входных билетов, и дирекции пришлось согласиться. Толпа хлынула в театр. Стеклопанельная дверь разбита. Студенты пробрались даже в оркестр.

Я объяснил Маяковскому, как пройти в театр. Хорошо ориентируясь даже в незнакомых городах, он обычно находил дорогу без расспросов.

Пора начинать, а Маяковского нет. Странно и на него не похоже!

Наконец, догадавшись, что он не может попасть на свой собственный вечер, я зываю к милиции. Его извлекают из толпы уже изрядно помятого. Но он приятно возбужден: ему, пожалуй, нравится все это, он энергично шагает по сцене, раздвигает театральную мебель, чтоб просторнее было. Нашлись «энтузиасты», которые проникли и под сцену. Их удаляют. Маяковский уговаривает оставить их, но безрезультатно. И «зайцы», топоча и крича, взмы-

ли из подземелья в небеса. Казалось, рушатся лестницы: втиснулись меж сидящих, заполнили все пространство, нависли с третьего яруса, того и гляди, грохнутся эти человечьи гроздьи вниз, на партер.

Маяковский поднял голову, вперив взор в верхний ярус, открыл от удивления рот и застыл в такой позе на несколько секунд. Зал пуще прежнего расшумелся. <...> Маяковскому долго не давали начать: буря аплодисментов, которую не могла остановить ни его поднятая рука, ни призывы.

21 января днем Маяковский выступал в университете, в актовом зале. Зал тоже был переполнен.

В третий раз Маяковский посетил Казань в 1928 году, и он снова выступал в здании Татарского театра и в университете.

Это нашло свое отражение в строках стихотворения 1928 года «Казань»:

Входит татарин:
«Я
на татарском
вам
прочитаю
“Левый марш”».

Из стихотворения «Казань» мы узнаем, как Маяковскому читали «Левый марш» на трех языках: на татарском, чувашском и марийском.

А начинается стихотворение такими словами:

Стара,
коса
стоит
Казань.
Шумит
бурун:
«Шурум...
бурум...»

А вот строки из стихотворения «Три тысячи и три сестры»:

А здесь,
 где афиши
 щипала коза,
— «Исполнят
 такие-то арии»...—
сказанием
 встает Казань,
столица
 Красной Татарии.

А это уже из стихотворения «По городам Союза» — про В. И. Ульянова (Ленина), учившегося в Казанском университете:

Университет —
 горделивость Казани,
и стены его
 и доныне
хранят
 любвейшее воспоминание
о великом своем гражданине.

Евгений Александрович Евтушенко

В апреле 1970 года, во время празднования 100-летия со дня рождения Ленина, знаменитый советский поэт Евгений Александрович Евтушенко впервые представил свою поэму «Казанский университет». Эту поэму можно считать своеобразным учебником по истории Казани и Казанского университета.

Казань, Казань, татарская столица,
предположить ты даже не могла,
как накрепко Россия настоится
под крышкою бурлящего котла.

И в пахнувший казарменными щами,
Европою приправленный настой

войдут Державин, Лобачевский*, Шапов**,
войдут и Каракозов***, и Толстой.

Шаляпина ты голосом подаришь
и пекаря чудного одного
так пончиками с сахаром придавишь,
что после Горьким сделаешь его.

Казань — пекарня душная умов.
Когда Казань взяла меня за жабры,
я, задыхаясь, дергался зажато
между томов, подшивок и домов.

Читал в спецзалах, полных картотек,
лицо усмешкой горькой исковеркав,
доносы девятнадцатого века
на идолов твоих, двадцатый век.

А это строки о молодом графе Льве Николаевиче Толстом, и мы уже прекрасно понимаем, о чем тут говорится:

Юными надменными глазами
глядя на билет, как на пустой,
держит по истории экзамен
граф Лев Николаевич Толстой.

* Математик Николай Иванович Лобачевский (1792–1856) в течение 40 лет преподавал в Казанском университете, в том числе 19 лет руководил им в должности ректора. По выражению историка Н. П. Загоскина, Лобачевский был «великим строителем» Казанского университета.

** Афанасий Прокопьевич Шапов (1831–1876) в 1861 году стал профессором кафедры русской истории Казанского университета.

*** Дмитрий Владимирович Каракозов (1840–1866) — революционер-террорист, совершивший в апреле 1866 года покушение на императора Александра II, в 1861 году поступил на юридический факультет Казанского университета, но был исключен за участие в студенческих волнениях.

Знаменит он — едок и задирист —
только тем, что граф и вертопрах,
тем, что у него орловский выезд,
тем, что у него шинель в бобрах.

Граф молчит, угрюмый, диковатый,
как волчонок, худ, большеголов,
ну а перед ним дундуковатый
враг его — профессор Иванов.

А это строки о казанских годах Алексея Пешкова (Максима Горького):

По Казани купецкой, кабацкой,
азиатской, такой и сякой,
конокрадской, законокрадской,
полицейской и шулерской.

По Казани крамольной, подпольной,
где гектографы и бунтари,
по рабочей и подневольной,
ну а все-таки вольной внутри —

мимо щелкания орешков,
мимо звонких пролетов господ
Алексей по фамилии Пешков
хлеб в корзине студентам несет.

Он идет по Проломной, Горшечной,
и, не зная о том ничего,
каждый встречный и поперечный
заграбастан глазами его.

Это горьковские истоки —
собирательство лиц и судеб.
Пахнут хлебом горячим листовки
и листовками свежими хлеб.

А заканчивается поэма следующими словами:

Спасибо, стены города Казани,
за то, что вы мне столько рассказали.

Мне вновь планида оказала милость,
и, вновь даря свой выстраданный свет,
как в Братской ГЭС,
Россия мне раскрылась
в тебе, Казанский университет.

Фантазия моя весьма слаба.
Я верю только фактам. Я не мистик.
История России есть борьба
свободной мысли с удушением мысли.

История — не в тезоименитствах,
а в скрытых соках матери-земли,
и сколько ни рождалось бы магницких*,
в России Лобачевские росли. <...>
Люблю тебя, Отечество мое,
не только за частушки и природу —
за пушкинскую тайную свободу,
за сокровенных рыцарей ее,
за вечный пугачевский дух в народе,
за доблестный гражданский русский стих,
за твоего Ульянова Володю,
за будущих Ульяновых твоих.

Василий Павлович Аксенов

Как известно, русский писатель В. П. Аксенов родился в 1932 году в Казани, и от него мы узнаем о существовании

* Имеется в виду Михаил Леонтьевич Магницкий (1778–1844), попечитель Казанского учебного округа, разработавший «целую программу уничтожения науки» в высших учебных заведениях. В 1819 году Магницкий обвинил Казанский университет в растрате казенных денег и в безбожном направлении преподавания. В итоге по представлению Магницкого были уволены 11 профессоров, а жизнь студентов в Казанском университете была подчинена строжайшим правилам монастырской дисциплины и наполнена упражнениями в благочестии. При таком порядке внутри университета расцвели доносы и интриги, а местное общество начало брезгливо сторониться его.

совсем другого города — не такого, как у Маяковского или Евтушенко.

Очень важно отметить, что Казань — литературный город, и я несколько раз писал об этом тысячелетнем городе в своих книгах.

ВАСИЛИЙ ПАВЛОВИЧ
АКСЕНОВ
русский писатель и сценарист

Творчество писателя очень часто бывает связано с его биографией, и вот, например, слова В. П. Аксенова о своем месте рождения:

Я родился на улице тишайшей, что Комлевой звалась в честь местного большевика, застреленного бунтующим чехословаком. Окошками наш дом смотрел в народный сад, известный в городе как Сад Ляцкой, что при желании можно связать и с ляхом.

Поляк и чех присутствовали здесь, и стало быть, Центральная Европа каким-то образом тут прогулялась. Мы говорим «Центральная», поскольку Татарское Заволжье, господа, географически еще Европа.

Наш скромный дом соседствовал с шикарнейшим модерном в три этажа. Там на фронтоне зиждилась скульптура, ошеломлявшая дитя, когда бы ни взглянул. Скульптура такова: стеклянный шар земной в широтах и меридианах, а на нем верхом орел, простерший два крыла отменной бронзы. Не понимая, что к чему, ребенок застывал перед фронтоном, и всякий раз при взгляде на орла ему хотелось пить.

Дом, в котором жил В. П. Аксенов, до сих пор стоит на том же месте, на пересечении улиц Карла Маркса и Муштари (бывшая улица Комлева).

Детство и юность Аксенова прошли в центре Казани: улицы Карла Маркса, Комлева, Лядский садик... До 16 лет он жил у своей тети, восемь лет учился в школе № 19 имени В. Г. Белинского, которая располагалась на улице Горького.

■ Площадь Свободы. 1910-е

В этой школе одновременно с Аксеновым учились будущий литератор Р. А. Кутуй и будущий академик Р. З. Сагдеев, с которыми он был знаком.

Очень своеобразная была школа, был в ней какой-то особый дух... Там много училось интеллектуальных ребят.

В 1950 году Василий Аксенов стал студентом Казанского медицинского института. По воспоминаниям писателя, ребята жили студенческой коммуной из трех человек на задворках улицы Баумана, снимали комнату. Иногда они устраивали нечто вроде социальных экспериментов, например, замирали на улице Баумана у здания Госбанка, задрыв головы и тыча пальцами в небо. Когда вокруг них собиралась толпа, они внезапно убегали, оставляя людей в полном недоумении. А еще тогда, в начале 50-х годов, в Казани обосновался... джазовый оркестр.

В начале пятидесятых годов в Казани обосновался оркестр репатриантов из Шанхая, известный сейчас всем оркестр Олега Лундстрема, «короля свинга восточных стран», как его называли в шанхайском сеттльменте. Я тогда учился на первом курсе медицинского института, был прилежным студентом и на танцы

не ходил, так как не мог освоить сложнейших падепатинеров, вальс-гавотов и миньонов, которые танцевала в те времена передовая молодежь. Но вот по городу пошли слухи о таинственных, сказочно-романтических «шанхайцах». <...> Разумеется, исполнялись в основном танцевальные вещи, но по тогдашним временам и это было чудом. Приезжие москвичи хватались за головы: в Казани существовал джаз!

Аксенов с товарищами ходили слушать оркестр в Дом офицеров, в кинотеатры, рестораны. По сути, Василий был одним из первых казанских стилиг.

Разве можно было себе представить существование настоящего свингового оркестра в те годы, когда даже танго кодировалось наименованием «танец медленного темпа»! Лундстремовцы группами играли на танцах в Доме офицеров, в кинотеатрах и ресторанах, а мы ходили их слушать, потому что они иногда играли не только падепатинеры. Вся моя юность была слегка озарена этими «шанхайцами», как огнями далекого ночного мира.

Фрагменты произведений, осколочные текстовые образования позволяют говорить о художественном облике города Казани в творчестве писателей в русской и татарской литературах в целом как устойчивом идейно-художественном лейтмотиве, поднимающемся до статуса собирательного образа.

РЕГИНА РАВИЛЕВНА
ВАЛИУЛЛИНА
российский литературовед

В любом литературном произведении, помимо человеческих образов, могут присутствовать образы природы или предметов, которые дополняют, а порой и заменяют образы людей. То же самое — и образ города. Вспомним

в русской литературе, например, мистический образ Санкт-Петербурга в пушкинском «Медном всаднике». Совершенно другой предстает Москва в творчестве В. А. Гиляровского: «Вонь, грязь, кабаки, притоны, вонючая Неглинка, общественные бани, протухший насквозь охотный ряд и все время темно или сумеречно».

Порой для создания образа города достаточно одной фразы. И Казань тут не исключение. У кого-то это национальный образ, символ. У кого-то — миф о Казани. У кого-то — что-то вообще глубоко личное...

Габдулла Тукай

Татарский народный поэт Габдулла Тукай родился в 1886 году и прожил всего 26 лет. Для него Казань — это было место, объединяющее всех татар, духовный их центр. Вот, например, фрагмент его стихотворения «Пара лошадей» в переводе Анны Ахматовой:

Вдруг ушей моих коснулся голос звонкий, молодой:
«Эй, шакирд, вставай скорее! Вот Казань перед тобой!»

Вздрыгнул я, услышав это, и на сердце веселей.
«Ну, айда, быстрее, кучер! Погоняй своих коней!»

Слышу я: призыв к намазу будит утреннюю рань.
О, Казань, ты грусть и бодрость! Светозарная Казань!

Здесь деянья дедов наших, здесь священные места,
Здесь счастливица ожидают милой гурии уста.

Здесь науки, здесь искусства, просвещения очаг,
Здесь живет моя подруга, райский свет в ее очах.

В творчестве Габдуллы Тукая Казань олицетворяет родную землю и является городом его детства. Например, в его стихотворении «Родной земле», переведенном Анной Ахматовой, это ощущение ярко проявляется:

Хоть юнцом с тобой расстался, преданный иной судьбе,
Заказанье, видишь, снова возвратился я к тебе.

■ Габдулла Тукай. 1908

Эти земли луговые, чувства издали меня,
Память мучая, вернули на родной простор меня.
Пусть несчастным сиротою в этом я возрос краю,
Пусть томили униженья юность горькую мою, —
Времена те миновали, птицей улетели прочь,
Дни былые вспоминаю, как с дурными снами ночь.
Хоть твои хлестали волны — не пошел мой челн на дно,
Хоть твое палило пламя — не сожгло меня оно,
И поэтому я понял, край мой, истину одну,
Что душа равно приемлет и огонь твой, и волну.
Я постиг, что все священно: и овин твой, и ручей,
И гумно твое, и степи, и дороги средь полей,
И весна твоя, и осень, лето знойное, зима,
Белые чулки, да лапти, да онучи, да сума.
И овчарки, и бараны — вся родная сторона.
Любо мне и то, что плохо, даже то, чем ты бедна.

Или, например, замечательное стихотворение «Казань и Заказанье» в переводе Рувима Морана:

О, Казань, ты — как светильник на горе горишь в ночи,
Словно свечи — минареты, колокольни, каланчи!

Ярко светишь ты уездам захоластным и глухим.
Возвышаясь горделиво, путь указываешь им.
В Спасск и Чар лучи доходят, озаряешь ты Малмыж,
Чистополь и Чебоксары, Тетюши и Мамадыш.
Оглянись, Казань, получше, погляди разок окрест:
Все уезды осветила, лишь забыла свой уезд!
Говорят: «Хоть светит лампа, но под ней самой темно»,
Оправдалась поговорка, черт бы взял ее давно!

Заказанье (Арская сторона) — это родные места поэта. Но безземелье там было настоящим бичом. И там никогда не было ни больших рек, ни бескрайних лугов, ни скалистых гор. Однако именно в Заказанье в маленьком Габдулле зародился великий Тукай. Именно там он «постиг, что все священно».

Муса Джалиль

Образ Казани занимает одно из центральных мест в творчестве татарского поэта и журналиста Мусы Джалиля. Он погиб 25 августа 1944 года, и в военный период Казань для него была домом, Родиной, местом, где остались его родные.

С образом жены поэта, Амины, связано стихотворение «Прощай, моя умница»:

■ Улица Пушкина. 1910-е

■ Муса Джалиль. 1930-е

Я видел тебя, покидая Казань,
Кремлевские белые стены,
Казалось — с балкона ты машешь платком,
И облик твой гас постепенно...

И образ Казанского кремля здесь — это не только и не столько знаковый объект города. Как очень верно замечает литературовед Р. Х. Шарьяфетдинов, «он приобретает символику исторического и культурного объекта татарского народа».

Анализ образа Казани в татарской литературе XX века и нашего времени дает основание сделать вывод о том, что Казань — основополагающий образ в литературе татарского народа, который предстает в ней как

олицетворение родной земли, города детства, науки и просвещения, родной природы, как один из центров российского ислама, символ веротерпимости и толерантности. Отдельного внимания в данном контексте заслуживает и русскоязычная татарская литература, раскрывающая не только историю города и традиционную культуру татарского народа, но и являющаяся примером синтеза многовековых традиций и литературных тенденций современности.

РАМИЛЬ ХАЙДЯРОВИЧ
ШАРЯФЕТДИНОВ
российский филолог

Рустем Кутуй

Рустем Кутуй (Рустем Адельшович Кутуев) родился и умер в Казани, и в его творчестве Казань присутствует повсеместно. Вот лишь несколько его образов родного города:

Моя Казань! — горбатая, многоокая...

Мне Казань — бархатистые губы коня!
Глажу голову — млею...
Казань-прародительница,
и корой пожухлой не вычешь
меня из тебя.

Ой, Казань моя, знай пошумливай!
Мы играем легко, мы — не шулеры.
Хоть и старые, все твои дети.
Каждый лоб луч косящий пометил.

Поэт показывает нам многогранный облик Казани, находя каждый раз некий особый жанрово-стилистический ключ: тут и мотив воспоминаний, и торжественный гимн красоте и величию города, и исповедальность, сопряженная с глубоко личными переживаниями. И Казань у Рустема Кутуя всегда разная. Например, в стихотворении «Март» Казань выступает в образе молодой женщины-красавицы:

Шумит Казань, березовая,
бирюзовая,
не «старая», не «косая»,
от румянца розовая.

В творчестве Рустема Кутуя Казань очень часто предстает городом, имеющим тысячелетнюю историю, обладающим неповторимым обликом.

У грозы глаза раскосы.
Древняя Казань мочит косы.
Зудят осы.
Обжигаются щеки оспы.
Плач Сююмбике
повис вдалеке.

Казань — это особое ценностное пространство, в котором дорого все: и озеро Кабан, и Булак, и Суконка... Человеку, далекому от Казани, этого не понять.

Вот, например, стихотворение Рустема Кутуя «Февраль»:

Карниз навис, как полоумный,
грозится вниз — не шапкой оземь — тумбой!
У снега замер дух, таится барсом,
а день уже в саду в простынках разметался.
Спит озеро во льдах воспоминаньем.
Кружат, кружат лета восколыханьем.
Небесною полой запахнут город древний,
вокруг белым-бело, и тем напевней.
Что скажут имена: «Кабан», «Булак», «Суконка»...
По грудь заметена, а дышится как звонко!
До краешка налит сам город с чудным верхом
и слабо шевелит собольим скользким мехом.

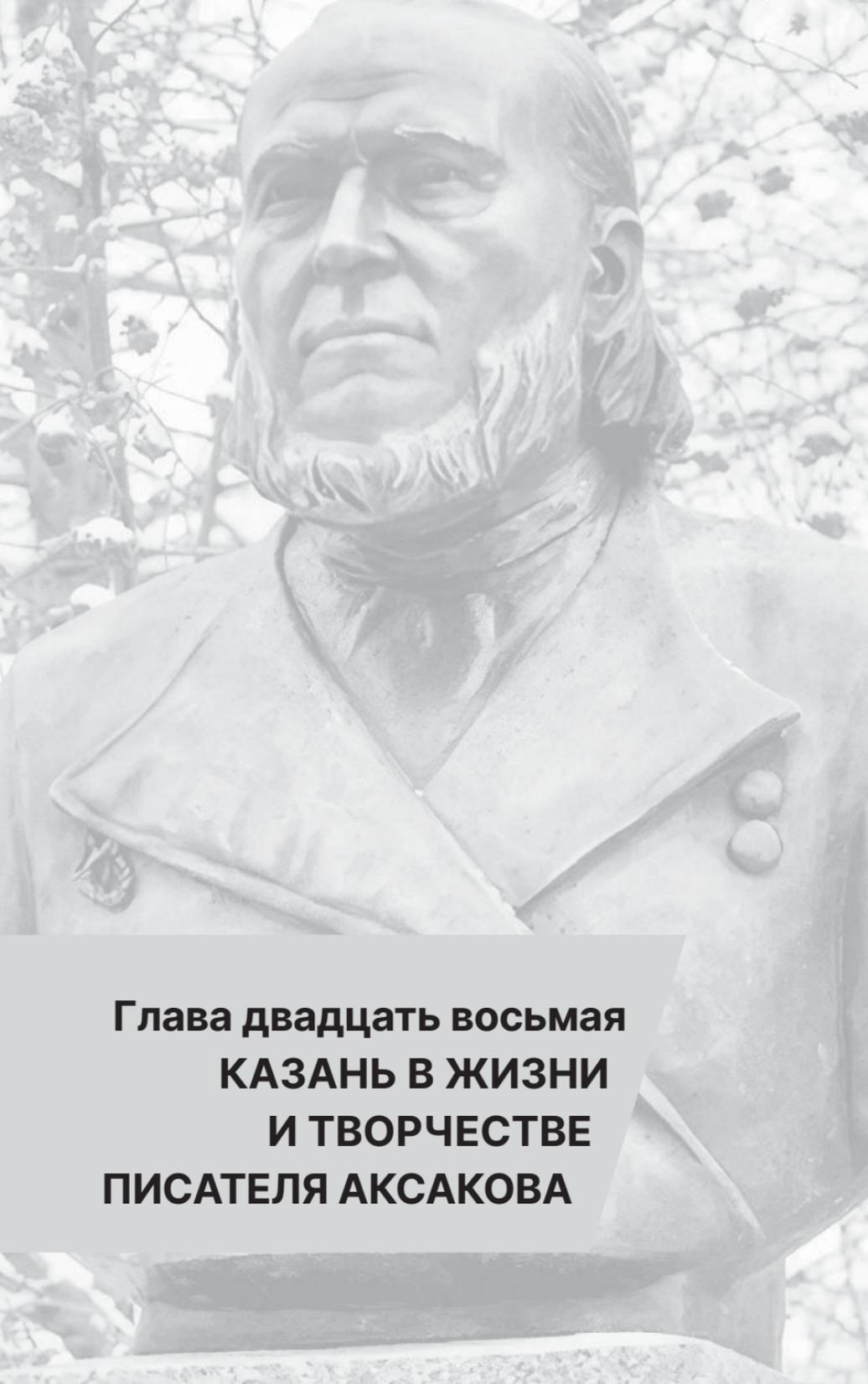
Казань в лирике Рустема Кутуя не только объект изображения, но и субъект, причем субъект особого типа,

занимающий по отношению к «я» позицию «внеаходимости» и внежизненной активности. Диалог с этим сверхсубъектом выполняет структурообразующую функцию в произведениях поэта, раскрывая самосознание и самоопределение его лирического героя.

ВЕНЕРА РУДАЛЕВНА

АМИНЕВА

российский литературовед

**Глава двадцать восьмая
КАЗАНЬ В ЖИЗНИ
И ТВОРЧЕСТВЕ
ПИСАТЕЛЯ АКСАКОВА**

Сергей Тимофеевич Аксаков не был уроженцем Казани, однако провел в этом городе свои годы учебы в гимназии и университете. Он родился 1 октября 1791 года в Уфе. Зимой 1799 года его мать, Мария Николаевна Аксакова, впервые привезла восьмилетнего Сережу в Казань и записала его в одно из старейших учебных заведений города — первую Казанскую мужскую гимназию.

Преподаватель, принимавший вступительный экзамен у Аксакова, пришел в восхищение от столь развитого во всех отношениях мальчика, и Аксаков был принят в число казенных воспитанников гимназии.

РЕНАТ ХАЙРУЛЛОВИЧ
БИКБУЛАТОВ
российский историк, краевед
и писатель

В середине зимы 1799 года приехали мы в губернский город Казань. Мне было восемь лет. Морозы стояли трескучие, и хотя заранее были наняты для нас две комнаты в маленьком доме капитанши Аристовой, но мы не скоро отыскивали свою квартиру, которая, впрочем, находилась на хорошей улице, называющейся Грузинскою.

Мальчику было трудно адаптироваться к новой обстановке, и он тяжело переносил разлуку с матерью, что привело

■ Сергей Аксаков. 1901

к острому нервному расстройству. Родственники были вынуждены забрать его из гимназии и вернуть домой. Только через год, в 1801 году, они вновь решили отправить Серёжу Аксакова в Казань.

Приезд в Казань было новое самопожертвование со стороны моей матери. Здоровье ее очень от того пострадало... и вся жизнь ее состояла из таких самопожертвований!

На этот раз он был зачислен в гимназию в качестве вольноприходящего.

Вторичная разлука с матерью прошла для молодого Аксакова значительно легче. Казанская гимназия отличалась сравнительно неплохой постановкой обучения, хорошим, хотя и пестрым, составом преподавателей. Здесь царил атмосфера, в общем вполне благоприятствовавшая развитию духовных интересов учащихся.

РЕНАТ ХАЙРУЛЛОВИЧ
БИКБУЛАТОВ
российский историк, краевед
и писатель

А 14 февраля 1805 года состоялось открытие Казанского университета.

Уже около года носились слухи, что в Казани будет основан университет. Слухи стали подтверждаться, и в декабре 1804 года получили официальное известие, что устав университета 5 ноября подписан государем. Попечителем был назначен действительный статский советник Степан Яковлевич Румовский, который и приехал в Казань. Это событие взволновало весь город, еще более гимназию и преимущественно старший класс.

22 февраля 1805 года учеников собрали в зале, и директор гимназии, он же первый директор Казанского университета, Илья Федорович Яковкин прочитал им статьи указа, в которых говорилось об обязанностях студентов. Затем он огласил состав студентов, переведенных в университет из старших гимназистов.

Всего в университет были зачислены 33 лучших выпускника Казанской гимназии, из которых 28 стали «казенными» студентами (обучавшимися за счет государства), а остальные 5 — «своекоштными» (платившими за обучение). Также в университете обучались и «слушатели» (представители купечества, мещанства и крестьянства).

Для новоиспеченных студентов в здании гимназии на улице Воскресенской были выделены отдельные помещения. Они получили специальную форму, отличавшуюся от гимназической наличием шпаг (это воспринималось моло-

■ Эммануил Дмитриев-Мамонов. Портрет Сергея Аксакова. 1850-е

дыми людьми как атрибут некоего обряда, сравнимого разве что с посвящением в рыцари).

Первым в списке (по алфавиту) стояло имя 14-летнего Сергея Аксакова. Поэтому-то его и называют «первым казанским студентом».

В конце августа 1805 года в университетских аудиториях начались первые лекции. Многие студенты, в том числе и Аксаков, продолжали учиться в гимназии, будучи уже зачисленными в университет.

РЕНАТ ХАЙРУЛЛОВИЧ
БИКБУЛАТОВ
российский историк, краевед
и писатель

Сергей Аксаков был усердным учеником, особенно хорошо ему давались гуманитарные дисциплины. С точными науками обстояло сложнее, но со временем он также добился успеха в некоторых из них, например в физике, которую преподавал его любимый учитель Иван Ипатьевич Запольский. Интересный факт: на одном курсе с Аксаковым учился Николай Лобачевский, который впоследствии стал известным математиком и ректором Казанского университета.

Сергей Аксаков очень любил природу, рыбалку и охоту. В Казанском университете он с увлечением занялся коллекционированием бабочек, чему способствовали лекции профессора Карла Федоровича Фукса.

Зная, что с половины августа я начну слушать лекции натуральной истории у профессора Фукса, только что приехавшего в Казань, я решил заранее, что буду собирать бабочек, и в эту вакацию, с помощью моей сестры, сделал уже приступ к тому; но, увы, не умея раскладывать и высушивать бабочек, я погубил понапрасну множество этих прелестных творений.

Со временем Аксаков и его лучший друг Александр Панаев начали полностью посвящать свое свободное время

ловле бабочек, проводя целые дни в садах, на лугах и в пригородных рощах. Вставая еще до восхода солнца, они отправлялись на расстояние 6–7 километров от Казани, и успех в ловле бабочек заставлял их забыть обо всем.

При первой возможности мы с Панаевым отправлялись за город, посетили сад Нееловский, Госпитальный и даже сад Чемесова. Мы ходили с Панаевым также на пасеку и находящиеся по обеим ее сторонам гористые места, или лучше сказать глубокие овраги, обраставшие тогда молодым леском, за которым впоследствии утвердилось название «Казанской Швейцарии», данное нами, то есть казанскими студентами.

Во время учебы в казанской гимназии и Казанском университете у Сергея Аксакова проснулся интерес к литературе и искусству, и одним из его любимых увлечений стал театр.

Надо сказать, что увлечение литературой было одним из любимых занятий гимназистов и студентов Казанского университета. Наглядно это проявлялось в том, что там было популярно издание рукописных журналов. Один из таких журналов — «Аркадские пастушки» — выпускал близкий друг Аксакова Александр Панаев. В этом своем журнале он размещал стихи, написанные «на манер Карамзина». Аксакову это не очень нравилось, и он с 1806 года принялся издавать рукописный «Журнал наших занятий».

Мы с Александром Панаевым решили издавать письменный журнал в наступающем 1806 году под названием «Журнал наших занятий», но без имени издателя. Это было предприятие уже более серьезное, чем «Аркадские пастушки», и я изгонял из этого журнала, сколько мог, идиллическое направление моего друга и слепое подражание Карамзину. Я в то время боролся из всех сил против этого подражания.

Литературная жизнь в Казанском университете была весьма оживленной, и молодые поэты ощутили необходимость объединиться. Это привело к созданию весной 1806 года «Общества любителей отечественной словесности». Чле-

■ Рукописный журнал «Аркадские пастушки». 1804

ном общества мог стать любой, кто занимался сочинительством или переводом. Каждый новый участник должен был представить свое произведение или перевод, и только после обсуждения решался вопрос о его принятии в общество.

Сергей Аксаков был принят в общество в январе 1807 года, представив свое стихотворение «Зима».

Деятельность общества казалась Аксакову безумно интересной. В него входили не только студенты, но и профессора университета, и вскоре о нем стало известно и за пределами Казани.

Что же касается театра, то гордостью Казани в то время был Публичный театр, где иногда выступали известные столичные артисты, находившиеся на гастролях. По сути, именно в Казани Аксаков впервые узнал, что такое профессиональный театр.

До половины зимы мирно текли мои классные и домашние упражнения. <...> Но в это время приехал в Казань мой родной дядя А. Н. Зубов; он свозил меня два раза в театр, разумеется, с позволения моего воспитателя: в оперу «Песнолюбие» и в комедию «Братом проданная сестра». Эти два спектакля произвели на меня почти такое же

впечатление, как и ружейная охота. Я питал особенное пристрастие к театральным сочинениям и по рассказам составил себе кое-какое понятие об их сценическом исполнении. Но действительность далеко превзошла мои предположения. Я грезил виденными мною спектаклями и день и ночь и так рассеялся, что совершенно не мог заниматься ученьем.

В университете была сформирована любительская театральная труппа из студентов, основным репертуаром которой стали комедии и мещанские драмы. Аксаков выступал организатором этого самодеятельного театра и даже стал соавтором одной из драматических пьес, постановка которой положила начало театральной деятельности. Эта пьеса позволила Аксакову узнать, что такое первый сценический успех.

Публичный театр в Казани, один из первых провинциальных театров, существовал с 1803 по 1814 год под управлением помещика Павла Петровича Есипова. Ранее он содержал крепостной театр в своем имении в селе Юматовка Свияжского уезда Казанской губернии. В 1798 году, воспользовавшись визитом императора Павла I в Казань, он получил разрешение на создание городского публичного театра при условии постройки специального здания. В 1802 году, после получения официального одобрения от Дирекции императорских театров в Санкт-Петербурге, Есипов начал строительство этого здания. Позже, имея собственный дом на Поповой горе в Казани, он жил при театре. Как отмечали «Казанские известия», «господин Есипов, будучи любителем и знатоком театра, не щадил ничего для возвышения оно́го».

Репертуар театра Есипова не сильно отличался от других театров начала XIX века. Тем не менее Сергей Аксаков запомнил многих актеров той труппы и упоминал их имена в своих «Воспоминаниях».

Именно в тот период (1805–1806) молодой Аксаков и его друзья так увлеклись игрой знаменитого московско-го актера П. А. Плавильщикова (он в ту пору гастроли-

ровал в Казани), что решили снова, как в гимназии, попытать счастья на сцене. В скором времени в одной из комнат студентов были представлены комедия М. И. Верёвкина «Так и должно» и пьеса А. П. Сумарокова «Приданое обманом». Приглашенные на премьеру зрители пришли в неопиcуемый восторг. Сам Аксаков исполнял в спектакле одну из главных ролей. «В награду за отличное поведение» студенты получили разрешение устроить собственный театр в университете с декорациями, занавесом и кулисами. Директором труппы был избран Аксаков.

РЕНАТ ХАЙРУЛЛОВИЧ
БИКБУЛАТОВ
российский историк, краевед
и писатель

Университетские годы С. Т. Аксакова в Казани прошли целиком под знаком театра. Он был постоянным посетителем спектаклей есиповской труппы.

Содержатель Публичного театра П. П. Есипов подарил мне кресло на всегдашний свободный вход в театр. Это был последний университетский спектакль, в котором я играл, последнее мое сценическое торжество в Казани. Откровенно признаюсь, что воспоминание о нем и теперь приятно отзывается в моем сердце. Много есть неизъяснимо обаятельного в возбуждении общего восторга! Двигать толпою зрителей, овладеть их чувствами и заставить их слиться в одно чувство с выражаемым тобою, жить в это время одной жизнью с тобою — такое духовное наслаждение, которым долго остается полна душа, которое никогда не забывается!

А 13 февраля 1807 года отец, титулярный советник Тимофей Степанович Аксаков, подал прошение о разрешении забрать сына из университета для определения его на службу (он был уверен, что для воспитания юноши целесообразнее будет избрать государственную службу в столице). Просьба была удовлетворена в тот же день.

Тяжело было расставание с родным университетом, шумной молодой жизнью, невозвратной порой бесшабашной юности.

Прощай, шумная, молодая, учебная жизнь! Прощайте, первые, невозвратные годы юности пылкой, ошибочной, неразумной, но чистой и благородной! Ни свет, ни домашняя жизнь со всеми их дрянностями еще не помрачили вашей ясности! Стены гимназии и университета, товарищи — вот что составляло полный мир для меня. Там разрешились молодые вопросы, там удовлетворялись стремления и чувства! Там был суд, осуждение, оправдание и торжество! Там царствовало полное презрение ко всему низкому и подлому, ко всем своекорыстным расчетам и выгодам, ко всей житейской мудрости — и глубокое уважение ко всему честному и высокому, хотя бы и безрассудному. Память таких годов неразлучно живет с человеком и, неприметно для него, освещает и направляет его шаги в продолжение целой жизни, и куда бы его ни затащили обстоятельства, как бы ни втоптали в грязь и тину, — она выводит его на честную, прямую дорогу. Я, по крайней мере, за все, что сохранилось во мне доброго, считаю себя обязанным гимназии, университету, общественному учению и тому живому началу, которое вынес я оттуда. Я убежден, что у того, кто не воспитывался в публичном учебном заведении, остается пробел в жизни, что ему недостает некоторых, не испытанных в юности ощущений, что жизнь его не полна.

Молодые годы, проведенные в Казани, Аксаков по праву считал лучшими в своей жизни. Он утверждал, что всем, что сохранилось в нем доброго, он обязан «гимназии, университету, общественному учению и тому живому началу, которое вынес я оттуда».

В марте получил я аттестат, поистине не заслуженный мною. Мало вынес я научных сведений из университета не потому, что он был еще очень молод, не полон и не устроен, а потому, что я был слишком молод и детски увлекался в разные стороны страстностью моей при-

роды. Во всю мою жизнь чувствовал я недостаточность этих научных сведений, особенно положительных знаний, и это много мешало мне и в служебных делах, и в литературных занятиях.

После недолгого визита к родным в Оренбургскую губернию и полугодичного проживания в Москве, С. Т. Аксаков, наконец, поселился в Санкт-Петербурге. Именно там стартовала его литературная карьера, которая принесла ему широкую известность по всей России.

Конечно же, в творчестве Сергея Тимофеевича, развившего свои литературные способности и ставшего известным писателем, Казань присутствует достаточно обширно, и его слова о Казани, помимо художественных достоинств, обладают еще и большой познавательной ценностью как исторические документы.

Всего в период с 1847 по 1858 год было опубликовано 12 прижизненных книг Сергея Тимофеевича (переиздания в том числе).

Главной чертой этих текстов является осознание Казани как важной части отечественной истории и в то же время описание города в духе критического реализма с опорой на географические достопримечательности города.

РЕГИНА РАВИЛЕВНА
ВАЛИУЛЛИНА
российский литературовед

Вот лишь несколько фрагментов, в которых говорится о Казани и о происходившем тогда в Казани:

Не знаю, какие обстоятельства принудили моих родителей, при их стесненном положении в деньгах, приехать в губернский город Казань, но знаю, что это было сделано не для меня, хотя вся моя будущность определилась этой поездкой. Проснувшись на другой день, я был поражен движением на улице; до сих пор я ничего подобного

не видывал. Впечатление было так сильно, что я не мог оторваться от окошка.

Вообще я должен заметить, что зимы во время моего детства и ранней молодости были гораздо холоднее нынешних, и это не стариковский предрассудок; в бытность мою в Казани, до начала 1807 года, два раза замерзала ртуть, и мы ковали ее, как разогретое железо. Теперь уже в Казани это сделалось преданием старины.

Здание гимназии (теперешний университет) стояло на горе; вид был великолепный: вся нижняя половина города с его Суконными и Татарскими слободами, Булак, огромное озеро Кабан, которого воды сливались весною с разливом Волги, — вся эта живописная панорама расстилась перед глазами. Я очень помню, как ложились на нее сумерки и как постепенно освещалась она утренней зарей и восходом солнца.

Огромное белое здание гимназии, с ярко-зеленой крышей и куполом, стоящее на горе, сейчас бросилось мне в глаза и поразило меня, как будто я его никогда не видывал. Оно показалось мне страшным, очарованным замком (о которых я читывал в книжках), тюрьмою, где я буду колодником. Огромная дверь на высоком крыльце между колоннами, которую распахнул старый инвалид, и которая, казалось, проглотила меня; две широкие и высокие лестницы, ведущие во второй и третий этаж из сеней, освещаемые верхним куполом; крик и гул смешанных голосов, встретивший меня издали, вылетающий из всех классов, потому что учителя еще не пришли, — все это я увидел, услышал и понял в первый раз. Несмотря на то, что я жил в гимназии уже более недели — я не замечал ее. Только теперь почувствовал я себя казенным воспитанником казенного учебного заведения. Целый день я удивлялся всему, как будто новому, невиданному, и Боже мой! как все показалось мне противно! Вставанье по звонку, задолго до света, при потухших и потухающих ночниках и сальных свечах, наполнявших воздух нестерпимой вонью; холод в комнатах, отчего вставать еще неприятнее бедному дитяти, кое-как согревшемуся под байковым одеялом; общественное умыванье из медных раковин, около которых всегда бывает ссора и драка; ходьба фрунтом на молитву, к за-

втраку, в классы, к обеду и т.д.; завтрак, который состоял в скоромные дни из стакана молока пополам с водой и булки, а в постные дни — из стакана сбитня с булкой; в таком же роде обед из трех блюд и ужин из двух... Чем все это должно было казаться изнеженному, избалованному мальчику, которого мать воспитывала с роскошью, как будто от большого состояния? Но всего более приводили меня в отчаяние товарищи: старшие возрастом и ученики средних классов не обращали на меня внимания, а мальчики одних лет со мною и даже моложе, находившиеся в низшем классе, по большей части были нестерпимые шалуны и озорники; с остальными я имел так мало сходного, общего в наших понятиях, интересах и нравах, что не мог с ними сблизиться и посреди многочисленного общества оставался уединенным.

В спальнях держали двенадцать градусов тепла, что, кажется, и теперь соблюдается во всех казенных учебных заведениях, и что, по-моему, решительно вредно для здоровья детей. Нужно не менее четырнадцати градусов.

Печатных афиш тогда в городе не было; некоторые почетные лица получали афиши письменные из конторы театра, а город узнавал о названии пьесы и об именах действующих лиц и актеров из объявления, прибывающего четверть гвоздиками к колонне или к стене главного театрального подъезда. Я должен признаться, что мы воровали афиши. Подъедешь, бывало, к театральному крыльцу, начнешь читать афишу и, выждав время, когда кругом никого нет, сорвешь объявление, спрячешь в карман и отправляешься с добычею в университет. Впоследствии содержатель театра Есипов, узнав студентские проделки, дал позволение студентам получать афишу в конторе театра.

Наступил 1807 год. Шла решительная война с Наполеоном. Впервые учредилась милиция по всей России; молодежь бросилась в военную службу, и некоторые из пансионеров, особенно из своекоштных студентов, подали просьбы об увольнении их из университета для поступления в действующую армию, в том числе и мой друг, Александр Панаев, с старшим братом своим, нашим лириком, Иваном Панаевым. Краснея, признаюсь, что мне тогда и в голову

не приходило «лететь с мечом на поле брани», но старшие казенные студенты, все через год назначаемые в учителя, рвались стать в ряды наших войск, и поприще ученой деятельности, на которое они охотно себя обрекали, вдруг им опротивело; обязанность прослужить шесть лет по ученой части вдруг показалась им несносным бременем. Сверх всякого ожидания, в непродолжительном времени исполнилось их горячее желание: казенным студентам позволено было вступать в военную службу. Это произошло уже после моего выхода из университета. Многих замечательных людей лишилась наука, и только некоторые остались верны своему призванию. Не один Перевощиков, Симонов и Лобачевский попали в артиллерийские офицеры, и почти все погибли ранозревающей смертью.

Сегодня произведения Сергея Тимофеевича Аксакова дороги нам как чистый родник души человека, неразрывно связанного с природой, неиссякаемый источник познания жизни, красоты окружающего мира. Для казанцев мемуары Аксакова — бесценный клад познания истории и культуры целого города начала XIX века. Казанский период жизни отражен писателем в автобиографическом произведении «Воспоминания». И не случайно одна из улиц Кировского района Казани носит имя Аксакова.

РЕНАТ ХАЙРУЛЛОВИЧ
БИКБУЛАТОВ
российский историк, краевед
и писатель

**Глава двадцать девятая
КАЗАНЬ И ВЛАДИМИР
УЛЬЯНОВ (ЛЕНИН)**

В мае 1887 года в «Симбирских губернских ведомостях» появилось объявление о продаже дома с садом, роялем и мебелью, связанное с отъездом владельца. Это был дом Ульяновой на Московской улице. Спустя несколько дней Мария Александровна, мать будущего вождя пролетарской революции, обратилась в банк с просьбой выдать ей 2000 рублей со счета своего недавно умершего мужа Ильи Николаевича Ульянова. Таким образом, для Володи Ульянова начался его казанский период.

Поверхностно город уже был ему знаком. В Казани учился его отец (он в 1854 году с отличием окончил физико-математический факультет Казанского университета), жили родственники Ардашева-Пономарева и Веретенникова (сестры матери), а в Кокушкино, село под Казанью, Ульяновы ездили отдыхать каждое лето.

Семья только что потеряла отца (он умер 12 января 1886 года), старшего брата Александра казнили 8 мая 1887 года за покушение на царя Александра III, старшая сестра Анна находилась в ссылке.

Казань — место, где Владимир Ульянов совершил странный — не иррациональный, но крайне нерасчетливый — поступок, сломавший его жизнь. Там из обычного юноши он сделался врагом государства; возможно, просто умудрился оказаться в неправильном месте

в неправильное время — но, возможно, то было запрограммированное судьбой «обращение» из Савла в Павла. И если поступки человека хоть сколько-нибудь детерминированы средой, то, не исключено, ключ к разгадке ленинского поведения следует искать в самом городе, история которого была обусловлена диалектическим противоречием между интересами центра империи и этнически маркированной периферии. Казань дала Ульянову важный опыт, значение которого прояснится лишь после революции — когда ему придется столкнуться с обусловленной как политикой, так и географией необходимостью заново восстанавливать развалившуюся империю на новом идеологическом базисе.

ЛЕВ АЛЕКСАНДРОВИЧ
ДАНИЛКИН
российский писатель
и литературный критик

Первым казанским домом для молодого Володи Ульянова стала 8-комнатная квартира его родственников, расположенная в Профессорском переулке. Эта квартира больше не существует, на ее месте сейчас находится кирпичное здание, в котором расположен спортивно-оздоровительный центр.

В августе семья Ульяновых переехала в другой деревянный дом на Первой горе (сейчас это улица Ульянова-Ленина, 24). У Владимира там была небольшая комната рядом с кухней и черным ходом, через который он возвращался домой после поздних встреч с товарищами. В его комнате стояла железная кровать, были полки с книгами и рабочий стол, на котором стояла простая керосиновая лампа — вот и все его скромное имущество.

Для Владимира целью приезда в Казань было поступление в Казанский университет. Но ситуацию очень серьезно осложняло то, что его старший брат был «политическим преступником», а сестра — ссыльной. Однако блестящее окончание гимназии и положительная характеристика от директора сыграли свою роль. Через некоторое время в дом Ульянова пришла резолюция: «Принять».

Интересный момент. Всем известно противостояние В. И. Ленина и А. Ф. Керенского в 1917 году. Так вот отец

■ Владимир Ульянов в гимназические годы. 1887

председателя Временного правительства, Федор Михайлович Керенский, с 1865 по 1869 год учился на историко-филологическом факультете Казанского университета, а затем преподавал русскую словесность, педагогику и латинский язык в различных учебных заведениях города. А в 1879 году, уже в чине коллежского советника, он получил назначение на должность директора Симбирской мужской гимназии, и там он был преподавателем Володи Ульянова, сына своего собственного начальника, директора симбирских училищ И. Н. Ульянова. И что удивительно, именно Ф. М. Керенский поставил Володе единственную четверку (по логике) в аттестате золотого медалиста 1887 года. Дело в том, что Федор Михайлович был крайне разочарован дальнейшим выбором Володи Ульянова, так как сам он советовал ему поступать на историко-словесный факультет университета. Семьи Керенских и Ульяновых в Симбирске поддерживали дружеские отношения и имели много общего в образе жизни, социальном положении и интересах. Федор Михайлович, после смерти Ильи Николаевича, активно участвовал в жизни

детей Ульяновых. И это именно он дал брату «политического преступника» положительную характеристику для поступления в Казанский университет. В ней он написал: «Весьма талантливый, постоянный, усердный, аккуратный, Ульянов во всех классах был первым учеником и при окончании курса награжден золотой медалью как самый достойный по развитию и поведению».

Короче говоря, Ф. М. Керенский помог Володе Ульянову, а тот в 1917 году организовал вооруженное восстание в стране и сверг его сына А. Ф. Керенского, вынудил его бежать из Зимнего дворца, а потом и из страны (Керенский-младший умер в 1970 году в Нью-Йорке).

Молодой Ульянов выбрал юридический факультет, хотя все советовали ему подавать заявление на истфак. Но Владимира совершенно не влекла профессия педагога. Он хотел быть адвокатом. Так он стал студентом-юристом.

В 1887/1888 учебном году вместе с ним обучалось 918 человек. Из них около 100 были молодыми людьми дворянского происхождения, а остальные — разночинцами и выходцами из бедных сословий. Всего факультетов было четыре, а на курсе Ульянова училось 60 человек. И, кстати, обучение было платное: в год за курс семья отдавала 50 рублей плюс по рублю за каждое занятие иностранным языком (чтобы было понятно, тогда на 1 рубль можно было купить 40 яиц или 1 кг речной рыбы).

Мария Александровна получала пенсию — в год 1200 рублей на тот период. 600 рублей приходилось на вдову, а 600 рублей — на детей, то есть по 100 рублей на каждого члена семьи. Если учесть, что нужно было платить за образование, а Владимир Ильич записался в университете на ряд лекций — историю римского права, историю русского права, энциклопедию права, — за полсеместра он должен был заплатить 16 рублей. Можно судить, сколько в среднем оставалось в год на личные нужды самого студента или члена семьи. Когда Владимир Ильич начал покуривать, Мария Александровна сделала ему замечание, что, не имея собственного до-

хода, он не имеет права делать какие-либо траты. Поэтому Владимир Ильич тут же прекратил это дело.

МАРИЯ ГЕОРГИЕВНА
ХАБИБУЛЛИНА
заведующая отделом
музея истории Казанского
университета

Несмотря на то, что это были немалые для семьи деньги, занятия Владимир посещал нерегулярно. По данным историков, в ноябре 1887 года он пришел на учебу лишь восемь раз — на лекции профессора Николая Павловича Загоскина по истории русского права. Другие предметы, похоже, не очень-то его и интересовали.

А потом в стране начались беспорядки среди студентов. Митинги быстро переросли в открытый бунт, в ответ применили силу: в Москве в стычке с полицией были убиты два студента. К протестному движению присоединилась и Казань. Бунтовавших поддержал и студент 1-го курса Владимир Ульянов. Студентов, естественно, разогнали, и учеба прекратилась на несколько дней. А потом

- Олег Вишняков. Сходка. (Ленин на революционной сходке студентов в Казанском университете 4 декабря 1887 года). 1986

в дома «особо отличившихся» начала приходить полиция. И Владимир был арестован на съемной квартире на Ново-Комиссариатской улице, где Ульяновы жили осенью 1887 года.

7 декабря 1887 года Владимир Ульянов, потеряв учебу и карьерные перспективы, был выслан в деревню Кокушкино. Там, в 40 километрах от Казани, в имении деда Александра Дмитриевича Бланка, в угловой комнате с самой скромной обстановкой, Владимир страстно перечитывал Чернышевского. Как он впоследствии напишет: «Чернышевский всего меня перепахал». Он перечитал его роман «Что делать?» более пяти раз и говорил, что именно тот указал ему пути и средства революционной борьбы. А еще там были долгие прогулки и беседы с ссыльной сестрой — вот и все развлечения.

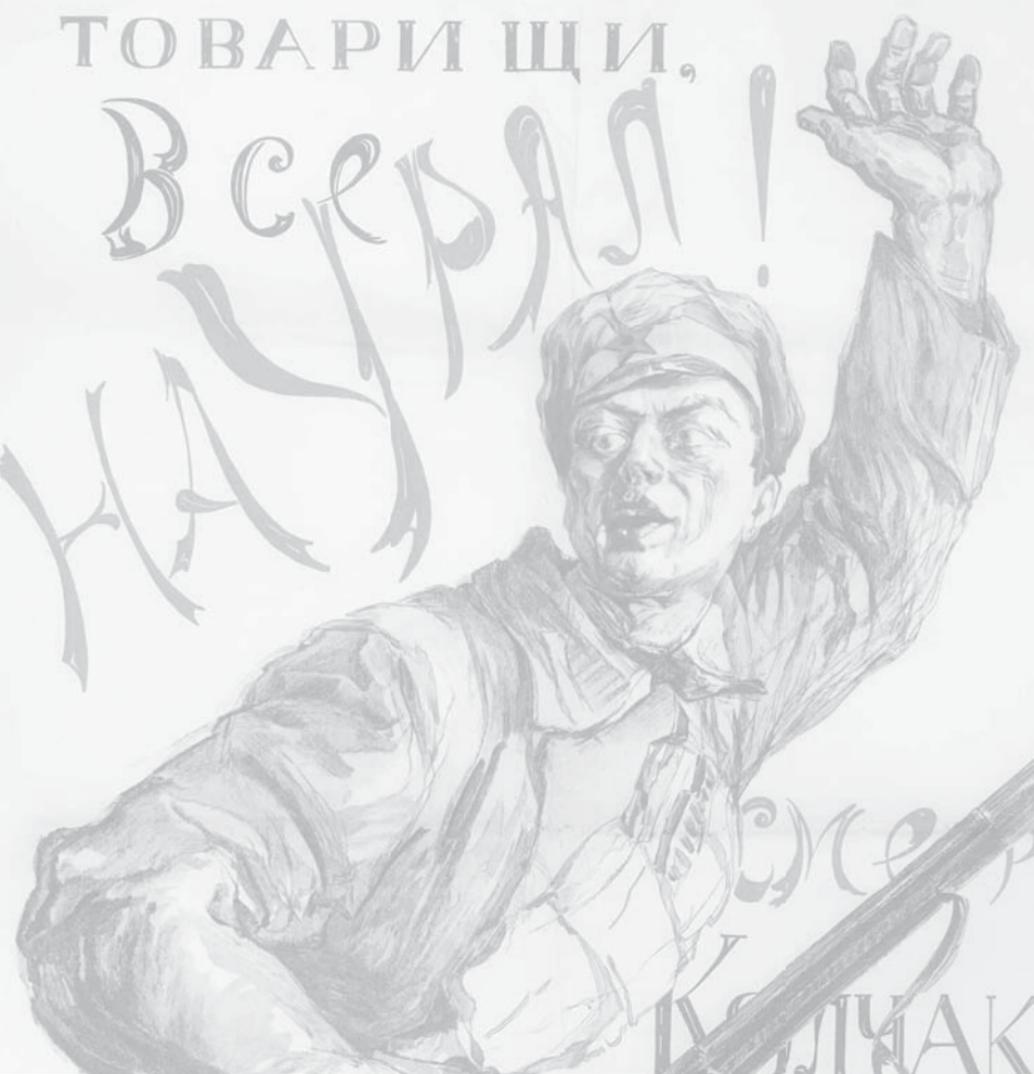
12 сентября Ульяновым — и Владимиру, и Анне — было разрешено вернуться в Казань.

Излюбленным местом Владимира стал Казанский театр. А еще он играл в шахматы и часто бывал в районе Собачьего переулка (теперь это улица Некрасова). Переулок этот так назывался потому, что рядом был рыбный рынок, вокруг которого бродили стаи собак. Там в студенческих квартирах собирались компании вольнодумцев. Среди них оказался и Ульянов. И именно из-за этого обеспокоенная мать увезла сына в Самарскую губернию: она подумала, что во второй раз добром его «подпольная деятельность» не закончится. С тех пор Владимир бывал в Казани только проездом.

Закончился год пребывания в Кокушкино. Мать понимала, что в университет сына не примут, да и сам Владимир Ульянов написал прошение: «Не признавая возможным продолжить мое образование в университете при настоящих условиях университетской жизни, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство сделать надлежащее распоряжение об изъятии меня из числа студентов Императорского Казанского университета». То есть в университет вход ему был практически

закрыт. Он подает еще одно прошение на имя министра внутренних дел — хотел уехать за границу и даже представил справку о состоянии здоровья, но за границу его тоже не выпустили. Тогда мать принимает решение покинуть Казань.

МАРИЯ ГЕОРГИЕВНА
ХАБИБУЛЛИНА
заведующая отделом
музея истории Казанского
университета

Глава тридцатая
ТАЙНА «ЗОЛОТА
КОЛЧАКА»

Эта загадочная и полная нестыковок история началась в конце сентября 1914 года.

Управляющий Казанским отделением Государственного банка Эдуард Антонович Берг получил зашифрованное сообщение из Петрограда с указанием принять на хранение первую партию государственного золота, которая вскоре должна была прибыть из столицы специальным поездом.

■ Александр Васильевич Колчак. 1919

Прошло уже более года с тех пор, как Российская империя начала участвовать в Первой мировой войне, и бои уже развернулись в Прибалтике. В связи с этим было принято решение эвакуировать государственные резервы из Петрограда — в целях их безопасности. И над тем, где разместить золотой запас империи, долго не размышляли. Дело в том, что буквально накануне войны в Казани завершилось строительство здания отделения Государственного банка со специальным помещением для хранения ценностей, оборудованным несгораемыми дверями и современной сигнализацией.

И вот 9 июня 1915 года в Казань особым транспортом отправились 2573 русских и иностранных слитка и 23 212 кружков и полос общим весом более 1876 пудов (около 30 016 кг) стоимостью в 39 666 307 рублей 79 копеек, русских и финляндских золотых монет на 49 943 650 рублей 15 копеек и иностранных золотых монет (в том числе долларов США, английских соверенов, бельгийских франков, германских марок, японских йен, греческих драхм, турецких лир и т.п.) на сумму 23 104 626 рублей 99 копеек.

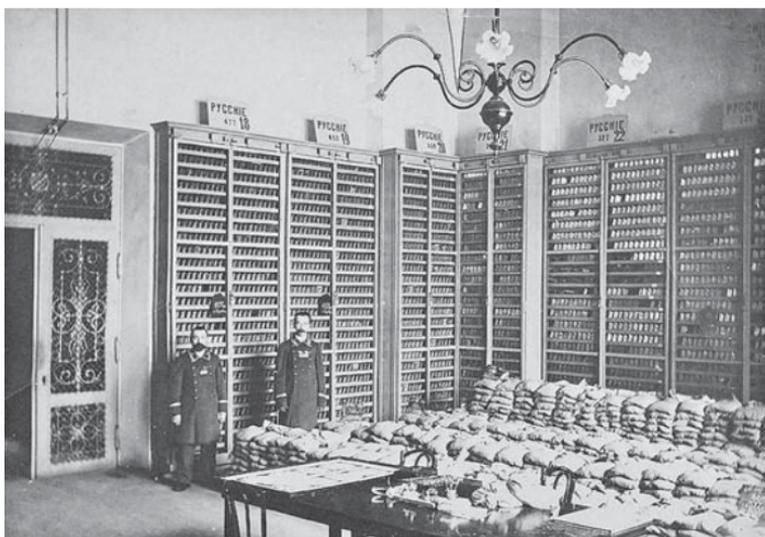
Казанское отделение должно было принять указанное золото для ответственного хранения в свою кладовую, а 830 золотых слитков, принадлежащих частным банкам, общим весом в более 385 пудов (около 6160 кг), оцененных в 7 295 507 руб. 10 коп., предлагалось определить на счет переходящих ценностей отделения. Следует отметить, что из слитков коммерческих банков в сентябре 1915 года было отослано обратно в Петроград 249 золотых слитков на сумму 1 930 832 руб. 80 коп. В апреле 1918 года центральное управление Народного банка было эвакуировано в Москву. В новую столицу был переведен вместе с другими государственными органами управления и Народный комиссариат финансов. В осложнившихся условиях внешней и внутренней военной угрозы было принято решение переправить в Казань часть ценностей Госбанка. Всего из Москвы в Ка-

заны в конце мая — середине июня поступили четыре транспорта.

РАДИК РИМОВИЧ САЛИХОВ
российский историк

Для осуществления этой секретной операции в 1918 году В. И. Ленин лично подписал распоряжение Московскому транспортному комитету о предоставлении 30 исправных грузовиков с полными баками бензина. Он беседовал с управляющим Московской конторой «Народного банка» об охране нескольких специальных поездов с государственными ценностями. Груз должен был быть доставлен в Казань в полной сохранности. «Это достояние республики. Необходимо исключить любые случайности и недоразумения», — отметил тогда Владимир Ильич.

Первый транспорт был принят 23 мая 1918 года. Второй транспорт поступил 29 мая в сопровождении старшего контролера И. В. Наконечного и других сотрудников Московской конторы «Народного банка». Третий транспорт сопровождал старший секретарь московской конторы «Народного банка» П. А. Павловский. Четвертый транспорт стал самым

■ Кладовая монет и слитков в здании Государственного банка в Санкт-Петербурге. 1910-е

большим. Его сопровождение вновь было доверено И. В. Наконечному. В его распоряжение были командированы помощник бухгалтера 2-го разряда К. П. Андрушкевич, помощник начальника охраны И. Ф. Комендантов, бухгалтер 2-го разряда А. Ф. Добросердов, контролеры И. В. Протопопов, Н. И. Латышев и Г. П. Сергеев.

Итак, отправленные из Москвы поезда пришли в Казань 23 и 29 мая, 1 и 18 июня 1918 года. В напряженной обстановке тех дней В. И. Ленин не меньше десяти раз запрашивал по телефону сведения о судьбе четырех «золотых эшелонов». А золото все продолжало поступать. В частности, 7 июня 1918 года из Самары были эвакуированы ценности местного отделения банка. На пароходе «Фельдмаршал Суворов» в Казань прибыло 1917 мешков золотых монет на 57,5 млн рублей и 6 тюков кредитных билетов общей суммой в 30 млн рублей. 28 июня из Тамбовского отделения банка поступил эшелон с золотыми монетами на 44,2 млн рублей. Деньги переводились из целого ряда средних и малых городов, отделений банков и казначейств — Орловского, Козловского, Тетюшского и т.п.

Через десятилетие, 15 декабря 1929 года, старший кассир Казанской областной конторы Госбанка Гали Ахмадуллин вспоминал об этих событиях следующее: «Советской властью было сделано распоряжение как из Москвы, так и из других городов золотую и серебряную монету сосредоточить в кладовых Казанского (отделения) Госбанка. Для этой цели, в спешном порядке, при помещении Госбанка приспособляли новые помещения. Золото в Казань прибывало в вагонах по железной дороге, упакованное в ящиках с пломбами и нумерацией, вес каждого ящика приблизительно был около 3 пудов. Выгрузка и перевозка золота с вокзала до помещения банка происходили следующим порядком: по распоряжению администрации для приемки из вагонов ящиков командировались старшие сотрудники, которые от сопровождавших лиц принимали счетом количество ящиков, а приемщики выгружали на автомобили, где тоже были уполномоченные сотрудники, и при накладной перевозили в кладовые банка. Перевозка золота происходила по определенному маршруту — от вокзала по Посадской улице, через Большую и Малую Проломные улицы. На всех этих улицах

был поставлен усиленный военный караул, и частное движение по этим улицам было воспрещено. Здание и двор Госбанка были оцеплены военным караулом, так что частному лицу доступа не было. Для выгрузки из вагонов и переноски ящиков в кладовые каждый раз посменно назначались роты воинских частей. <...> По окончании полной приемки составлялись акты и золото приходовалось по книгам банка. <...> Привоз и отвоз золота носил секретный характер».

Всего в 1918 году в казанскую кладовую свезли ценностей на сумму свыше 650 млн рублей. Это было более половины золотого запаса России, который на тот момент в пересчете на царский золотой рубль составлял около 1,1 млрд рублей. Оставшуюся часть золота отправили в Нижний Новгород, где у Госбанка также имелось хорошо оборудованное хранилище.

Чтобы было понятно, казанская часть золотого запаса империи — это и есть то самое «золото Колчака», которое вскоре отправилось на восток. Там, в Сибири, Верховным правителем России 18 ноября 1918 года стал белый адмирал Александр Васильевич Колчак, которого, как известно, «красные» расстреляли 7 февраля 1920 года.

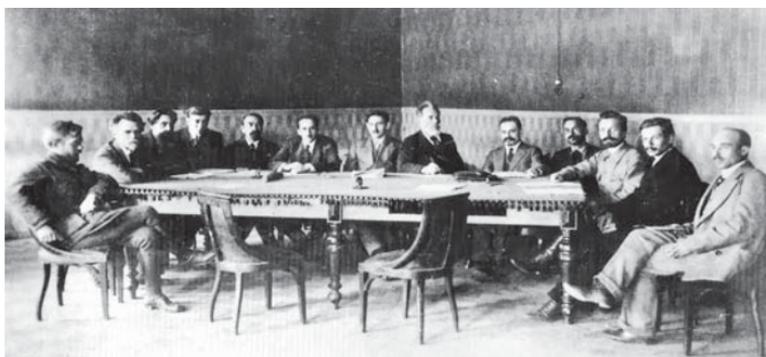
Но вот что стало с золотом? Его судьба, как водится, обросла легендами, и спустя сто с лишним лет трудно отличить реальность от вымысла. Но эта почти детективная история связана с Казанью, и не рассказать о ней в данной книге было бы неправильно.

После Октябрьской революции в стране началась гражданская война, и 7 августа 1918 года белые под командованием полковника В. О. Каппеля выбили из Казани большевиков.

Произошло это так.

Уполномоченный КОМУЧа* в Симбирске, а позднее уполномоченный в Казани 35-летний В. И. Лебедев записал в своем дневнике, что 28 июля 1918 года к нему при-

* Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания — так называлась первая организация, претендовавшая в период Гражданской войны на статус всероссийского антибольшевистского правительства. Реально власть КОМУЧа распространялась на территорию Среднего Поволжья, Прикамья и Южного Урала.

■ Руководство КОМУЧа. 1918

шла казанская делегация, предложившая командованию Народной армии идти на Казань и взять город. Позже он же в своих воспоминаниях писал, что отправил делегацию к чешскому генералу Станиславу Чечеку, который разрешил захват Казани.

В. И. Лебедев пишет: «Казань нами было решено взять еще и по следующим мотивам: в ней находилось все золото Российского государства, часть которого по примечанию к Брест-Литовскому договору должна была перейти в руки Германии. Там же находилось колоссальное количество всякого интендантского и артиллерийского снаряжения и вооружения. <...> В Казани было очень много офицеров, среди которых значительное число организовывалось для выступления против большевиков и которых большевики начали уже беспощадно расстреливать. Кроме того, Казань была большим политическим центром России и главным центром Поволжья».

В конце июля 1918 года в Казани чекисты действительно арестовали офицеров, вся вина которых состояла в том, что они не признали большевиков. И их не просто арестовывали, их расстреливали без суда и следствия.

Командовать частями Народной армии (вооруженного формирования КОМУЧа) для взятия Казани было поручено капитану (впоследствии — полковнику) А. П. Степанову, чехами и словаками — поручику Йозефу Иржи Швецу, офицерскими отрядами — полковнику Владимиру Оскаровичу Каппелю.

■ Борис Викторович Савинков. 1917

А еще в Казань прибыл, тайно перейдя линию фронта, легендарный террорист № 1 всей Российской империи 39-летний эсер Борис Викторович Савинков, от одного имени которого в начале XX века трепетала вся царская жандармерия.

В Казани отстаивать город и тонны золота готовились латышский полк Иоакима Вацетиса, новобранцы, рабочее ополчение и татарские подразделения интернационального батальона имени Карла Маркса под руководством Мулланура Вахитова.

Офицеры-боевики подпольного «Союза защиты родины и свободы» Савинкова ударили по «красным» с тыла. 6 августа бои уже шли в центре города, и тут из Казанского кремля в тыл латышским стрелкам вдруг ударили 300 бойцов сербского батальона под командованием майора Матии Благодича, неожиданно перешедшего на сторону белых. Красные дрогнули и обратились в бегство.

7 августа, в четыре утра, отряд сербов занял здание Казанского отделения Народного банка. А войска В. О. Каппеля в этот же день окончательно взяли Казань.

С помощью внутригородских антисоветских отрядов, отряда сербских солдат, охранявших Казанский кремль, подошедших кораблей Волжской флотилии белых и других отрядов, группе полковника Степанова и отряду Каппеля удалось сломить сопротивление красных частей и освободить город от большевиков. К тому же «золотой запас» России теперь оказался в руках белых.

ВАЛЕРИЙ ВИКТОРОВИЧ
КЛАВИНГ
советский и российский
публицист

Соответственно, ценности из кладовой отделения Госбанка, на проведение эвакуации которых не осталось ни времени, ни транспорта, ни людских ресурсов, достались «белым».

Это было почти 497 тонн золота на общую сумму 651 532 117 рублей 86 копеек. Правда, эта сумма была названа по итогам ревизии, проведенной в Омске позднее (в мае 1919 года), но телеграфировавший из Казани Владимир Оскарович упоминал похожую цифру: «Казань взята. Трофеи не поддаются подсчету, захвачен золотой запас России — 650 миллионов. Потери моего отряда — 25 человек, войска вели себя прекрасно».

Позднее, уже в Нью-Йорке, В. И. Лебедев вспоминал: «Всю ночь 6-го августа на улицах города продолжался бой, который закончился 7-го к полдню, когда Казань была в наших руках со всеми ее колоссальными запасами и с ее исключительным влиянием. В Казани мы взяли 30 000 пудов золота, на 100 миллионов рублей кредитных знаков, всю платину, которая была в российских банках, массу серебра и на неисчислимую сумму процентных бумаг, свезенных сюда из всех главных банков России. Все это было мною немедленно отправлено в Самару».

Так и было. Захваченные в Казани ценности спешно перевезли на городских трамваях к Волге, загрузили на два парохода и отправили в Самару, являвшуюся тогда столицей КОМУЧа.

События того времени были полны драматизма, власть переходила из одних рук в другие, и движение против большевиков не было монолитным: органы власти то возникали, то исчезали, постоянно куда-то переезжали, а зачастую существовали параллельно в разных местах. Однако в сентябре 1918 года в Уфе лидеры КОМУЧа и Временного Сибирского правительства договорились создать единый орган власти под управлением так называемой Директории, состоявшей, как в революционной Франции, из пяти человек. Золото и прочие ценности перевезли в Уфу, спасая от наступления «красных». Для этого потребовалось пять железнодорожных составов.

И вот в Уфе появилась первая легенда, связанная с этими ценностями: якобы по прибытии в город вскрылась пропажа 8 пудов золота (а это примерно 131 кг). И, будто бы, делу не дали хода в связи со статусом подозреваемого — это был подполковник Солодовников, начальник Уфимского штаба контрразведки.

9 октября 1918 года Временное правительство из-за угрозы наступления красных переехало в Омск. Туда же отправили и составы с золотом — с заездом в Челябинск. Так вот, остановка поезда на Урале породила еще одну легенду. Местные историки-любители уверены, что несколько ящиков с золотом якобы были спрятаны в окрестностях станции Злоказово под Златоустом. Утверждается, что золото там закопали по приказу самого А. В. Колчака. Но вот только проблема: на тот момент он еще не был единоличным правителем, и распорядиться ящиками с золотом по своему усмотрению он точно не мог.

В любом случае, составы с золотом прибыли в Омск. Там, в очередной столице белых, в ночь на 18 ноября 1918 года произошел переворот. В результате Директория прекратила свое существование, а Верховным правителем России был утвержден Александр Васильевич Колчак.

Впрочем, не все с этим согласились. В частности, забайкальский атаман Григорий Михайлович Семенов поначалу отказался признать власть Колчака на своей территории и подчинился, лишь когда ему стали грозить обвинением в измене.

■ Трамвай на Большой Проломной улице в Казани. 1910-е

Что же касается золота, то в мае 1919 года сотрудники банка начали его пересчет. На всех ящиках были проверены пломбы и печати, после чего актом от 10 мая 1919 года было подтверждено, что в Омске находилось золото на сумму 651 532 117 рублей (505 тонн). Кроме того, там хранилось золото, не включенное в государственный запас — золотые части приборов, принадлежавшие Главной палате мер и весов.

Летом 1919 года в здании Госбанка в Омске А. В. Колчак организовал выставку золотого запаса и редких драгоценных предметов для иностранных дипломатов, высших чинов командования союзными войсками и представителей прессы. Сделал он это для того, чтобы показать финансовую состоятельность своего правительства.

Однако в Омске «белые» продержались лишь до поздней осени 1919 года. 12 ноября адмирал Колчак покинул город, а вместе с ним — и его «золотой эшелон». Железнодорожные составы направились в Иркутск, ибо туда было решено перевести правительство.

Правительство и Ставка Колчака вынуждены были покинуть Омск, который 14.11.1919 без боя был сдан Красной Армии. Теперь Ставка вынуждена была «ру-

ководить» войсками, находясь в вагоне поезда, хотя и тешила себя еще надеждой, что вскоре восстановит свою «стационарную» деятельность, добравшись до Иркутска. Но это была лишь мечта. При таком массовом и быстром отступлении, в непрерывно меняющейся боевой ситуации, о реальном и квалифицированном руководстве государством и боевыми действиями из единого центра не могло быть и речи. При этом следует напомнить, что за поездом Колчака следовал эшелон с «золотым запасом» России. Это придавало особую специфику и важность начавшемуся железнодорожному марафону.

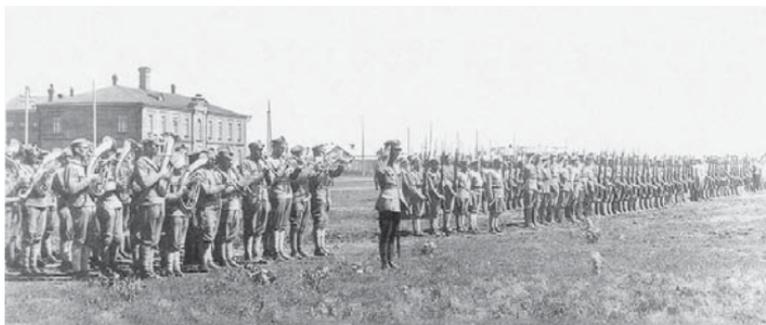
ВАЛЕРИЙ ВИКТОРОВИЧ
КЛАВИНГ
советский и российский
публицист

Главный управляющий делами Верховного правителя Георгий Константинович Гинс позже вспоминал, что союзники настойчиво уговаривали Колчака передать золото под международную охрану до Владивостока. Однако адмирал решительно отказал, заявив, что лучше отдать золото большевикам.

И тут самое время упомянуть о так называемом Чехословацком корпусе, состоявшем из пленных чехов и словаков, бывших военнослужащих австро-венгерской армии, выразивших желание участвовать в войне против Германии и Ав-

■ Георгий Константинович Гинс. 1910-е

■ Чехословацкий корпус. 1918

стро-Венгрии. Их было более 60 тыс. человек. Корпус тогда был расквартирован вдоль Транссиба и на многих участках фактически контролировал железную дорогу. Чехи и словаки (а вместе с ними были еще румыны, сербы и представители других народов), когда война закончилась, хотели вернуться домой, и сделать это они планировали по морю через Владивосток. Однако Антанта сорвала достигнутое соглашение, и обманутый корпус с оружием в руках стал сам добиваться возвращения на родину. Проще говоря, он невольно оказался участником совершенно чужой для чехословаков гражданской войны. С мечтой добраться до морского порта чехословаки примкнули к «белым», обещавшим эвакуировать их на французских кораблях.

Командование Чехословацкого корпуса прекрасно понимало, насколько существенной силой располагает. То ли в целях более быстрого продвижения своих солдатских эшелонов к Владивостоку, то ли чтобы оказать давление на Колчака, чехословаки постоянно задерживали «литерные» поезда адмирала, в том числе и «золотой эшелон», ломая голову, как бы повыгоднее продать этот столь желанный для большевиков «товар».

После шестидневного простоя в Красноярске А. В. Колчак совершил роковую для себя ошибку. Пытаясь побыстрее добраться до Иркутска, он решил ехать отдельно от своих войск, оставив при себе лишь личный конвой из 60 офицеров и 500 солдат. А в это время вокруг Транссиба действовали отряды повстанцев из большевиков и эсеров, которые устроили настоящую охоту за Колча-

ком и его золотом. Плюс 24 декабря под Иркутском начался вооруженный мятеж, поэтому союзники остановили состав адмирала в Нижнеудинске и взяли его под охрану, а фактически — под арест. И тут у адмирала не осталось выбора: либо чехословацкий конвой, либо попасть в руки врагов.

«Выяснение отношений» достигло кульминации 12.12.1919, когда в Красноярске чехи задержали поезд Верховного и, применив силу, отцепили паровоз, мотивируя это необходимостью подсоединить его к эшелону с убежавшими во Владивосток солдатами Чехословацкого корпуса, а также ссылаясь на очередь отправки санитарных поездов с ранеными.

ВАЛЕРИЙ ВИКТОРОВИЧ
КЛАВИНГ
советский и российский
публицист

Иркутский мятеж закончился победой эсеровского Политцентра, а правительство Колчака, члены которого прибыли в город раньше адмирала, было арестовано. Адмирал, оказавшийся в Нижнеудинске, решил распустить почти всю свою личную охрану и полностью доверил себя и «золотой эшелон» чехословакам. Похоже, Александр Васильевич надеялся, что ему удастся вместе с иностранными военными избежать красных и добраться до Владивостока, чтобы спастись.

Но на пути следования к Иркутску произошло ЧП. Во время стоянки на станции Тыреть исполняющий обязанности директора Госбанка Николай Станиславович Казановский вдруг обнаружил сорванные пломбы на одном из вагонов с золотом. Спешно созванная комиссия установила, что где-то на перегоне было похищено 13 ящичков с золотом на сумму в 780 тыс. рублей. Понятное дело, заподозрили охранявших эшелон чехословаков, но их командование все, естественно, отрицало, а возможности провести пол-

■ Последнее фото Колчака перед расстрелом. 1920

ночное расследование не было. И состав вынужден был отправиться дальше.

Адмирала фактически предали. Когда состав прибыл в Иркутск 15 января 1920 года, чехословаки передали его эсерам, действуя по договоренности с командующим войсками Антанты генералом Морисом Жаненом и нарушая данные прежде обещания. Как говорится, ничего личного — просто эсеры пообещали обеспечить беспрепятственный проезд Чехословацкого корпуса до Владивостока и предоставить необходимое количество угля для паровозов. А вот версия о том, что Колчака выдали в обмен на золото, не получила убедительных подтверждений.

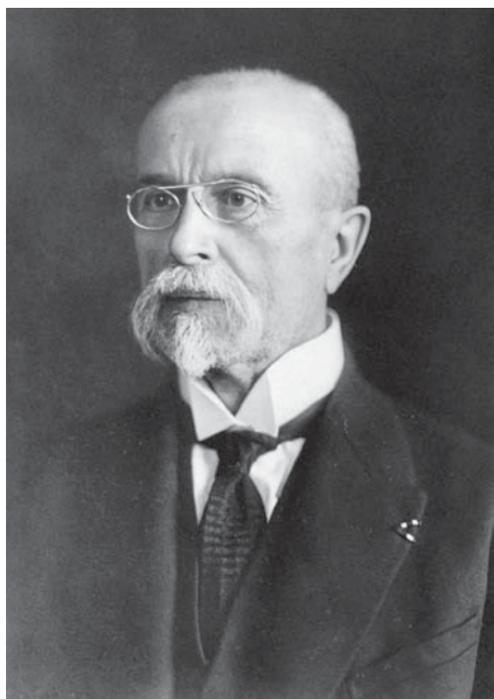
Вскоре власть в городе перешла к большевикам, эсеры передали им адмирала, и А. В. Колчака расстреляли. Так советская власть вернула себе остатки золота, утраченного при сдаче Казани за полтора года до этого.

Казалось бы, история закончена. Но вот только вопрос: а сколько золота к тому моменту осталось? Комиссия Ревкома проверила груз и обнаружила золота на 409 млн 625 тыс. 870 рублей. Это 317,5 тонн чистого золота. Именно столько вернули обратно в Казань. И именно столько было зачислено на баланс Центрального бюджетно-расчетного управления Наркомфина.

Интересно отметить, что Народный комиссариат финансов РСФСР в июне 1921 года составил справку, из которой следовало, что за период правления адмирала Колчака золотой запас России сократился на 235,6 млн рублей (или на 182 тонны). И что интересно, в некоторых ящиках, где некогда хранились золотые слитки, якобы были обнаружены камни.

Ряд историков утверждают, что чехословаки все же вывезли часть золота в Европу, где оно якобы осело в пражском «Легиябанке» (банке вернувшихся на родину чехословацких легионеров, ставшем одним из крупнейших банков Чехословакии). Эта версия во многом подкрепляется шумихой вокруг сомнительных капиталов «Легиябанка», поднявшейся в Европе в начале 1920-х годов. Однако, по уточненным данным, пропавшего колчаковского золота не могло хватить для основания банка. Тем не менее, за богатства, вывезенные из России, пришлось отвечать даже президенту Чехословакии Томашу Масарику и министру иностранных дел Эдуарду Бенешу. Однако им удалось объяснить своему парламенту, что «золотой эшелон» был передан сибирскому Политцентру, в частности — 7-й роте Иркутского полка охраны.

Сторонники версии о том, что чехословаки вывезли российское золото, указывают на выступление премьер-министра Карела Крамаржа перед русскими студентами в 1921 году. Как вспоминал русский эмигрант Николай Келин, который тогда учился в Карловом университете, премьер намекнул, что студенты получают помощь из средств, похищенных командованием Чехословацкого корпуса. И Чехословакия действительно помогала эмигрантам из России, потратив в рамках «русской акции» в 1921–1927 гг. в общей сложности 489 млн крон (приблизительно 170 млн долларов). Но это значительно большая сумма, чем та, которую чехословаки могли вывезти из России. Да и Карел Крамарж

■ Томаш Гарриг Масарик. 1937

вполне мог иметь в виду не эти деньги, а материальные ценности, добытые белочехами путем военных реквизиций и в результате коммерческой деятельности во время пребывания в России. Эти доходы, скорее всего, и служили источником процветания «Легиябанка».

Как видим, большая часть золота скорее всего была утрачена, а точнее — потрачена самим адмиралом Колчаком еще в Омске. И в этом нет ничего удивительного: Александр Васильевич частями продавал золото за границу, чтобы покупать оружие, амуницию и продовольствие для своих войск. Историки утверждают, что таким образом за рубеж утекло золота на сумму 190 млн 899 тыс. рублей. Но где остальное — почти 45 млн рублей?

Есть версия, что все захватил и присвоил склонный к самоуправству атаман Г. М. Семенов, упомянутый выше. В октябре 1919 года в Чите его люди остановили и «разгрузили» состав, перевозивший «колчаковское» золото во Владиво-

сток. Утверждается, что добыча атамана составила 43 млн 558 тыс. рублей.

Добавим к этому 13 ящиков золота на 780 тыс. рублей, которые пропали на станции Тыреть, а также мешок с золотыми монетами на 60 тыс. рублей, «потерянный с телеги» еще в Омске 31 октября 1919 года при перевозке из хранилища на вокзал. И что получится? Получится, что неизвестной останется судьба золота на сумму около 487 тыс. рублей. И, кстати, именно это пропавшее золото теперь ищут кладоискатели-любители множества городов от Иркутска до Петропавловска, где, по заверениям некоторых историков, его и быть не могло.

Глава тридцать первая
КАЗАНЬ В СОВЕТСКОЕ
ВРЕМЯ

27 мая 1920 года была основана Татарская АССР, столицей которой стала Казань. В 30-х годах XX века в городе стартовала активная индустриализация, что способствовало значительному увеличению численности населения и развитию северной части Казани: она стала сопоставима с исторической южной частью.

Во время Великой Отечественной войны Казань приняла эвакуированные крупные заводы, а также стала временной «научной столицей» Советского Союза, поскольку туда

- Делегаты VIII съезда профсоюзов ТР отправляются на экскурсию на меховую фабрику. 1929

■ Уголки старой Казани — улица Баумана. 1980-е

были перемещены Академия наук СССР и множество научно-исследовательских институтов из Москвы и Ленинграда (всего более 5000 сотрудников с семьями, среди которых были академики и члены-корреспонденты). Это позволило создать Казанский научный центр, ставший после войны первым региональным отделением Академии наук СССР.

Руководить перевозкой было поручено вице-президенту АН СССР, известному полярнику и челюскинцу, академику Отто Юльевичу Шмидту, который лично прибыл в Казань и встречал эшелоны. В аудиториях Казанского университета он разместил 1500 кроватей с матрацами.

9 января 1942 года в Казань с семьей прибыл будущий «отец» советской атомной бомбы Игорь Васильевич Курчатов. На улице стоял сильный мороз, транспорт не ходил, и Курчатовым пришлось несколько километров добираться пешком от железнодорожного вокзала до центра города — до Школьного (ныне Катановского) переулка, где в одной из коммунальных квартир дома № 2 им выделили две маленькие комнаты. Жена ученого Марина Дмитриевна и его младший брат Борис приехали сюда раньше.

Об условиях той жизни И. В. Курчатов позже написал своим друзьям: «В Казани с жильем неважно. Живем мы с женой в проходной комнате, но в хорошем доме, а брат мой

■ Игорь Курчатов. 1948

Борис живет в отдельной комнатке, но очень сырой, и учится на химическом факультете Казанского университета».

Есть все основания утверждать, что местом рождения советской атомной бомбы была именно Казань. Во всяком случае, первые работы над ней начались именно у нас, в годы Великой Отечественной войны, когда среди многих и многих знаменитых ученых сюда прибыл в эвакуацию Игорь Курчатов.

МИХАИЛ ВАЛЕРЬЕВИЧ
ЧЕРЕПАНОВ
советский и российский
поисковик, музейный
работник

И, кстати, именно в Казани И. В. Курчатов заболел сыпным тифом, а заодно еще и подхватил воспаление легких. Едва выздоровев, Курчатов связался с «отцом советской физики» Абрамом Федоровичем Иоффе, который также был эвакуирован в Казань.

Из Ленинграда в Казань был эвакуирован академик Петр Леонидович Капица вместе со своей семьей и Институтом физических проблем. Там он жил и работал до 1943 года.

В конце июля 1941 года с семьей и Институтом общей химии в Казань прибыл академик Александр Николаевич Несмеянов. Его встречал живший и работавший в Казани академик Александр Ерминингельдович Арбузов.

В августе 1941 года в Казань почти в полном составе прибыл Московский энергетический институт во главе с Глебом Максимилиановичем Кржижановским.

Работал в Казани и младший брат академика и селекционера Н. И. Вавилова академик Сергей Иванович Вавилов, и именно в Казани Вавилов-младший разработал и внедрил люминесцентные лампы электроосвещения, подсветки шкал приборов, сортировки оптических стекол, которые применяются и сегодня.

Рабочие Казани и эвакуированных заводов внесли значительный вклад в военные усилия страны, произведя более 21 000 самолетов различных моделей, десятки тысяч авиационных моторов, оптические приборы, 103 тыс. тонн пороха, 134 млн снарядов и 4,4 млрд патронов. В казанских госпиталях получили лечение 334 тыс. раненых советских солдат, и из них 207 тыс. человек вернулись потом на фронт.

■ Казань. 1980-е

- Проспект Ямашева — один из новых районов Казани. 1980-е

После окончания Великой Отечественной войны Казань продолжила активно развиваться и превратилась в один из крупнейших промышленных, научных и культурных центров страны. Численность населения города существенно увеличилась и к 1979 году превысила 1 млн человек.

В городе были построены новые микрорайоны с массовой многоэтажной жилой застройкой, среди которых выделяются два крупных «спальных» района — Горки и Новое Савиново, каждый из которых насчитывает более 100 тыс. жителей. Казань также стала одним из крупнейших речных портов страны и получила новый аэропорт, что способствовало ее дальнейшему развитию и укреплению статуса важного многофункционального узла.

Глава тридцать вторая
КАЗАНЬ СЕГОДНЯ

В 1990 году Казань была провозглашена столицей суверенной Республики Татарстан. С началом рыночной эпохи в 1990-х годах город стал одним из ключевых межрегиональных центров политики, финансов, спорта и туризма в стране. По количеству жителей Казань поднялась с 10-го на 5-е место среди российских городов

■ Вид на Казанский кремль «с высоты птичьего полёта», 2011

■ Татарский государственный академический театр кукол «Экият». 2015

(текущее население Казани, площадь которой составляет около 425,3 кв. км, — примерно 1,3 млн человек). В 2008 году город зарегистрировал бренд «Третья столица России», а также был объявлен спортивной «столицей» России. Неофициально и полуофициально Казань стала называться «столицей» российского федерализма и «столицей» татарского мира.

В 2005 году было торжественно отмечено тысячелетие Казани, и к этому событию были построены такие объекты, как Казанский метрополитен, мечеть Кул-Шариф, мост Миллениум, новый ипподром и «Татнефть-Арена». Также была проведена реставрация многих улиц в центре города, обустроены новые пешеходные улицы, такие как, например, Петербургская, созданы парк Тысячелетия и площадь Тысячелетия. Реконструированы различные культурные, религиозные и развлекательные объекты, обновлены элементы городской инфраструктуры, открыты новые памятники и проведены работы по благоустройству.

Казань стала популярным туристическим направлением, привлекая около миллиона туристов в год и укрепляя статус одного из важнейших туристических центров Рос-

■ Улица Баумана и башня Сююмбике. 2009

сии. Казанский кремль был признан объектом Всемирного наследия ЮНЕСКО, что дополнительно повысило интерес к городу.

Казань принимала важные международные мероприятия, такие как саммит глав СНГ и саммит служб безопасности мира, а также проводит Kazansammit и другие значимые форумы и конференции. Город посещали высокопоставленные гости, включая главу КНР Си Цзиньпина, госсекретаря США

Хиллари Клинтон и около тридцати президентов и премьер-министров иностранных государств.

Международный аэропорт Казани, дважды реконструированный, обеспечивает рейсы в десятки городов разных стран и способен принимать крупнейшие самолеты, такие как, например, Boeing 747. По итогам 2023 года его пассажиропоток составил 5,2 млн человек. Также организовано международное железнодорожное сообщение, что способствует дальнейшему развитию транспортной инфраструктуры города.

В Казани активно продолжается уплотнение существующих и строительство новых жилых кварталов массовой застройки. Одним из крупнейших спальных районов с населением более 100 тыс. человек стало Азино. В городе появились новые микрорайоны, такие как экопарк Дубрава, Солнечный город, Казань — XXI век (ранее Взлетный на территории старого аэропорта), Большая Крыловка, Радужный и Светлая долина. Также развиваются микрорайоны малоэтажной индивидуальной коттеджной застройки, включая Казанскую усадьбу, Лесной городок и Ореховку, а также Деревню Универсиады.

Городская планировка приобрела радиально-кольцевую структуру, что позволило создать Объездную дорогу и вну-

■ Окраины Казани. 2009

тригородские Малое и Большое казанские кольца, а также новые радиальные магистрали, исключая транзитный транспортный поток. На намывных и прилегающих территориях реки Казанка начато строительство нового делового центра «Миллениум-Зилант-Сити» и жилых комплексов, а вверх по Волге строится выездная трасса на новой многокилометровой дамбе.

В рамках уже сформировавшейся Казанской агломерации начато создание трех городов-спутников: Иннополис Казань, Салават Купере и СМАРТ Сити Казань. На протяжении всего постсоветского периода Казань является лидером по жилому строительству в Поволжье и одним из лидеров в России как по государственным программам ликвидации ветхого жилья, так и по строительству коммерческого жилья.

В городе активизировалось высотное строительство: в 2008 году самым высоким зданием стала 26-этажная гостиница «Ривьера», а к 2013 году был построен 37-этажный жилой комплекс «Лазурные Небеса» — первый в Казани небоскреб, высотой 121,7 метра. В планах также строительство 47- и 53-этажных небоскребов, что свидетельству-

■ Памятник эчпочмаку в Казани. 2005

ет о стремительном развитии городской инфраструктуры и архитектуры.

В Казани активно претворяются в жизнь культурные инициативы и мероприятия. Здесь начал действовать филиал Государственного Эрмитажа — центр «Эрмитаж-Казань», а также был открыт первый в мире Институт культуры мира при поддержке ЮНЕСКО. Город стал площадкой для проведения съездов Всемирного конгресса татар, что подчеркивает его значимость в культурной жизни татарского народа.

Казань также стала местом проведения множества международных фестивалей, среди которых выделяются:

- Шаляпинский фестиваль оперы,
- Нуриевский фестиваль балета,
- Рахманиновский фестиваль классической музыки,
- Оперный фестиваль на открытом воздухе «Казанская осень»,
- Фестиваль современной музыки «Конкордия»,
- Фольк-рок-музыкальный фестиваль «Сотворение мира»,
- Литературный фестиваль «Аксенов-фест»,
- Фестиваль мусульманского кино «Золотой Минбар» и др.

Кроме того, в Казани проводятся многочисленные фестивали и конкурсы как федерального, так и республиканского уровня, что свидетельствует о богатой культурной жизни города и его стремлении к развитию в области искусства и культуры.

Казань является уникальным городом в России, так как здесь расположены федеральный университет — Казанский федеральный университет (КФУ), а также два национальных исследовательских университета: Казанский национальный исследовательский технический университет имени А. Н. Туполева (КНИТУ-КАИ) и Казанский национальный исследовательский технологический университет имени С. М. Кирова (КНИТУ-КХТИ).

Кроме того, в Казани была основана Академия наук Республики Татарстан, которая стала одной из первых республиканских Академий наук в России. Она также является вторым крупным многоотраслевым научным центром наряду с Казанским научным центром Российской академии наук,

что подчеркивает значимость Казани как центра научной и образовательной деятельности в стране.

Казань зарекомендовала себя как «Спортивная столица России», получив право на проведение нескольких крупных международных спортивных мероприятий, включая всемирную летнюю Универсиаду 2013 года, чемпионат мира по водным видам спорта 2015 года и чемпионат мира по футболу 2018 года. Город стал одним из лидеров России по числу побед в различных видах спорта, благодаря таким командам, как футбольный клуб «Рубин» (чемпион России 2008 и 2009 гг.), хоккейный клуб «Ак Барс» (5-кратный чемпион России и обладатель Кубка европейских чемпионов 2007 года), волейбольный клуб «Зенит-Казань» (12-кратный чемпион России и 6-кратный победитель Лиги чемпионов), баскетбольный клуб «УНИКС» (чемпион России 2022/2023, чемпион Единой лиги ВТБ 2022/2023 и обладатель Еврокубка 2010/2011) и др.

Казань также провела первый Всероссийский форум «Россия — спортивная держава». Специально для Универсиады была построена деревня, которая после завершения мероприятий используется как студенческий кампус и федеральный центр подготовки сборных команд России. В городе создается Поволжская академия физической культуры, спорта и туризма.

В Казани активно реконструируются и строятся новые спортивные объекты мирового уровня, включая один из крупнейших футбольных стадионов в стране на 45 000 зрителей, гребной канал на озере Кабан и ряд уникальных объектов для различных видов спорта, что подтверждает статус города как важного центра спортивной жизни в России.

В Казани активно ведется работа по реставрации и строительству различных культовых сооружений, что подчеркивает мультикультурный и многонациональный характер города. Главной мечетью является Кул-Шариф, которая считается одной из крупнейших в России и Европе. Она не только служит местом поклонения, но и является символом татарской культуры и истории.

Кроме того, в городе расположены православные храмы, а также храмы других религий, что свидетельствует о гармоничном сосуществовании различных конфессий. Уникальным

объектом является Вселенский храм (Храм всех религий), основанный в 1992 году, который представляет собой культурно-символический комплекс, объединяющий элементы архитектуры и традиций различных мировых религий. Эти инициативы способствуют укреплению межрелигиозного диалога и культурного обмена в Казани.

С 22 по 24 октября 2024 года в гостеприимной Казани проходил XVI саммит БРИКС — встреча глав государств объединения БРИКС. На встречу в Казань прибыли 36 делегаций из разных стран, в том числе из КНР, Индии, Бразилии и ЮАР. В работе саммита принимал участие Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш. Казанский саммит стал крупнейшим международным мероприятием, организованным в России с начала СВО на Украине в 2022 году.

Заместитель премьер-министра Татарстана Шамиль Гафаров по этому поводу сказал: «24 страны представлены первыми лицами, девять — на уровне вторых и третьих лиц. Никогда Татарстан таких масштабных делегаций не принимал, поэтому нужно пользоваться моментом и радоваться тому, что мы все — часть такого большого праздника».

Основными объектами саммита стали «Казань Экспо», кремль, казанская ратуша и аэропорт. Всего в Казани было предусмотрено 86 объектов размещения: 57 отелей, а также санатории и общежития. Подготовка к саммиту БРИКС способствовала значительному увеличению вложений в инфраструктуру города. Было выделено 7,9 млрд рублей, которые пошли на благоустройство дорог, обновление транспортных сетей и пр.

Список литературы

- Аверин М. Б. Участие Г. Р. Державина в подавлении восстания Емельяна Пугачева // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 2. С. 35–44.
- Аксаков С. Т. Семейная хроника и Воспоминания. Сочинения Аксакова в 2 частях. С прибавлением 2 отрывков «Семейной хроники». Москва, 1856.
- Аксанов А. В. Казанское ханство и Московская Русь: межгосударственные отношения в контексте герменевтического исследования. Казань, 2016.
- Аминова В. Р. Топос Казани в русскоязычной поэзии конца XX — начала XXI веков: особенности функционирования и поэтика // Научный диалог. 2020. № 11. С. 177–192.
- Апухтин В. Р. Казанское дворянское ополчение 1812–1813–1814 гг. Москва, 1912.
- Батыршина А. Р. История Татарстана и татарского народа (XIX век): учебное пособие-хрестоматия. Нижнекамск, 2001.
- Бикбулатов Р. Х. Казань. Знаменитые люди. Книга первая. Казань, 2003.
- Бирюков П. И. Биография Льва Николаевича Толстого. Том 1. Москва-Петроград, 1923.
- Быков Г. В. Александр Михайлович Бутлеров. Очерк жизни и деятельности. Москва, 1961.
- Быков Г. В. Новые материалы к биографии А. М. Бутлерова // Природа. 1978. № 9. С. 111–112.
- Валиуллина Р. Р. Образ Казани в контексте проблемы городского текста // Наука и школа. 2020. № 6. С. 20–30.
- Волков В. А., Введенский Р. М. Русско-Казанская война 1547–1552 гг. Осада и взятие Казани // Преподаватель XXI век. 2015. № 2. С. 261–270.
- Габдрафикова Л. Р. Образ Сююмбике в татарской культуре начала XX века // Золотоордынское обозрение. 2020. Том 8. № 3. С. 613–623.
- Гарзавина А. В. Моя Казань: исторический и архитектурно-художественный облик. Казань, 1984.

- Герцен А. И. Письмо из провинции (<http://gertsen.lit-info.ru/gertsen/public>)
- Герцен А. И. Собрание сочинений в 30 томах. Том 1. Произведения 1829–1841 гг. Москва, 1954.
- Гольцман С. В. Ф. И. Шаляпин в Казани. Казань, 1986.
- Город Болгар: История изучения и сохранения / отв. ред. А. Г. Ситдиков). Москва, 2021.
- Городчанинов Г. Н. Сочинения и переводы в прозе и стихах. Казань, 1831.
- Грот Я. К. Жизнь Державина по его сочинениям и письмам и по историческим документам. Санкт-Петербург, 1880.
- Грот Я. К. Материалы для истории пугачевского бунта. Бумаги Кара и Бибикова // Записки Императорской Академии наук. Приложение. 1862. Том 1. № 4.
- Данилкин Л. А. Ленин. Пантократор солнечных пылинок. ЖЗЛ. Москва, 2018.
- Девярых Л. И. Казань. Забытое и неизвестное. Казань, 2002.
- Державин Г. Р. Стихотворения. Москва, 1958.
- Древняя Казань глазами современников и историков / сост. Ф. Ш. Хузин, А. Г. Ситдиков. Казань, 1996.
- Дурылин С. Н. Александр Дюма-отец и Россия // Литературное наследство. 1937. Том 31. С. 491–562.
- Евтушенко Е. А. Казанский университет. Казань, 1971.
- Егоров В. Л. О времени возникновения Казани // Советская археология. 1975. № 4. С. 80–87.
- Ерунов, Борис. Транспортные средства в старой Казани. 14.05.2012 (<http://www.iske-kazan.ru>)
- Загоскин Н. П. Император Павел Первый в Казани: 1798 год. Казань, 1893.
- Западов А. В. Державин. ЖЗЛ. Москва, 1958.
- Казанская царица Сююмбике в истории народов России. Сборник статей под общей редакцией Б. Р. Рахимзянова. Москва, 2015.
- Казань в художественной литературе / сост. В. В. Аристов, А. Г. Каримуллин, В. А. Климентовский. Казань, 1977.
- Калимуллин А. М. История Татарстана и татарского народа: учебное пособие. Елабуга, 2009.
- Калинин Н. Ф. Казань. Исторический очерк. Казань, 1953.
- Клавинг В. В. Белые армии Урала и Поволжья // Гражданская война в России: борьба за Поволжье. Москва, 2005.

- Клочков А. И. Казанский посад: стены и судьбы. Казань, 2022.
- Кутуй, Рустем. Профиль ветра. Стихи. Казань, 2006.
- Лавут П. И. Маяковский едет по Союзу. Москва, 1963.
- Лебедев В. И. Борьба русской демократии против большевиков. Записки очевидца и участника свержения большевистской власти на Волге и в Сибири. Нью-Йорк, 1919.
- Ленин в Казани: скромные доходы, первые шаги в революцию и чтение Чернышевского. 22.04.2017 (<https://realnoevremya.ru/articles>)
- Мавродин В. В. Крестьянская война под руководством Пугачева. Москва, 1973.
- Мушинский А. Х. Шейх и звездочет. Казань, 1991.
- Назарьев В. Н. Жизнь и люди былого времени // Исторический вестник. 1890. Том 42. С. 710–733.
- Овчинников А. В. Казанский историк: «1000-летие Казани» не имеет ничего общего с исторической реальностью. 1.06.2012 (<https://regnum.ru/news/1537772>)
- Орлов А. Ф. Происхождение названий русских и некоторых западноевропейских рек, городов, племен и местностей. Вельск, 1907.
- Остроумов В. П. Казань. Очерки по истории города и его архитектуры. Казань, 1978.
- Первый студент Казанского университета Сергей Аксаков // Казанские истории. 30.01.2016 (<https://history-kazan.ru/kazan-vchera-segodnya-zavtra/istoriya-v-litsakh>)
- Петров С. П. Пугачев в Пензенском крае. Пенза, 1956.
- Пинегин М. Н. Казань в ее прошлом и настоящем. Очерки по истории, достопримечательностям и современному положению города, с приложением кратких адресных сведений. Санкт-Петербург, 1890.
- Прокофьев Н. О. История Казани и покорения Казанского царства. Казань, 1904.
- Пушкин А. С. История Пугачева // Собрание сочинений А. С. Пушкина в десяти томах. Том седьмой. Москва, 1962.
- Республика Татарстан: памятники истории и культуры. Каталог-справочник (коллектив авторов). Казань, 1993.
- Рыбушкин М. С. Краткая история города Казани (в двух частях). Казань, 1848–1849.

- Салихов Р. Р., Хайрутдинов Р. Р. Республика Татарстан: памятники истории и культуры татарского народа (конец XVIII — начало XX веков). Казань, 1995.
- Салихов Р. Р., Хайрутдинов Р. Р., Хайрутдинова Л. Ф. Очерки истории Национального банка Республики Татарстан. Казань, 2000.
- Саначин С. П. «Божий гнев» на Старую Татарскую. 13.08.2022 (<https://kazan-journal.ru/news/mashina-vremeni>)
- Синцов А. Ю. Казань. Исторический центр и окрестности. Москва, 2016.
- Ситдиков А. Г. Казанский Кремль: историко-археологическое исследование. Казань, 2006.
- Ситдиков А. Г. Казанский Кремль: история фортификации // Ученые записки Казанского государственного университета. 2010. Том 152. Книга 3. Часть 1. С. 97–106.
- Скрынников Р. Г. Иван Грозный. Москва, 1975.
- Славин Н. Ф. Казанцы в Отечественной войне 1812 года. Казань, 1942.
- Спутник по Казани. Иллюстрированный указатель достопримечательностей и справочная книжка города / под ред. проф. Н. П. Загоскина. Казань, 1895.
- Тукай, Габдулла. Избранное. Стихи и поэмы. Казань, 2006.
- Уруков В. Н. Государство Волжская Болгария. Санкт-Петербург, 2022.
- Фукс К. Ф. История города Казани. Из русских и татарских летописей. Казань, 1914.
- Фукс К. Ф. Краткая история Казани. Казань, 1822.
- Халиков А. Х. Укрепления древнейшей Казани // Военно-оборонительное дело домонгольской Булгарии. Казань, 1985.
- Халитов Н. Х. К реконструкции средневековой мечети-медресе Кул-Шарифа в Казанском Кремле // Известия КГАСУ. 2011. № 4(18) С. 68–75.
- Хамитов Д. Е. Казанское ополчение в Отечественной войне 1812 года: историография проблемы // «И вечной памятью двенадцатого года...». Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 200-летию Отечественной войны 1812 года. Екатеринбург, 2013. С. 244–250.
- Хованская О. Р. Осада и взятие Казани в 1552 году. Казань, 2010.

- Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. Казань, 1923.
- Шаляпин в Казани. Живопись, графика, скульптура, мультимедиа. Каталог. К 150-летию со дня рождения Ф. И. Шаляпина / авторы-составители Р. Р. Султанова и О. Л. Улемнова. Казань, 2023.
- Шаляпин Ф. И. Страницы моей жизни. Москва, 2018.
- Шамбаров В. Е. Взятие Казани и другие войны Ивана Грозного. Москва, 2014.
- Шаряфетдинов Р. Х., Забирова А. И. Образ Казани в татарской литературе XX–XXI веков // Литература в школе. 2021. № 3. С. 74–82.
- Шпилевский С. М. Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877.
- Юбилейная лихорадка // Огонек. 17.10.2004 (<https://www.kommersant.ru/doc/2294235>)

Оглавление

Хронология истории Казани	5
Именитые уроженцы Казани	15
Глава первая. Казань: ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАЗВАНИЯ	21
Глава вторая. ОСНОВАНИЕ ГОРОДА	25
Глава третья. ЛЕГЕНДЫ ОБ ОСНОВАНИИ КАЗАНИ	33
Глава четвертая. БУЛГАРСКОЕ ЦАРСТВО	41
Глава пятая. КАЗАНСКОЕ ХАНСТВО	51
Глава шестая. ЛЕГЕНДА О НЕПОКОРНОЙ ЦАРИЦЕ СЮЮМБИКЕ	61
Глава седьмая. ВЗЯТИЕ КАЗАНИ ВОЙСКАМИ ИВАНА ГРОЗНОГО	67
Глава восьмая. КАЗАНЬ В СОСТАВЕ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА	75
Глава девятая. ПОСЕЩЕНИЕ КАЗАНИ ИМПЕРАТОРОМ ПЕТРОМ ВЕЛИКИМ	78
Глава десятая. ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II В КАЗАНИ	89
Глава одиннадцатая. РАЗГРОМ КАЗАНИ ЕМЕЛЬЯНОМ ПУГАЧЕВЫМ	99
Глава двенадцатая. ПУШКИН — ЗНАМЕНИТЫЙ ГОСТЬ КАЗАНИ	123
Глава тринадцатая. КАЗАНСКИЕ ИСТОРИИ ГАВРИИЛА РОМАНОВИЧА ДЕРЖАВИНА	131

Глава четырнадцатая. ИМПЕРАТОР ПАВЕЛ I В КАЗАНИ	149
Глава пятнадцатая. КАЗАНСКИЙ КРЕМЛЬ И СПАССКАЯ БАШНЯ	155
Глава шестнадцатая. БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ СОБОР	165
Глава семнадцатая. СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ	169
Глава восемнадцатая. КУЛ-ШАРИФ — ГЛАВНАЯ МЕЧЕТЬ КАЗАНИ И ВСЕГО ТАТАРСТАНА	173
Глава девятнадцатая. БОЛЬШИЕ КАЗАНСКИЕ ПОЖАРЫ	177
Глава двадцатая. КАЗАНСКОЕ ОПОЛЧЕНИЕ В НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙНАХ	187
Глава двадцать первая. КАЗАНЬ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА	201
Глава двадцать вторая. КАЗАНЬ И ХИМИК БУТЛЕРОВ	209
Глава двадцать третья. КАЗАНСКИЕ ИСПЫТАНИЯ ГРАФА ТОЛСТОГО	217
Глава двадцать четвертая. КАЗАНСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ АЛЕКСАНДРА ДЮМА	225
Глава двадцать пятая. ШАЛЯПИНСКИЕ МЕСТА В КАЗАНИ	233
Глава двадцать шестая. КАЗАНСКАЯ МУЗА ПОЛЯ ЭЛЮАРА И САЛЬВАДОРА ДАЛИ	249
Глава двадцать седьмая. КАЗАНЬ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	257
Гавриил Романович Державин	259
Александр Николаевич Радищев	260
Тарас Григорьевич Шевченко	262
Лев Николаевич Толстой	263
Александр Иванович Герцен	266

Максим Горький (Алексей Максимович Пешков)	268
Владимир Владимирович Маяковский	270
Евгений Александрович Евтушенко	275
Василий Павлович Аксенов	278
Габдулла Тукай	282
Муса Джалиль	284
Рустем Кутуй	286
Глава двадцать восьмая. КАЗАНЬ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЯ АКСАКОВА	289
Глава двадцать девятая. КАЗАНЬ И ВЛАДИМИР УЛЬЯНОВ (ЛЕНИН)	303
Глава тридцатая. ТАЙНА «ЗОЛОТА КОЛЧАКА»	311
Глава тридцать первая. КАЗАНЬ В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ	329
Глава тридцать вторая. КАЗАНЬ СЕГОДНЯ	335
Список литературы	344

Научно-популярное издание

Серия «История города на пальцах»

12+

Сергей Нечаев

КАЗАНЬ
Полная история города

Зав. редакцией *Елена Толкачева*
Ведущий редактор *Мария Николаева*
Редактор *Элана Козлова*
Технический редактор *Наталья Чернышева*
Корректор *Инна Назарова*
Верстка *Вера Брызгалова*
Дизайн обложки *Алексей Родюшкин*

Подписано в печать 13.03.2025. Формат 84x108/32.
Усл. печ. л. 18,48. Печать офсетная. Гарнитура Adonis Regular.
Бумага офсетная. Тираж 2000 экз. Заказ №

Общероссийский классификатор продукции ОК-034-2014 (КПЕС 2008):
58.11.1 — книги, брошюры печатные.

Произведено в Российской Федерации. Изготовлено в 2025 г.
Изготовитель: ООО «Издательство АСТ»
129085 г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 1,
комната 705, помещение I, этаж 7

Баспа Аст» ЖШҚ
129085, Мәскеу қ., Звёздный гулзар,
21-үй, 1-құрылыс, 705-бөлме, I жай, 7-кабат.
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
Интернет-дүкен: www.book24.kz
Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.
Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім
бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі —
«РДЦ-Алматы» ЖШС
Алматы қ., Домбровский көш., 3«а» үй, Б литері, 1 кенсе.
Тел.: 8(727) 2 51 59 90,91. факс: 8 (727) 251 59 92 ішкі 107;
E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz, www.book24.kz
Тауар белгісі: «АСТ». Өндірілген жылы: 2025
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.
Өндірілген мемлекет: Ресей
Сертификация — қарастырылмаған